

ЮЛИЯ
БАРАНОВСКАЯ

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Исповедь бывшей жены
футболиста

Annotation

История Юлии Барановской напоминает сказку, в один миг превратившуюся в отвратительный кошмар. Когда она была на пятом месяце беременности, ее муж, самый известный футболист России Андрей Аршавин, ушел от нее, оставив одну с двумя детьми в чужой стране. Трудно поверить, что, пережив предательство, она смогла не только найти в себе силы встать, но и быть счастливой. Юлия начала карьеру на телевидении, меньше чем за год проделав путь до ведущей главного телеканала страны.

На страницах этой книги перед Вами предстанет не «бывшая жена Аршавина», а смелая женщина, сумевшая рассказать все без прикрас и утаек, как есть. Перед Вами очень личный, потрясающий своей откровенностью трогательный рассказ. Исповедь, поражающая своей психологической обнаженностью.

- [Юлия Барановская](#)

-
-
- [Самый страшный кошмар](#)
- [Начало конца](#)
- [Родом из детства](#)
- [Нежданная любовь](#)
- [Футбол пришел в мою жизнь](#)
- [Еда от мамы](#)
- [Безумный первый год](#)
- [Взлеты и падения – наш один большой праздник](#)
- [Легенда о крокодиловых босоножках](#)
- [Шаг во взрослую жизнь](#)
- [В ожидании сына](#)
- [Как нас поженили](#)
- [На «петровском» нет места, где бы я не была](#)
- [Новый этап жизни](#)
- [Короли питера и их поклонницы](#)
- [Страстная пара](#)
- [Футбол для двоих](#)
- [Англия. первый блин комом](#)

- [Я всегда прихожу вовремя](#)
  - [Через тернии к звездам](#)
  - [Главная звезда кубка УЕФА](#)
  - [Как Алина стала Яной](#)
  - [Лето триумфа](#)
  - [«Путин, водка и Аршавин»](#)
  - [Расставаться надо красиво](#)
  - [Перезагрузка](#)
  - [Из России с любовью](#)
  - [Вернувшийся бумеранг](#)
  - [Как я полюбила Лондон, а Лондон полюбил меня](#)
  - [Традиции «Арсенала»](#)
  - [Русские едят икру ложками](#)
  - [Ярмарка тщеславия](#)
  - [Самые близкие люди](#)
  - [Лондон дал мне свободу](#)
  - [Как открыть для себя Майами](#)
  - [Дар ангела](#)
  - [Жизнь в параллельной реальности](#)
  - [Перерождение](#)
  - [На границе жизни](#)
  - [Загнанная в угол](#)
  - [Справедливость по-британски](#)
  - [Новая встреча и новый обман](#)
  - [После самой темной ночи все равно наступает рассвет](#)
  - [Опять в суд](#)
  - [Новая жизнь](#)
  - [Все к лучшему](#)
  - [Вклейка](#)
-

Юлия Барановская

Все к лучшему

© Барановская Ю. Г.

©«ООО Издательство АСТ»

* * *

Мне кажется, что в жизни не бывает случайных встреч. От простого прохожего до близкого тебе человека – каждый из них приносит в твою жизнь что-то. Незнакомый человек, проходящий мимо тебя, может вдруг просто взять и улыбнуться, и ты весь день будешь помнить эту улыбку и весь день улыбаться сам, вспоминая этот момент. А кто-то очень близкий может разбить твоё сердце, и ты еще очень долго будешь украдкой смахивать слезу, предательски наворачнувшуюся от случайно услышанной мелодии, сказанного кем-то за соседним столом слова, еле уловимого запаха... Но абсолютно каждый из всех, кто был, есть и будет в твоей жизни, бесценен! Потому что это – навсегда. Это твой багаж воспоминаний, это то, чем наполнится сосуд твоей жизни. Я счастлива от того, кем и как наполнен мой сосуд на сегодняшний день.

Моя книга – это все-таки лишь несколько эпизодов, а не подробное описание моей жизни до сегодняшнего дня. Здесь всего лишь маленькая часть, и не все мои друзья, важные мне люди и родственники уместились на страницах этой книги. А я хотела бы всем-всем-всем сказать огромное спасибо за то, что вы все у меня есть!

Спасибо маме и папе за жизнь и за сестёр, а сестрам спасибо за то, что они всегда рядом и просто за то, что они у меня есть. Бабушкам и дедушкам, а ещё маминой родной сестре, её мужу, моему двоюродному брату и моей покойной двоюродной сестре за моё счастливое детство. Спасибо моим детям за то, что выбрали меня в свою маму, и за счастье материнства. За то, что в моем сердце всегда живёт любовь, любовь матери к своим детям, что бы ни происходило в моей жизни.

Спасибо всем моим друзьям и близким людям – когда мне было плохо и я оказывалась на больничной койке, ко мне всегда было кому прийти. Спасибо врачам, которые спасли жизнь мне и Янке. Спасибо моим

коллегам по работе за то, что терпите, учите и вдохновляете меня, и моему директору за то, что он всегда рядом. Спасибо моим читателям и поклонникам в социальных сетях за то, что, когда мне очень хорошо, я могу этим с ними поделиться, а когда мне грустно, я могу получить много тёплых отзывов и светлых пожеланий.

Спасибо судьбе за то, что она у меня такая, какая есть. Спасибо вере за то, что пришла в моё сердце и осветила мой жизненный путь. Спасибо каждому месту на Земле, где я уже побывала и заранее спасибо всем тем местам, куда ещё обязательно приеду.

Отдельное спасибо всем, кто помогал в работе над книгой, и великому фотографу за обложку этой книги.

Спасибо лично Вам, кто читает сейчас эти строки. Спасибо, что заинтересовались и решили прочитать мою книгу. Не судите строго, я – не писатель, я – просто женщина, мир которой в один день рухнул и перевернулся. И если когда-нибудь Вы почувствуете, что рушится Ваш мир, поверьте, что рушится он только для того, чтобы родился новый, и новый будет обязательно лучше! Все в жизни к лучшему! Теперь я это точно знаю...

Так удивительно, но с самого первого дня моего расставания с Андреем у меня в голове вертелась только одна фраза: «Ещё настанет тот день, когда я скажу ему спасибо за все». И вот этот день наступил! Андрей, я хочу тебе сказать огромное спасибо за каждый день, который мы провели вместе, за все-все-все, что было между нами БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ! Я очень тебя любила, ты был центром моей вселенной, моей жизнью, моим смыслом. Но сегодня это все уже в прошлом. Но будет бережно сохранено в моей шкатулочке воспоминаний. Спасибо тебе за это прошлое.

И самое главное – спасибо тебе за детей! Они чудесные, и каждый из них был зачат в любви, настоящей любви между их папой и мамой. Это главное! Но должна тебе признаться: мне очень нравится то, какой я стала сейчас! Я – больше не жена футболиста. Я – Юлия Барановская. Тот этап моей жизни закончился, и этой книгой я подвожу в нем черту. Начинается новый этап и новая жизнь. Все к лучшему!

Посвящается всем, женщинам, и всем тем, кто, закрыв одну дверь, оказался в вакууме и стоит в нерешительности перед следующей. Немногие из нас умеют принимать с радостью и благодарностью то, что дается. Но это и правда не так легко сделать. «Все, что ни делается, – к лучшему», – чаще всего слышат, но не понимают. Но впустить в себя эту истину – это и есть вера. И она окупится,

поверьте.

В тот день ко мне впервые пришло осознание, что я Юлия Барановская. Нет, конечно, я всегда носила это имя, но вот была на протяжении долгих лет скорее женой Андрея Аршавина, а чуть позже – бывшей женой. Мы снимали рекламу крема Либридерм, и мне принесли макеты, тогда-то я и увидела надпись под моей фотографией «Телеведущая Юлия Барановская». Я стала их лицом, и мое имя было написано большими буквами. Я смотрела на надпись под этой рекламой, и понимала – это я, это моя фамилия, и быть Барановской – круто!

Глядя на макет, я вспоминала, как совсем недавно мама Андрея кричала: «Ты никогда не была Аршавиной. Ты к нашей фамилии не имеешь никакого отношения. Ты никто». Она никак не могла взять в толк, что я, напротив, открещивалась от их фамилии и избегала известности такого толка. Мне не хотелось быть прилагательным к чьему-то имени, довеском, и уж тем более для того, чтобы быть известной, мне не нужна была их фамилия.

Даже в тот период, когда мы были с Андреем вместе, я никогда не светила за счет него. На протяжении лет я просто была рядом – это были победы Андрея и его слава, а я была его женой и никак не претендовала на его популярность, даже на ее маленький кусочек. Если мне кто-то говорил, что я помогла ему всего добиться – я не слушала, уходила, да и сегодня стараюсь так поступать. Его мать просто не понимает, что такое отвечать за другого человека, не быть самим собой, бояться даже просто открыто высказаться, потому что это может сказаться на его репутации в том числе.

И вот мое имя. Я прочитала свою фамилию еще раз, чтобы как следует прочувствовать момент, я – Юлия Барановская, а не экс-жена футболиста Андрея Аршавина. Честно говоря, я все еще не могла поверить в написанное. Все перемены в моей жизни не изменили моего отношения к известности.

Я чуюсь ее, слова «слава» или «звезда» по отношению ко мне скорее даже пугают, чем льстят самолюбию. Я понимаю, что у меня ток-шоу на Первом канале, что меня узнают люди, и все-таки это не изменило мой характер. Но одно я могу сказать точно – всего в своей новой жизни я добилась сама.

Наверное, если бы года три назад, когда Андрей изводил меня своими уходами и возвращениями, своим отношением к семье, мне сказали, что так будет, я бы не поверила. Не просто не поверила, а подумала бы, что меня пытаются развести или успокоить. Или просто человек сошел с ума –

что угодно, но я бы не поверила. Потому что в тот момент поверить в такое было практически невозможно. Я была раздавлена, моя жизнь – закончена. Вчера меня называли женой Андрея Аршавина, и вдруг все газеты напечатали, что я сожительница, любовница. Вчера мы с Андреем были прекрасной любящей парой, а сегодня он обзывает меня последними словами и грозит беременную с детьми выставить на улицу. В тот момент я так запуталась, что перестала понимать, что происходит и кто же я.

Я до сих пор думаю, где была та последняя капля, после которой стало понятно, что пора заканчивать и надо вернуть свою жизнь. Когда случился этот момент? И до сих пор не до конца знаю ответ. Но что знаю точно: если бы я не сбежала от Андрея, то сошла бы с ума, потеряв полностью уважение к себе...

Самый страшный кошмар

В сентябре 2011 года у меня начались кошмары. Почти каждую ночь я просыпалась в холодном поту и никак не могла понять, что происходит. Однажды мне приснилось, что я попала в авиакатастрофу и пришла к своей уже умершей бабушке: «Бабуль, мне так плохо. Меня постоянно мучает адская боль, будто каждая клетка моего тела рвется на части». А бабушка спокойно ответила: «Ничего, все пройдет, внучка, все пройдет. Все затянется».

К тому моменту мы жили в Лондоне уже больше двух лет, и после яркого старта Андрея в клубе «Арсенал» начались проблемы – он прочно сел на лавке. На футбольном языке это значит, что Андрей числился в команде, получал деньги, но почти не играл, и к декабрю начал терять форму. Впереди, в 2012 году, чемпионат Европы, а у капитана сборной практически не было игровой практики. По сути это было последнее Евро в жизни Андрея, в следующем он бы уже не сыграл из-за возраста – век спортсмена не так долгод. Конечно, Дик Адвокат – на тот момент тренер сборной России – взял бы его и так: у него к Андрею было безграничное доверие, но для его собственного спокойствия ему нужно было играть на постоянной основе. И если бы он полгода просидел на лавке запасным, то чувствовал бы себя в недостаточно хорошей физической форме – Андрей и сам это прекрасно понимал.

Как обычно, помощь пришла в самый последний момент. Именно в это время в «Зените» сломался Даниил, и руководство клуба предложило Андрею помочь и себе перед Евро, и родному клубу – перейти туда на несколько месяцев на правах аренды. Переговоры не шли гладко. Андрей наотрез отказывался: «Середина года, у меня дети ходят в школу, Юля беременна третьим ребенком. Я детей посреди школы не дерну и Юлю одну с ними не брошу. Как я могу оставить свою беременную жену?» В семье нет места эгоизму, я лучше других понимала, насколько моему мужу нужна игровая практика, как важно для нас всех, чтобы он показал себя на Евро, и лично уговаривала его согласиться перейти в «Зенит». Мне самой интересно: зная, что будет дальше, сделала бы я это еще раз? Или просто не поверила в то, что такое может произойти?

На самом деле я тогда перешагнула через себя. Семья должна быть вместе – это был и есть мой основной принцип. Но видимо, в тот момент я была сосредоточена на ребенке внутри себя и на амбициях мужа, так что

сама настояла на том, что мы справимся, и спокойно отпустила Андрея в Питер. В марте, к возобновлению игр в российском чемпионате, он должен был уехать в «Зенит», а в августе, к новому сезону, вернуться в «Арсенал». Все это время мы с детьми собирались часто приезжать к нему в Питер, а он при первой возможности – к нам в Лондон.

Два месяца в Лондоне, что мы прожили до его отъезда в «Зенит», стали для нас вторым медовым месяцем. Мы совершенно перестали замечать кого бы то ни было вокруг и погрузились в мир домашнего уюта. Целыми днями вместе готовили, смотрели фильмы, общались с детьми. Моя беременность третьим ребенком еще больше нас объединила: мы перестали выходить на светские мероприятия и сосредоточились на себе.

Наш последний совместный Новый год был очень красивым. Праздновали мы с детьми у друзей в Лондоне и не потащили туда подарки друг для друга – знали, что вернемся не поздно. Муж расстарался, учитывая мое состояние, и я, уходя, заметила пакет ювелирной марки Boucheron.

Вечер прошел чудесно: в смехе и разговорах он пролетел незаметно, а ожидание только подогревало желание скорее приехать домой и снова остаться наедине со своей семьей. В этом предвкушении мы и вернулись – подарки лежали под елкой, как положено. Открывая пакет, я радовалась как ребенок. Распаковала, а там две одинаковые коробки с бантиками. Я достала одну – свечка. Андрей начал хохотать: «Твое лицо надо было снимать на камеру. Так не сыграешь. У тебя такие глаза!.. Ты пытаешься улыбаться, скрыть разочарование, при этом на лице столько эмоций!» Оказалось, что к покупке ему дали подарок и упаковали туда же, и именно его я достала первым. Во второй коробочке лежал прекрасный кулон с бриллиантами.

Мы с Андреем любили дарить друг другу всякие приятности, устраивать сюрпризы, а Новый год был нашим любимым праздником – с письмами деду Морозу и огромной красивой елкой. При этом он не часто дарил какие-то подарки – только по большим значимым поводам, но если дарил, то что-то из ряда вон выходящее – дорогие часы, украшения. И только бренды. А этот праздник был тем более особенным, что мы снова должны были стать родителями.

В марте Андрей уехал в Петербург, и начались бесконечные телефонные переговоры. Мы целыми днями висели на телефоне. Он звонил мне сразу после сна, пока чистил зубы, когда ехал на тренировку и возвращался с нее. Он звонил мне, пока ел, и перед сном. Мне казалось,

что у нас все идеально. Я приняла эти звонки за заботу о нас, думала, что он скучает и пытается быть ближе хотя бы таким образом, предвкушала, что очень скоро мы снова будем вместе. Только потом поняла, что Андрей хотел подзарядиться, ведь я всегда была его «батарейкой», и мы вместе преодолевали проблемы – я его слушала, подбадривала и помогала советом. А проблемы вправду возникли. Андрея не лучшим образом приняли в команде. Фанаты тоже были холодны. Андрей был сам виноват – он некрасиво ушел из «Зенита», а когда спустя три года вернулся в качестве суперзвезды, в Питере не простили его скандального отъезда. Да и авторитеты и лидеры в команде за это время уже сменились, и он, видимо, цеплялся за нас, как за возможность вернуть себе душевное спокойствие.

В это время в его жизни и возникла другая женщина... Мы оба были знакомы с ней довольно долгое время. К тому моменту лет восемь. Она пришла как-то на одну новогоднюю вечеринку к нашим друзьям и вела себя настолько неприлично, что ее чуть не выставили за порог. Потом встретились еще раз в Майами в ресторане. Мы пришли на ужин и увидели два свободных стула. «Для кого это?» – спросила я друзей. «Да так. Придут тут две девицы», – ответили мне небрежно. Потом она с мужем, поклонником футбола, приходила на матч «Арсенала». Они были буквально пару дней в Лондоне и попросили через общих знакомых Андрея о билетах, а заодно он дал им свой номер телефона – «на всякий случай», вдруг с проходками будут проблемы.

Все это время, как выяснилось позже, Андрей не давал ей покоя. Когда он вернулся в Питер, она с завидной частотой, как мне потом рассказали, появлялась в тех же ресторанах, что и Андрей. Впрочем, я не знаю, как у них все начиналось и почему, и никогда не интересовалась. В нашей истории главные роли были у нас, а не у нее.

Через некоторое время я с детьми приехала в Питер, в Лондоне каникулы в школах каждые шесть недель, так что уже в апреле мы снова были вместе. Эти две недели в Питере мы провели вместе, не разлей вода. В какой-то момент мне начало казаться, что он вообще не может выйти на улицу один. Андрей просыпался, шел на тренировку, возвращался домой и не оставлял меня ни на одну секунду. Мы постоянно проводили время вместе – днем и ночью.

Я даже подумать не могла, что у него, оказывается, была другая женщина... Я до сих пор не знаю, откуда он ей звонил или писал. Двадцать четыре часа в сутки мы не расставались. Даже пока едешь с тренировки – ничего не успеешь. База «Зенита» видна из нашего окна...

За это время наша счастливая семья, по моему мнению, обеспечила себе будущее. Мы подписали договор с дизайнерами на ремонт нового дома, чтобы нам было куда вернуться всем вместе после того, как Андрей закончит карьеру. Там были спальни для детей, тщательно продуманный интерьер для нас – мы вили свое уютное гнездышко.

Маячки, что не все в порядке, были, но я их упорно не замечала. Большое видится на расстоянии. Только потом я собрала все воедино. Однажды Андрей пришел домой и вдруг ни с того ни с сего сказал: «Мне предложили большие проценты в банке, давай переложим туда наши деньги». «Конечно, давай», – сказала я, удивившись. Дело в том, что Андрей никогда не доверял банкам. Он всегда отказывался класть деньги на счета под какие бы то ни было проценты. Когда мы переезжали в Лондон, у нас дома в сейфе лежало около двух миллионов евро наличными. Муж уехал раньше, а я улетала к нему примерно через месяц – нам с детьми долго делали визы. Именно тогда я убедила его, что деньги нельзя оставлять без присмотра, даже в сейфе. Я родилась и выросла в центре города и, что такое бандитский Петербург, знаю не понаслышке. Знаю, что есть люди, которые продают информацию, и часто это может быть твоё ближайшее окружение. За информацию они, между прочим, получают 50 % от ворованной суммы. Будучи столь беспечным, можно вообще остаться без всего. Я убедила Андрея положить деньги хотя бы в банковскую ячейку. Она открывается на имя того человека, который пришел, а пришла я. Никто кроме меня взять что-то из этой ячейки не мог, даже если бы у него был ключ. Там деньги пролежали до этого дня. И тут вдруг – под проценты...

Я сейчас, задним числом, вспоминаю, у него была интересная реакция на мое быстрое согласие – тогда же я не обратила на нее внимания. «Как положим?» – удивился Андрей. В его голове, где созрел целый план, просто не укладывалось, что все так легко выходит. «То есть ты сейчас пойдешь и возьмешь деньги? А поехали в банк съездим, я хочу, чтобы ты все сделала сегодня», – настаивал он. Видимо, человек не мог поверить своему счастью, что так легко вернул эту сумму в свое личное распоряжение.

Наверно, это мучило его и раньше. Человек же не меняется, и если он жаден до денег, то он жаден до них всегда. За те годы, что сбережения лежали в ячейке, Андрей несколько раз во время наших краткосрочных ссор говорил: «Что тебе бояться за свое будущее, в любой момент уйдешь. У тебя бабки останутся».

Интересная позиция, правда? Мне вот в голову это не приходило –

мы вместе, мы семья же, — а его, видимо, жгло. Но в каждодневной рутине ты этого не видишь и не понимаешь, оценивая все совершенно по-другому, оправдывая слова так или иначе, подрисовывая характер человека, исходя из своего собственного или своих чувств. А может, мне просто не хватало проницательности.

В общем, я поехала с ним в банк без лишних обсуждений. Перевоз денег инкассаторами стоит довольно дорого, и я, чтобы сэкономить, вызвала своего друга с машиной сопровождения, отдала Андрею мешок денег и совершенно о том забыла. Андрей остался в Питере, а мы с детьми возвращались в Лондон, по пути захватив парижский Диснейленд, который я давно им обещала. Каникулы заканчивались, а с ними и наша спокойная семейная жизнь.

Начало конца

Довольные и счастливые после каникул с папой и поездки в Диснейленд, мы вернулись в Лондон к размеренной жизни. Наши постоянные разговоры с Андреем по телефону продолжились.

Как раз была Пасха, когда мы сильно поругались. Прямо на праздник. Я даже не поняла, как и что произошло. Это я сейчас могу анализировать. Тогда же я была крайне удивлена – у него случилась истерика прямо по телефону. Я никогда не видела и не слышала его в таком состоянии. Я вешала трубку, а он перезванивал и продолжал орать. Это вообще нонсенс. Обычно это мне надо договорить, высказаться и сразу помириться, это я перезваниваю по десять раз, а тут все ровно наоборот. И вдруг, ни с того ни с сего он закричал: «Свадьбы не будет. Не поженимся. Теперь точно никогда. Все». Это было тем более странно, потому что разговора об этом в последнее время вообще не заходило. С чего он вдруг решил об этом вспомнить? Я уже очень спокойно относилась к нашему положению. Ну, мы же живем вместе, у нас двое детей, дом, семья больше десяти лет – при чем тут штампы в паспорте? И вдруг эта истерика. Причем вторая за последние две недели. Первая случилась еще в Питере, когда мы праздновали день рождения нашей дочери. Он отсел на самый край стола, подальше ото всех, будто исключил себя, и начал вульгарно себя вести, словно хотел привлечь к себе чье-то внимание. Все время ржал, не смеялся, а именно ржал, а потом в грубой форме потребовал у официанта хлеб. Еще через 5 минут он орал, будто его режут: «Где хлеб?» Я его не узнавала.

«Что происходит? Ты что орешь? Что-то случилось?» – спросила я. Андрей прекрасно знает, что я не люблю, когда унижают или кричат на персонал. Потом я увидела, что он сидит и почти бессознательно запихивает в себя еду – заедает какое-то внутреннее смятение. Так уже было однажды, очень давно, в самом начале наших отношений, когда мы чуть не расстались.

И вот вторая истерика за короткий срок.

Нам было не свойственно быть долго в ссоре, а тут мы почти три дня не говорили. Я не выдержала и написала сообщение. Наболевшее, искреннее: что мне очень тяжело дается этот разрыв, какая-то непонятная дурацкая ссора. В ответ пришло: «Неважно, где я нахожусь, в какой стране, физически я рядом или я очень далеко уехал, или приехал. Сердца, которые

когда-то забились в унисон, разлучить невозможно». Наверное, любая женщина, получив такое сообщение, сошла бы с ума от радости. Я внутренне напряглась. Это было несвойственное Андрею поведение, он был скуп на романтику, а последнее время начал меня вдруг баловать ею. До того, забив гол за «Зенит», он подбежал к камере и показал сердечко. Мы с сестрой смотрели матч в ресторане, и я настолько не поверила увиденному, что даже переспросила ее – не показалось ли мне. После матча пришло смс: «Это для тебя». Я ответила: «Я тебя тоже люблю». Как выяснилось позже, то же самое он сказал и другой – той, что смотрела матч в Питере на трибуне...

И вот еще один маячок, еще одно несвойственное ему поведение – я испугалась, почувствовав неладное. А уже на следующий день стало понятно, что происходит.

Утром мне прислали сообщение, что Андрей Аршавин снял для жены кинотеатр. Это было уже не в первый раз. Чуть ранее оказалось, что он ходил со мной в Эрмитаж. Мои друзья даже поинтересовались, какая погода в Питере. Я удивилась и поинтересовалась у мужа, с чего он со мной гуляет по музею. Андрей сказал, что был со всей командой «Зенита» и с ними была секретарша клуба. Я отшутилась, что, видимо, она очень вольно себя вела, раз ее приняли за жену. Тут снова. В этот раз я начала без шуток выяснять, что происходит, мы говорили два часа, и, видимо, я и правда его прижала какими-то фактами, потому что он выпалил, что был там с другой и уходит от нас. Я не поняла.

– Куда ты уходишь?

– Я уйду, заберу свои вещи и уеду. У меня другая.

Мне казалось, что он бредит. Особенно когда он меня же обвинил в том, что я все это выяснила. «То есть я должна была узнать про какую-то женщину, с которой ты проводишь время, и промолчать? Это точно не моя история, Андрей. Ты же меня знаешь. Я не буду такое терпеть», – устало произнесла я.

Могла ли я тогда, еще в начале всей этой истории простить его? Могла. Могла даже позже. Видимо, та женщина, которая не может простить, не чувствует раскаяния в мужчине, который просит прощения. Я никогда не ждала, чтобы он приполз, умолял о чем-то. Нет. Надо было просто взять ответственность за себя и свои поступки. Вот чего я ждала. До какой поры дети ломают игрушки? Пока ты не дашь им отвертку, молоток в руки и не скажешь: «Чини». Мама Андрея, когда он в школе рвал классные журналы, не заставляла его отвечать за свои действия, жалела и переводила в другое место. Из-за этого мы и получили взрослого мужчину, который

не умеет нести ответственность за свои поступки. Она рассказывает эту историю во всех интервью и гордится ею. Мне же эта похвальба всегда казалась странной. Я учу своих детей ответственности, ее же я ждала от своего мужа. Или, по крайней мере, спокойного разговора. Вместо этого я попала в ад.

В четверг Андрей сказал, что уходит от меня. В пятницу я узнала, что у моей мамы рак. Я не могла поверить, что это происходит со мной, что самые важные для меня люди уходят и выхода из этой ситуации нет. Я не знала, как справиться и что сделать. Удар за ударом – все страшнее и страшнее. Я перестала спать, есть, пить. Не находила себе места. Не могла спокойно сидеть или стоять. У меня был только один выход – лететь в Питер, чтобы самой понять, что происходит. Приняв решение, я моментально собралась, купила билет и поехала в аэропорт.

Как выяснилось буквально через пару дней, диагноз ей поставила мой врач Любовь Ивановна. И первым делом она же позвонила Андрею, предупредив его и сказав, что мне, беременной, без предварительной подготовки этого говорить пока не надо. У человека даже после таких новостей не дрогнуло сердце, и он, зная обо всем, бросил меня по телефону после десяти лет жизни, беременную, понимая, что скоро я узнаю о болезни мамы...

Конечно, в том состоянии, в каком я была – я переоценила свои силы. В самолете у меня случился приступ. У меня было состояние животного ужаса – такого, что я стала прорываться в кабину пилота, чтобы он посадил самолет. Меня остановил знакомый ресторатор, у которого мы часто бывали в Питере.

– Юля, привет! Давно не виделись. Как дела?

От звука его голоса и прикосновения, я пришла в себя.

– Спасибо, у меня все хорошо, – прошептала я, по-моему, уже синими губами.

Добравшись кое-как до дома, я позвонила Андрею, попросила встретиться со мной. Я летела, чтобы понять, что же все-таки происходит, но разговора не получилось. Андрей пришел домой с другом, которого я не переношу на дух – Сашей по прозвищу Коробей. Есть такие люди, которые, находясь рядом, открывают в нас лучшее. А есть те, с которыми подогревается самое плохое. Этот друг – из вторых. И именно с ним Андрей пришел в наш дом. Я открыла дверь, попыталась начать разговор, но Андрей практически сразу с порога принялся бешено орать. Я сидела в спальне на кровати и плакала, он же почти визжал, стоя напротив. И все это при постороннем человеке, к которому я не чувствовала ни теплоты,

ни доверия.

Андрея таким я не видела никогда. Честно говоря, шок был настолько велик, что, не веря в колдовство, глядя на него, я невольно спросила: «Тебя приворожили? Что с тобой происходит?»

Неделю назад он спал со мной в этой кровати, а теперь я смотрела, как он кидается от меня в другой угол и орет: «Не подходи ко мне!». Я не знала, что еще можно подумать. «Не смей приближаться! Не смей!» – Андрей доходил до каких-то невероятных децибел в своей истерике. Наверно, ни одна беременная женщина в истории человечества еще не вызывала во взрослом мужике такого чувства опасности. Не знаю, может быть, если бы я подошла к нему ближе, он бы не выдержал, и таким ужасным образом решил довести до конца принятое решение уйти из семьи? Он орал минут 40, я сидела и плакала, Коробей, как верный пес, ждал в другой комнате. Прооравшись, Андрей ушел, а я осталась одна. Разговора не получилось. Мне на следующий день надо было ехать к маме.

О ее болезни мне, как я уже говорила, сказала мой врач. Только помочь маме практически ничем я не смогла: доехав до больницы, я сама загремела туда же. Как и в предыдущих беременностях, у меня было снова предлежание плаценты, то есть я могла потерять ребенка при эмоциональных и физических нагрузках. Плюс мое низкое давление. На том сроке, на котором я находилась, это была угроза потери сформировавшегося жизнеспособного ребенка. Врач просто не отпустила меня в самолет, тут же заперев в больнице, и позвонила Андрею. Зная, с какими трудностями я сталкивалась, когда вынашивала Артема и Яну, Андрей отреагировал на разговор с Любовью Ивановной более чем подло, сказав, что мы просто разыгрываем его и давим на жалость, чтобы он вернулся.

Меня положили в том, в чем я была. У меня не было ничего – ни пижамы, ни халата, ни тапочек, не было даже куска мыла. Мне выдали старую ночную рубашку, всю неотстирываемых разводах и пятнах со штампом номера больницы на груди. В 6 утра я пошла на анализы, босиком, в этой ночнушке, зашла в душевую и поняла, что мне просто нечем помыться. Я не могла поверить в происходящее: еще пару месяцев назад мой муж бы сидел рядом и держал меня за руку, а сегодня я одна в клинике, моюсь без мыла, хожу по больничному кафелю босиком и не знаю, кого попросить привезти мне самое необходимое. У меня началась истерика. Мне не хотелось жить. Не в смысле, что я думала выйти в окно или сделать что-то с собой – я просто потеряла вкус к жизни. С пустым взглядом я тихо качалась из стороны в сторону, обняв живот.

Я ела, только когда меня заставляли, ни с кем не говорила, ни на кого не смотрела. Приехал Миша Арабов и трясущимися руками впихивал в меня еду. Он почти плакал, сидел бледный и не понимал, как происходящее вообще возможно. В какой-то момент друзья стали бояться приходить ко мне, и, не выдержав, позвали священника – может быть, хотя бы он, поговорив, вытянет меня из этого состояния. Он пытался начать разговор обо мне, но обо мне беседовать я не хотела – мне интересно было говорить только об Андрее.

Он долго слушал меня и сказал: «Ты знаешь, невозможно и нельзя отказываться от подарков Бога. Он дает тебе все – карьеру, семью, здоровых детей, хорошую жену, благополучие. Нельзя быть неблагодарным. Нельзя сказать, вот это я возьму, а детей и жену Ты, Господи, оставь себе, мне они больше не нужны. Ты либо с благодарностью берешь все, либо у тебя все забирают». Мне было в это сложно поверить, я смотрела на священника как на сумасшедшего. Да. Андрей ушел от меня, но оставался 100-процентным игроком сборной, впереди Евро, он любимец тренера, и фанаты рассчитывают только на него. У него был «Зенит», он должен был переподписать контракт с «Арсеналом» или уйти куда-то еще на более выгодные условия. Казалось невероятным, что ситуация может измениться. Но всего лишь через три месяца карьера Андрея посыпалась. Ему свистел стадион, журналисты писали одну статью хуже другой, а я вспоминала слова священника с удивлением от его проницательности...

Через неделю меня выписали. За это время Андрей пришел, кажется, один раз, и тут же решил, что с моей стороны это уловка, чтобы удержать его. Несмотря на то, что пережил со мной уже две беременности и знал, как трудно я их переносила.

Я вернулась в Лондон, к детям, осознавать произошедшее. Я знала, что в скором времени Андрей должен прилететь, чтобы подписать контракт на новый дом – мы давно должны были переехать, и мне бы одной жилье никто не сдал без положительной финансовой и кредитной истории – и просила его остановиться в гостинице, потому что не могла находиться рядом с ним после того, что случилось. Однако мало того, что он сам собирался остановиться дома как ни в чем не бывало, с собой Андрей хотел прихватить друзей. Скандалы начались, как только он объявил об этом. Я ему долго и терпеливо объясняла, что после сделанного Андрей не может ввалиться к нам и жить, как ни в чем не бывало, что я, в конце концов, беременна и тяжело все это переношу, что у меня последнее время постоянно стоят волосы дыбом и нет ни одной спокойной секунды. То же

самое ему говорили все наши питерские друзья.

Не подействовало. Звонок в дверь. Андрей. Не один. Привез даже Коробя, которого я, как уже говорила, не переношу на дух. Когда у Андрея начался роман, он первый выступил за общение Андрея с другой, более того, они сдружились, и приехав в Лондон, он ей докладывал обо всем, что происходило. И я это знала. Пускать такого человека в свой дом мне не хотелось: «Заходи, друзья могут найти себе гостиницу, я не хочу их видеть в своем доме». «Нет, это не твой дом. Это – мой дом, – ответил он, кинув сумку и устроив грандиозный скандал на всю улицу. – Я не подпишу контракт на дом! Ты, тварь, на улицу пойдешь жить!». Яна с Артемом испугались и убежали в другую комнату. Но ему было все равно, что первое увиденное ими от отца за последние месяцы – ор и грязные оскорбления их беременной матери. Все это вывалилось на мою голову только из-за того, что после многих недель, когда он жил с другой женщиной, я попросила его с друзьями остановиться в отеле.

«Я не буду подписывать контракт. Собирай манатки, ты уезжаешь в Питер с детьми или остаешься на улице. Никакого переезда. И карточки все закрою», – сказал Андрей на прощанье и уехал в ресторан.

Что я должна была сделать? В очередной раз он меня сломал. Ради детей, мне пришлось наступить себе на горло. Кое-как успокоившись, я позвонила: «Ладно, Андрей, я все поняла. Ты в доме хозяин. Возвращайся. Хочешь один, хочешь с друзьями». «Я сейчас в ресторане в гостинице. Приезжай сюда, привези мне ключи от машины, ключи от дома, а там посмотрим», – ответил он. Я взяла ключи, села в машину и поехала.

Мне до сих пор непонятно, что должно твориться в голове человека, который так унижает женщину... Три часа в ресторане он рассказал мне о том, какая я дрянь. Это были адские вливания, просто адские. Чтобы хоть как-то успокоиться, я попросила няню присмотреть за детьми и уехала к подруге. Но мне и там не было от него покоя: «Ты где будешь ночевать?» Я отложила телефон и решила ничего не писать, продолжать это было выше моих сил. Чуть позже пришло еще одно сообщение – от Нади Новиковой. «Привет, я встретила твоего мужа у нас в ресторане. Передала ему для вас приглашения в салон». Это было начало. Потом так будет постоянно. Я всегда знала, где мой на тот момент бывший муж проводит время и что заказывает, ведь он никому ничего не говорил и беззастенчиво пользовался моей консьерж-службой – это как личный секретарь, который может найти для тебя все: билеты куда бы то ни было, отели, вещи... К консьержу можно обратиться по любому вопросу, это очень удобно,

и Андрей попросил разрешения пользоваться моей службой. И вот в этот период, пока я заказывала нашему будущему ребенку коляски, мой муж посылал своей любовнице цветы и подарки с помощью моего же секретаря.

Примерно часов в 12 ночи, взяв себя в руки, я все-таки уехала домой. Не раздеваясь, легла в постель, попыталась заснуть, но мысли меня не отпускали. Вдруг я поняла, что кто-то вошел в комнату. Андрей.

– Ты спишь?

– Нет.

У него такое доброе-доброе лицо. После всех слов, какая я тварь, после того, как он заставил меня приползти в ресторан и привезти ключи, после унижений... Он сел на колени у кровати:

– Умоляю, можно я потрогаю живот? Можно с ним поговорю?

– Конечно, Андрей.

Он гладил мой живот, разговаривал с Арсением, он обнимал меня, лег рядом и остался ночевать со мной. Мы спали в одной кровати, как муж и жена, говорили, плакали и вместе проснулись утром. И случилась метаморфоза. Без скандалов и понуканий Андрей подписал контракт. Он перестал видаться с друзьями, они ходили по Лондону одни, а он снова, как раньше, проводил все время только с нами. Под конец своего трехдневного пребывания Андрей уже не мог отойти от меня ни на шаг. Я знала, что его любовница из Питера постоянно слала ему сообщения, впрочем, мне казалось, что мой муж ко мне вернулся – мы были счастливы, мы были вместе, все было как раньше... Но он улетел в Питер и снова исчез.

В этот раз перерыв был меньше, всего через две недели Андрей снова вернулся – нам надо было переезжать. Всего через улицу. Коробки были собраны к его приезду. Помочь ему и мне с переездом приехали Миша Арабов и еще несколько наших друзей. Я, уже зная, как сложно мне дается наше расставание и его приезды, поняла, что без помощи мне не справиться и нашла психолога. Лариса жила в Питере, но постоянно консультировала меня по скайпу. Посмотрев на поведение Андрея, который сел за стол и презрительно отодвинул от себя тарелку, я поняла, что пора позвонить психологу. Наверное, такое пренебрежение мне было пережить сложнее всего – Андрей всю нашу жизнь ел в прямом смысле у меня с рук, это был культ в нашей семье. Отказ обедать был ударом. Я не выдержала и ушла в другую комнату поговорить с моим психологом по скайпу. Когда спустилась обратно через полтора часа, уже успокоившись, то застала идиллическую картину. Андрей с друзьями сидел за столом, ел, смеялся, разговаривал. Меня отвела в сторону няня: «Юль, он места себе

не находил. Сто раз меня спросил, где ты, что ты. А в процессе разговора стал есть из общих тарелок, и в какой-то момент расслабился и взял себе сам себе приборы и тарелку из шкафа – как раньше». Конечно, по-другому и быть не могло – ведь это был его дом.

Через четыре дня его пребывания в Лондоне мы были одним целым. Мы, как раньше, гуляли по Лондону, держась за ручки. Он поправлял мне волосы, постоянно гладил меня, мы ни на секунду не расставались. Он просыпался с утра и тут же собирался и увозил меня на завтрак, а там ухаживал за мной как за принцессой. Он был таким заботливым! Чуть ли не с ложки меня кормил! Когда мы перевезли коробки в новый дом, то он чуть не плакал, понимая, что вынужден уехать и оставить меня разбираться со всеми вещами одну. У наших друзей глаза были на лбу. Они вообще не понимали, что происходит. Он же сам им объявил, что ушел от меня! И тут они видят Андрея в проявлениях какой-то совершенно невероятной и не виденной ими от него теплоты по отношению ко мне. Я тоже не понимала. Знала только, что скоро все изменится – ему надо было уезжать, и уже при приближении к аэропорту он отдалялся все дальше и дальше от меня. В Хитроу Андрей практически выбежал из машины. Я снова осталась одна. Так началась наша двойная жизнь. Я тогда ее позволила. И дальше становилось все хуже и хуже.

В какой-то момент мне начало казаться, что я вошла в какой-то параллельный мир, и прыгала из нашего – туда и обратно – по чьей-то прихоти. Как я в дурке тогда не оказалась? Так же не бывает, еще три месяца назад у нас была счастливая семья, а сегодня я живу на правах любовницы. Жизнь вообще склонна делать резкие повороты.

Родом из детства

Помню, это было в начале 1990-х. Я услышала, что недалеко в магазине дают макароны: собрала все талоны, которые были в доме, и побежала в 150-ый гастроном, отстояла дикую очередь, и мне хватило, что было большой редкостью. Наверно, меня, ребенка, тогда пожалели – отоварили все талоны. Это была огромная коробка макарон! И вот я стою перед магазином, абсолютно счастлива, только сама дотащить до дома ее просто никак не могу. Находчивостью я обладала всегда. Достала кушак из пальто, сделала дырку в коробке, привязала кушак и потащила коробку волоком. Это интересно: как ты можешь быть счастлив независимо от чего бы то ни было. Сегодня посади меня в частный самолет, отвези на Бора-Бора, напои «Кристаллом», – буду ли я так счастлива, как была счастлива тогда? Это чувство не зависит ни от обстоятельств, ни от места, ни от времени.

Наше поколение проживает жизнь с такими взлетами и падениями, которые, наверно, и не снились нашим бабушкам. В какой-то момент в Лондоне я поймала себя на мысли, что сижу в ресторане и не знаю, что заказать – устриц или лобстера. Я не знаю и не понимаю, чего я хочу. А десять лет назад я стояла в очереди за макаронами и была счастлива, что они у меня есть. И когда ты в одной жизни проживаешь столько разных жизней, абсолютно несовместимых... это дает силу.

Я Андрею всегда говорила, что мне не страшно все потерять. Я уже это проходила. У меня была счастливая жизнь с мамой и папой, она рухнула, но началась какая-то новая. У меня было время жизни по талонам, я знаю, что такое есть только гречневую кашу. Забери у меня завтра сумку Шанель, я от этого менее счастливой не буду. Подари мне послезавтра тысячу сумок, мое внутреннее состояние не изменится. Счастье – оно внутри, его не дают количество денег и краб на обед. Странно, что пройдя ту же школу питерской жизни 1990-х, Андрей остался инфантильным, по большому счету, подростком, не готовым к трудностям.

В детстве я всегда ощущала себя белой вороной. Как-то раз, когда я была во втором классе, меня как старосту учительница попросила остаться после уроков и помочь расставить оценки. Несколько часов я старательно дублировала двойки, тройки и четверки с пятерками из журнала в дневники своих одноклассников. И вот пришли дети, открыли дневники, а там проставленные мной, но по просьбе учителя оценки. Кого обвинили? Меня.

Прошли годы, а ситуация будто бы повторилась. Я словно снова услышала слова возмущения: «Что ты тут мне понаставила?» Только вместо чужих детей это сказал отец моих собственных. «Как она могла пойти к Малахову?!» Придать гласности федерального масштаба наш развод было трудным решением, и я не из тех, кто к такому приходит быстро. Мне надо выносить его в себе. И так с ранних лет.

Как-то раз мы поехали на дачу. Мы очень любили всей семьей ходить по лесу и собирать грибы. И вот после одного такого похода у меня поднялась температура. Раньше, чтобы ее сбить, больного кутали. Мы в поселке городского типа, до Питера 80 километров, и моя бабушка, человек старой закалки, решила прибегнуть к народному рецепту. И вот я, словно куколка, лежу между десяти одеял и медленно сгораю. Нетрудно догадаться, что ребенок, укрытый таким количеством одеял в жару, получит тепловой удар. Я едва не сгорела. Когда к нам спустя час приехала скорая, я уже была фарфоровой куклой со стеклянным взглядом и холодными конечностями. Мама рассказывала мне потом, что врач чуть не убил ее, орал как резаный на нее, матом. Представляю, как она натерпелась, бедная.

Не знаю, на сколько поднялась температура, но моя голова не выдержала такого пожара, меня отправили на обследование и поставили на учет к невропатологу. Наверное, никто не появляется в жизни просто так, поэтому я не стану говорить ничего дурного об этом враче... Доктор решила посадить меня на самые настоящие транквилизаторы – прописала антидепрессанты шестилетней девочке. Ума не приложу, зачем. На каждой энцефалограмме, проведение и расшифровка которой стоили немалых усилий моему отцу, она находила новые «очаги», превращая мою болезнь во все более неизлечимую. Уже тогда я понимала, что до добра это не доведет. От таблеток мне становилось плохо, и несмотря на свой юный возраст я решилась на бунт. Я пришла к маме и нашла в себе силы сказать, что не буду пить лекарство, что не могу учиться в таком состоянии, что я постоянно ватная и сонная. Я сказала это с такой решимостью, с такой внутренней уверенностью, что мама поверила. Вопреки доводам «компетентного» врача, заверявшего, что без лекарств мне будет становиться все хуже и хуже, я перестала пить таблетки. Хуже мне не стало, напротив. Когда я перевелась из детской поликлиники во взрослую, мой новый врач посмотрел мою карточку и вынес вердикт: «Выдуманный, высосанный из пальца диагноз». Тогда, совсем девочкой, когда я пошла против воли взрослых, я, наверное, и стала сильной.

Но все накладывает свой отпечаток. Может быть, здесь, в этих

событиях, корни всех моих снов и всех моих предчувствий в самые сложные периоды...

В любом случае, с тех пор любые мои эмоциональные переживания сразу находили свое выражение в физическом самочувствии. Стоило только маме уехать из дома, оставив меня одну с бабушкой, как у меня поднималась температура до 40 градусов. К нам без конца моталась скорая, терапевты то и дело ставили пугающие диагнозы, пока, наконец, не приехал один мудрый доктор, который сказал бабушке: «У вас такой ребенок». Именно он объяснил бабушке, что это не ОРВИ и не ОРЗ, а ребенок, который скучает по своей маме.

В возрасте шести лет я могла довести себя до изнеможения, доставая саму себя вопросами о Вселенной. Мысли – если бы этого ничего не было, что бы было – иногда не давали мне спать сутками. В возрасте десяти лет я решила, что сказки невозможно взять на пустом месте, что рассказанное так или иначе существовало. Воображение работало так, что я начинала задыхаться, и чтобы найти ответы, погружалась в чтение.

Вообще, я в детстве любила книжки и мечтала стать археологом. Я и сегодня получаю огромное удовольствие от путешествий по замкам и развалинам, местам раскопок. В таких местах, как Рим, Флоренция, Стоунхедж, Афины, есть определенная энергия, которую я очень тонко чувствую.

Каждый год летом я проводила месяц у бабушки в Витебске и два месяца на даче у другой бабушки под Питером. Там был Дом культуры, кинотеатр, и каждый год мы с родителями ходили смотреть практически одни и те же фильмы. Из года в год нам показывали кино «Воскресный папа». Во время просмотра я держала маму и папу за руки и говорила: «Скажите, что у нас такого никогда не будет». Не знаю, почему ребенка в таком юном возрасте это так глубоко задевало, ведь в итоге так и случилось. Предчувствие, наверно. Потому что исходя из того, что я видела в семье, развод родителей был абсолютно неожиданным, как гром среди ясного неба. Я очень тяжело переживала расставание мамы и папы. Мне было десять лет, и, конечно, я по-другому воспринимала и до сих пор воспринимаю те события. Мама говорит, что их расставание было всем очевидно, но мы заложники наших воспоминаний. Наверно, это здорово, что при всех своих личных дразгах, мое детство родители сделали счастливым.

И не только они. Мой дедушка по маме был очень строгим: и к бабушке, и к маме, и к ее сестре, ко всем, кроме меня. Наверно, это мой дар – переворачивать жизнь мужчин с ног на голову. Когда родилась я, дед,

как и было положено в советскую пору, пришел забирать меня из роддома, посмотрел в мои глаза и сказал: «А можно я ее домой донесу?» Родственники удивились. Еще больше они удивлялись, когда узнали, что дед гулял с коляской, занимался со мной, играл. Из каждой командировки он привозил мне подарки – баловал. Помню, как он поехал в Москву и, отстояв огромную очередь, достал мне игру «Электроника», где волк ловил куриные яйца. Но нашей общей с дедом страстью стало коллекционирование мишек. Он собирал значки и как-то взял меня с собой в клуб, где собирались такие же коллекционеры, чтобы обмениваться своими сокровищами. Пока мой дедушка говорил с каким-то приятелем, я заинтересовалась тем, что было у него выставлено, и увидела значок олимпийского мишки. «Хочу», – сказала я. Дедушка согласился достать значок, но мне приспичило именно сейчас. Естественно, его знакомый, увидев мой взгляд, заломил цену, а дед не смог мне отказать. Так началась история моих мишек. Я собирала их за счет дедушки, который терял «бриллианты» своей бесценной коллекции, лишь бы найти мне новый значок, а их было очень много – ведь к олимпиаде каждый поселок выпустил свою версию талисмана игр.

Ездить к бабушке и дедушке в Витебск вообще было очень весело, они так радовались моему приезду, что практически откармливали разной вкуснятиной и задаривали подарками. Каждое утро бабушка ездила на рынок, чтобы купить мне свежей клубники, готовила на завтрак блинчики с творогом, а потом в течение дня еще ходила за мной со свежими сливками и приговаривала: «Выпей сливок, ты такая худая!» Может быть, к ней я и приезжала худой, а вот обратно в Питер возвращалась колобком.

Несмотря на сложное дефицитное время, мы жили очень хорошо, были обеспеченной семьей, и так продолжалось до развода родителей. Я была разодетым сладким пупсом, самой модной девочкой во дворе – шубки, обувь на каблучках, красивый трикотаж. В доме не переводилось сладкое. Зайти в магазин и что-то купить, если, конечно, это что-то было в магазине, никогда не было проблемой.

С разводом родителей все изменилось. Впрочем, мы все в 90-е годы пережили немало: кто-то стал сильнее, кто-то погиб, а кто-то сломался. Когда мама стала жить с отчимом, первый год, два, три было еще более или менее нормально. А потом кризис взял верх. Это так странно для ребенка: вот у тебя все есть, ты ходишь на все концерты, которые хочешь, ешь икру и конфеты, и вдруг ничего нет. Тогда же мама родила Сашку, третьего ребенка. Ее зарплата была рассчитана до копейки. Из еды –

только обед: суп и второе без излишеств. Ни конфет, ни мандаринов, ни сыра с колбаской. Были дни, когда обед был, а вот денег на хлеб уже нет, при этом кто-кто, а моя мама умеет распределять бюджет.

Мы жили настолько бедно, что мне было стыдно ездить с классом на экскурсии – кроме школьной формы, другой одежды у меня не было, а ты уже подросток и так хочется хорошо выглядеть. Класс собирался в холле школы, а я старалась ждать всех на улице, потому что это так неудобно, когда у всех девочек модные пуховики, а у тебя плохонькое пальтишко.

Все изменилось, когда нам начала приходить гуманитарная помощь из Германии, так как мы были многодетной семьей. Немецкие семьи собирали еду и одежду и отсылали нуждающимся в России. Так мне на голову вдруг свалилась красивая одежда, да еще и из Европы, а не Китая, и я снова стала модной, перестала стесняться себя. Хотя, благодаря пережитому, я научилась в принципе не обращать внимания на стоимость вещей. Сегодня приходя в компанию, где все одеты в норковые манто, я не испытываю неудобств от своего пальто. Я уже это пережила когда-то в детстве, и так рада, так благодарна судьбе за это. Выработав антитела, второй раз уже не заболеешь. У меня иммунитет к оценке по внешнему виду, и сейчас меня под дулом пистолета не заставишь прятаться в угол – я в принципе не вижу, кто во что одевается. Это такая ерунда, на которую не стоит опираться и от которой нельзя делать зависимой свою жизнь.

Я часто сегодня думаю о том, как все это повлияло на меня. Вот ты маленькая девочка с любимыми мамой и папой, а вот ты видишь папу все реже и реже, и он пропадает совсем из твоей жизни. Мне уже было лет 13–14, к тому времени отец уже жил с другой женщиной, я помню, что позвонила ему – соскучилась и хотела поговорить. Взяла трубку его жена: «У твоего папы новая жизнь, и в этой жизни у него нет детей, так что сюда больше не звони». Я очень тяжело восприняла это, буквально сходила с ума от такого удара и предательства, но сумела это пережить.

Сегодня мы с отцом общаемся, правда, я не могу забыть того разговора. Что удивительно, сегодня, по словам той женщины, во всем виновата я, 13-летняя девочка, которой она сказала не общаться со своим отцом. Она даже умудрилась дать интервью какой-то бульварной газете, обвинив меня в том, что я не общаюсь с папой, не зову его на какие-то дни рождения. Вы знаете, дело не в неприязни, просто у меня нет привычки этого делать. Он ушел и вычеркнул меня из своей жизни, и я привыкла обходиться без него по всем своим важным датам и праздникам.

Невозможно уйти из жизни человека и считать, что у тебя будут те же позиции, когда ты вернешься. Нет, доверие и привычку быть необходимым зарабатывают годами.

Все вроде бы взрослые люди, но никто не хочет отвечать за свои поступки. В какой-то момент это достает. Сегодня я сталкиваюсь с этой же ситуацией. Андрей не общается с детьми не потому, что я ему запретила, нет, это его решение. Бери телефон, пиши смс, встречайтесь. Или ты пожнешь то, что сеешь сегодня.

Или еще – он всем друзьям рассказывает, что я ему обязательно отомщу. Когда я это слышу, мне становится еще обиднее, чем в детстве. Как человек, который прожил со мной десять лет, может заподозрить подобное? Он, получается, вообще меня не знал?!

Хватит уже меня воспринимать через себя! Я просто живу своей жизнью. Как и тогда в детстве. Я начала жить своей жизнью, переборов свою обиду и закрыв дверь. Родительский развод в мои десять лет сыграл огромную роль в становлении меня той, какая я сейчас. У меня в десять лет землю из-под ног выбили. Можно меня потом еще чем-то в жизни напугать? Нет. Именно поэтому я и не сломалась позже, что бы ни делал Андрей. Пережила. Отряхнулась. И начала жить с чистого листа.

Нежданная любовь

В 13 лет я влюбилась до безумия. Он был чуть постарше: гроза района, лысый, как говорила моя мама – «ноль интеллекта», – в общем, все, как положено, чтобы хорошая девочка влюбилась. Конечно, он не обращал на меня внимания. Многие годы мне приходилось что-то выдумывать, чтобы находиться рядом – дружить, вместе тусоваться, просто мозолить глаза. В результате это все-таки выросло в отношения, после многих лет моего ожидания. В тот момент я поняла, что мама права: между нами было мало общего, наверно, поэтому мы и недолго продержались вместе.

В то же время рядом со мной находился человек – близкий друг, самый близкий, который переживал все взлеты и падения вместе со мной. Ближе Макса у меня никого никогда не было, и не было ни дня с момента нашей ссоры, чтобы я его не вспоминала. Он всегда говорил, что «если мы переспим, наша дружба закончится». Мы и не спали. Может быть, он был прав. Я и сама не верю в дружбу между мужчиной и женщиной без какого-то сексуального влечения. Просто будучи взрослым ты сам волен выбрать, что для тебя важнее. Мы с Максом выбрали дружбу. Он вытаскивал меня из не очень приятных ситуаций, он меня спасал, он рассказывал мне об отношениях с мужской точки зрения, давал советы, говорил о внешности. Именно он рассказал о том, что мне идет загар, и буквально заставлял ходить в солярий, он хвалил и ругал меня за выбор одежды. Однажды он сказал: «Не смей после секса просить мужика обнимать тебя, просто не смей. Мужик, который хочет это сделать – сделает». Так забавно, что я до сих пор это помню.

Я его сильно обидела. Сейчас, спустя много лет, думаю, что если бы он меня тогда простил, отношения трансформировались из дружбы в нечто большее. Абсолютно точно. Мы были очень близки, это не могло просто так продолжаться и ничем не закончиться, но мы поссорились. В какой-то момент подруга меня накрутила, она считала, что общаться с этой компанией не нужно, потому что они «не того» уровня. Мне в свою очередь попала какая-то вожжа под хвост, и я это ему высказала. 20 лет. Глупость. Но Макс меня так и не простил, и наши отношения закончились.

Самое странное, что с тех пор мы ни разу не пересеклись, хотя я продолжала жить в Питере, ходила в те места, куда раньше ходил он – так же не бывает?!

Я мало кому об этом рассказывала. Это довольно сложно объяснить

и рассказать правильно. Несмотря на то, что я была девочкой из интеллигентной семьи, жила я все-таки в 1990-ых в Питере, и это был тот самый «бандитский Петербург». Сегодня даже вообразить сложно, что тогда происходило на улицах. Я только поступила в институт, и тот самый парень, моя первая любовь, попал в милицию, а оттуда на полтора года за решетку. Я возила ему передачи. Брать деньги у матери на это мне казалось неправильным, так что я нашла работу официантки в одном из известных ресторанов, а уже через несколько месяцев стала администратором. Это была не забегаловка, не проходной ресторан, это было заведение, у которого есть своя публика. У нас был невероятно душевный слаженный коллектив, мы были семьей. Да и клиенты нам были как родные, тем более что в это место приходили только свои. Одни и те же люди все свои главные даты праздновали у нас. Мы всегда знали, что день рождения свой, жены, ребенка, 8 марта, 23 февраля и Новый год они будут отмечать у нас, а ты в свою очередь свой день рождения или памятные даты празднуешь на работе, потому что у тебя смена, и стойка, которая у нас была метра на три, будет забита цветами. И тебе их дарят, потому что очень любят. Меня не обижали. Каждый, конечно, пытался познакомиться, но нагло – никогда. Было смешно, когда мог прийти стол из четырех мужиков, и каждый из них втихую друг от друга просил меня о свидании. Это тоже определенный опыт. И конечно, то была школа, которая научила меня понимать людей и чувствовать их.

Так я работала года три. В бешеном графике – институт, работа, снова институт, опять на работу... И все это время меня опекал и защищал Макс, приходя на помощь в любой ситуации. Когда мы поссорились, я дико по нему скучала, мне было жутко стыдно, казалось, что все случилось не со мной, что я не могла наговорить такого. Но жизнь не любит сослагательного наклонения, я всегда понимала, что Макс энергетически занимал большое место в моей жизни, и вот оно освободилось. Я ушла с работы, рассталась с лучшим другом и в тот же год встретила Андрея.

Помню, однажды мы с сестрой приехали в Милан и отправились в церковь Санта-Мария-делле-Грацие, чтобы увидеть «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Я очень люблю работы этого гения и стараюсь посещать все места, где можно увидеть его труды или узнать о нем что-то новое. За несколько лет до этого «Тайную вечерю» отреставрировали, и для ее сохранности был придуман специальный тамбур с определенной температурой воздуха, в который пускали группами по 20 человек. И вот перед тобой открывают стеклянную дверь, ты заходишь и стоишь в тесном помещении с ощущением, что вот-вот начнется приступ клаустрофобии.

Проходят минуты в ожидании, пока температуры воздуха сравняются и тебя допустят к чему-то прекрасному...

Это, пожалуй, один из самых пугающих моментов. Ты словно оказываешься в каком-то вакууме. Время остановилось. Я оказалась в пустоте. За спиной плотно закрыта стеклянная дверь, а та, что передо мной, еще не открылась. Можно было только догадываться, что ждет впереди. Страшно? Да. Но дверь точно откроется, надо просто подождать.

Наша история с Андреем началась и закончилась похожим вакуумом. До этого я привыкла жить в сумасшедшем графике – заканчивала работать в ресторане глубоко за полночь, а утром уже должна была приехать чуть свет в институт, и на сон у меня оставалась буквально пара часов. Но мне это нравилось, и со мной был Макс. А тут почти одновременно – начались каникулы, я уволилась, но другую работу еще не нашла, и Макс ушел. Свободного времени – множество, а в голове – вакуум. Я между двух дверей. Один период жизни закончился, а другой еще не начался. Я вообще не понимала, что происходит. Вроде лето, вроде все хорошо, но работы нет, и просто слоняешься без малейшей идеи, что хочешь делать дальше. Я не хотела замуж или каких-то отношений. У меня никогда не было заветного желания создать семью, как у других девочек, или родить детей. Мне просто нужно было разобраться в себе. Но одним летним днем на одном из центральных перекрестков Питера я встретила симпатичного парня. Это было тем более неожиданно, что я не собиралась выходить из дома. Это ли не то, что люди называют судьбой?

Мы с подругой Машей должны были поехать загорать, а после отправиться в ресторан на ужин. Я поехала за ней на другой конец города, и в меня врезался на светофоре мужчина. Тут же трехэтажный мат, ор – есть, знаете ли, такой тип мужчин, которые женщин обычно величают «бабами» и считают, что если на эту самую «бабу» покричать погромче, то она испугается и убежит. Но со мной это не проходит, поэтому, выслушав мужскую истерику, я совершенно спокойно сказала, что не стоит меня запугивать. Конечно, мы с ним разобрались, но к Маше я приехала с неприятным осадком. Дальше – хуже. Я сгорела. Да и переодеться домой съездить не успевала, так что мы решили остаться у нее перед телевизором. Мы бы так и пролежали на кровати, но меня словно муха укусила. Я резко подскочила и выпалила: «Все. Поехали в ресторан, надоело дома валяться, так и судьба моя мимо пройдет». Переоделась у нее же, выбрав из ее гардероба совершенно безумное платье – розовое, прозрачное, крупной вязки, получилась красота неземная: красное обгоревшее лицо, завязанные в хвост волосы, ни грамма косметики и это розовое платье... Я просто

не могла быть незамеченной. И конечно, это случилось. В ресторане за соседним столом сидел мужчина. Костюм, часы, охрана, мерседесы на улице – один для себя и два для охранников – все как положено. Весь вечер он рассматривал меня, и я это знала. Позже он сказал, что сразу обратил на меня внимание, но долго не мог понять, к кому относился мужчина в нашей компании. Когда мы направились к выходу, Саша взял Машу под руку, и стало очевидно, что я одна. Вот тогда-то он меня и догнал, чтобы познакомиться. То еще зрелище. Мои друзья впереди. Я в своем платье, красная, чуть поодаль. Он идет за нами. За ним идет охрана. Знакомиться я отказалась, и он со своей охраной отправился несолоно хлебавши в свой «Мерседес», а мы пошли гулять.

Август, погода чудесная, небо голубое, жизнь кипит. Мы решили посидеть прямо на Невском на веранде какого-нибудь летнего кафе, попить чаю. Перешли через дорогу. Я остановилась на углу подождать друзей. Слышу вдруг, меня кто-то окликает, повернулась и увидела на перекрестке ребят, а рядом с ними – голубоглазого парня. Он стоял, раскачивая цепочку между столбиками, и смотрел на меня, а потом так по-детски неожиданно сказал: «Вы такая красивая...» Он так это произнес, что мне захотелось остаться с ним. Ведь именно так все и происходит. Без охраны, без «Мерседеса», без обещаний. Ты просто встречаешься с кем-то глазами посреди улицы и остаешься.

Футбол пришел в мою жизнь

Говорят, когда ты встречаешь своего человека, ты сразу начинаешь доверять ему. Я с первого взгляда не почувствовала ни угрозы, ни страха в Андрее. Он был еще совсем юным, с такими наивными глазами. Мы едва обмолвились парой слов на перекрестке, а я уже стала искать способ отвертеться от своих друзей, чтобы пойти гулять с Андреем и его друзьями. Вот так просто.

Удивительным образом я с самых первых минут знакомства его почувствовала. До встречи с Андреем я курила и считала, что никто не сможет лишить меня этого удовольствия, если я сама не захочу. У каждого человека есть свои раздражители. Андрей остро реагировал на курящих женщин. Считал, что курят от нечего делать. Я об этом не знала, но как-то почувствовала, что ли, – мы шли по Невскому, и я ни разу не закурила.

Это был хороший жаркий летний день, и мы уже собирались заглянуть в очередное кафе, когда я сказала:

– Слушайте, вам не надоело все время с кем-то знакомиться, а после чай пить? Это такая скучная и грустная история. Все знакомства заканчиваются этими посиделками. Сперва все по Невскому прогуливаются, а потом сидят и чай пьют.

– А что тогда делать будем?

И тут кто-то предложил:

– Поедемте за город искупаемся.

Я только с озера, обгоревшая, красная как помидор, но готовая к авантюрам.

– Довезите меня до машины, она тут недалеко стоит. Там как раз есть купальник. Я возьму одежду и поедем.

До этого момента мы с Андреем еще даже толком не разговаривали. Он все время как-то слишком громко смеялся, очень оживленно беседовал. И вот мы в одной машине, вдвоем на заднем сидении. Он сидел, повернув ко мне голову, и смотрел на меня, не отрываясь. Мне начало казаться, что у меня бородавки на лбу выросли, а вместо кожи жабья шкура. Я не выдержала:

– Что-то не так?

А он еле слышно:

– Ты такая красивая.

«Болен или прикалывается?» – пронеслось у меня в голове. Так мы доехали до озера.

Мы искупались, и вдруг его друзья говорят, что Андрею бы поосторожнее надо быть, а то он карьерой рискует. Я, честно, даже понять не могла, о чем они говорят, какой карьерой? Парень купается в озере. На улице 30 градусов жары. Что они бред-то несут? Тогда мне объяснили, что тренер им запретил купаться в прудах, там вода не проточная – мало ли какая инфекция, нельзя рисковать. Это было мое первое погружение в футбол, хотя в тот момент и предположить было невозможно, что он станет частью моей жизни. Мы расстались с Андреем, обменявшись номерами телефонов. Тогда же меня впервые пригласили на матч.

На следующий день мы с друзьями уехали на рыбалку в Карелию. Нетрудно представить, что со мной случилось, когда я поняла, что телефон не работает – я сходила с ума: поднимала телефон над головой, залезала на горки, но связи не было, а я так ждала его звонка! Я очень переживала. Все гуляют, пьют, ловят рыбу, а я сижу, смотрю на гору несчастного лосося и чувствую, что застряла в жуткой дыре. И так 5 дней!

Это было в то время, когда еще не приходили смс-оповещения о том, кто тебе звонил. Так что я вернулась в город, а в голове – не звонил, не писал, ничего не выйдет. Я никогда не считала себя гордой и принципиальной, но мне казалось, что женщине нельзя навязываться мужчине: «Если нужно будет – позвонит», – решила я, не увидев ни одного смс, но сама, конечно, расстроилась. По женской традиции расстраиваться лучше не одной, так что я поехала к подруге – жаловаться, и никак не могла забыть этот открытый честный взгляд и восторг в глазах. Наконец, подружка не выдержала: «Что ты паришься? Напиши ему сообщение. Ответит – ответит, не ответит – забудь эту историю». Я собралась с духом и отправила смс: «А звезды всегда такие молчаливые?» Не успела я положить мобильник, как он мне перезвонил, у меня было ощущение, что у него телефон к уху был приклеен. Как оказалось, пока я была на рыбалке, он звонил много раз, но не мог дозвониться, и решил, что он мне неинтересен.

Когда мы только познакомились, Андрей был подающим надежды, но очень молодым игроком и сидел на скамейке. При этом ныне титулованный клуб «Зенит» был на 10 или 11 месте в турнирной таблице чемпионата России. Они проигрывали всем, даже «Шиннику». Я этого, правда, еще не знала: хоть и из Питера, но футболом особо не увлекалась и на игры не ходила.

Впервые на стадион я пришла как на праздник. У меня было любимое

джинсовое платье от Дольче и Габбана, весьма оригинальное: сзади открытая спина и специально пришитые к краям кружева, чтобы казалось, что выглядывает белье. И вот я в этом платье, в туфлях на каблуках пошла на стадион. Его друзья ждали меня у «Петровского» и, увидев, обалдели:

– Это ты куда в таком виде собралась?

– На стадион.

– Правда?

Я, конечно, очень выделялась среди публики на трибуне.

В тот день Андрей оставался в запасе, его выпустили только на последние две минуты. Но во время разминки он заметил меня на трибунах, и когда ребята очень эмоционально что-то обсуждали, сказал им, глядя на меня: «Да что вы там обсуждаете? Вот там, на трибуне, шедевр сидит». А я вот его игру не оценила, о чем ему и сказала честно:

– Зачем я вообще пришла? Могла и опоздать на полтора часа. Зачем мне смотреть на то, как незнакомые мужики бегают по полю в трусах?

– Я мечтаю забить гол и подбежать к твоей трибуне.

– Так забей...

На очередную игру я пришла в шортах и колготках в сетку: броской, яркой – не заметить невозможно. Результат не заставил себя ждать: Андрей вышел снова к концу игры, но в этот раз забил гол и побежал к моей трибуне. А чуть позже начал играть в основном составе. Андрей был великолепен на поле. С каждым матчем он играл все лучше и лучше. «Зенит» закончил чемпионат на втором месте. Пресса тогда сошла с ума, постоянно выходили статьи с вопросами, что такое произошло с командой, почему все так резко изменилось. Я же тогда даже не обращала на это внимания. Это через годы начинаешь вспоминать, анализировать, с чего все начиналось. Для нас важнее было, что мы вдвоем. Мы были поглощены друг другом. И в этот же момент Андрей становился одной из самых ярких звезд российского футбола.

Помню, уже когда они шли ко второму месту, был очень важный матч в Казани с «Рубином». Победа нужна была как воздух. Ребята на игру даже приехали с батюшкой, чтобы освятить раздевалку. Мне очень хотелось сделать Андрею сюрприз. Весь вечер я просидела на телефоне и каждый раз, когда мяч попадал в ворота, то отменяла лимузин, то снова его заказывала. И вот «Зенит» выиграл. Команда прилетает в аэропорт, а я встречаю Андрея на лимузине. Для него это, конечно, был шок – такого сюрприза от меня он не ожидал. Мы всю дорогу слушали музыку, танцевали, потом поехали куда-то на бильярде поиграть, а у меня был заказан лимузин только на 3 часа – все, на что хватило денег, занятых

у моей старинной подруги Оли. Я звала и зову ее до сих пор Капустой – из-за фамилии Капустинская. Капуста стала свидетелем многих событий в моей жизни и помогала мне всем, чем могла. В тот конкретный вечер выделила все, что у нее было, на лимузин. Андрей продлил его тогда чуть не до утра, ведь для него это было грандиозное событие. Он потом признался, что мой сюрприз с лимузином был для него не менее важен, чем победа.

Впрочем, это позже. В тот вечер моего первого футбола мы решили поехать купаться на Финский залив. Андрею нужно было помыться после тренировки, поэтому мы с друзьями уехали со стадиона первыми, а он должен был подъехать позже. И я в этом своем наряде: на каблуках, в платье с голой спиной приперлась на пляж. Купаться я, конечно, не стала, просто сидела одна на берегу и смотрела, как они плавали. Андрей приехал чуть позже, но только что и успел задать вопрос: «Как футбол?», – и на ходу раздевшись, убежал к друзьям. Я была ошарашена и уязвлена. Это был первый раз, когда мы остались наедине. Появилась такая прекрасная возможность поговорить, а он взял и в воду полез! Честно говоря, я не знала даже, что можно подумать.

Потом я услышала его версию этого вечера. Оказалось, что он так волновался остаться наедине со мной, что у него тряслись руки, и чтобы скрыть свой страх, он не нашел ничего лучше, чем спрятаться в воде. В первое время для общения со мной ему нужны были условные костыли – поводы, свидетели, – иначе он не решался даже заговорить. Я никогда не была особенной красавицей. Всегда знала, что достаточно привлекательна, но никогда не считала себя ни роковой женщиной, ни королевой. Я вообще уверена, что женская красота исходит изнутри, это больше о каком-то тепле и обаянии. Но Андрей с самого первого дня нашего знакомства, видел во мне принцессу и даже побаивался делать серьезные шаги.

Еда от мамы

Я переехала к нему через месяц-другой после того, как мы начали встречаться. Помню, однажды я проснулась уже уставшей и поняла, что не могу больше жить на два дома. Я жила у мамы в Автово, Андрей на Пионерской. Три часа на дорогу. Я с утра просыпалась у него, ехала домой, переодевалась, занималась своими делами, вечером мы встречались и шли куда-то, потом к нему. И каждое утро он начинал с вопроса: «А мы точно вечером увидимся?» «Конечно», – отвечала я. Но жить так было непросто: мои вещи у мамы, мне постоянно приходилось их таскать туда-сюда: ни крема, ни шампуня. «Тогда переезжай ко мне», – предложил он. Вот так буднично. Я взяла дома 5 пар джинсов, 5 свитеров и переехала жить к Андрею.

Я сейчас оцениваю степень своей любви к Андрею по 100-балльной шкале на все 100 баллов. Я переехала к Андрею из большой четырехкомнатной квартиры: сталинский дом с высокими потолками, с пространством для жизни, с разными приспособлениями вроде автомата для стирки. Наверно, все думают, что футболисты – самые богатые люди в России, не считая олигархов. На самом деле в тот момент Андрей только начинал. Мы жили в обычной двухкомнатной хрущевке на Пионерской втроем. Пара крошечных комнат, какой-то редкий ремонт, периодически забегающие от соседей тараканы. Машина «Малютка», в которой надо перестирать всю его форму, – просто ведро с моторчиком, а форму он приносил домой в огромных количествах. Стирали, убирали с его мамой напополам. При этом она невзлюбила меня с первого дня. Андрей все время говорил, что я должна радоваться этому, потому что я была первой, на кого мама так реагировала. Значит, наши отношения, она понимает, настоящие. Параллельно его мама ремонтировала новую квартиру, куда он, великовозрастный парень, должен был переехать с ней.

Жить с его мамой и не обращать внимания на все, что она делала, это надо было очень сильно любить. Но, тем не менее, я ни разу не сказала Андрею: «Давай съедем». Потому что я понимала, что он это решение должен принять сам, и только тогда оно комфортно ему ляжет на душу.

Наверное, это странно, что взрослый парень жил с мамой. Ведь он на тот момент уже точно мог позволить себе снять отдельную квартиру. Все в его возрасте, наверное, жили отдельно или хотя бы старались убежать от родителей, а мы за ней переехали даже в новую квартиру и прожили все

вместе еще три месяца. Сегодня я понимаю, что это странно. Тогда же даже внимания не обратила. Сказал с мамой, значит, с мамой. Если честно, мне казалось, что мы в раю. Впрочем, это и был рай в шалаше.

Еду в самом начале он ел тоже только мамину. Его накормить всегда было головной болью. Андрей ел только одно и то же. Когда я первый раз ему сказала: «Давай я тебе что-нибудь приготовлю», – он чуть ли не испугался. «Ты? Нет. Мама же готовит», – это была такая семья, где Андрей все еще был ребенком. Я, честно говоря, по-другому себе семейную жизнь представляла. Но у меня откуда-то появилась мудрость – не обращать внимания на такие вещи. Когда я первый раз приготовила ему еду, он просто смотрел, изредка отпуская едкие комментарии, как его друг уплетал салат и рыбу с картошкой. В тот вечер Андрей так и не притронулся к еде. Потом я приготовила еще раз. И еще. Но он все не ел. Так было, пока однажды я не приготовила булочки с черникой. После этого готовила только я, а заодно собирала чернику, потому что булочки надо было печь регулярно.

Нельзя сказать, что я всегда была этому рада. Постоянно приходилось после всех вечеринок, выходов, дней рождений, в час, два, три ночи вставать к плите, потому что Андрей хотел есть только мою еду. У людей, которые об этом узнавали, был шок. Уже будучи в Лондоне, мы с нашим общим другом ехали из гостей домой, и всю дорогу Андрей говорил, что сейчас мы будем есть блины. Мы приехали, я встала у плиты. Наш друг тогда был в ступоре: «Юль, я думал, что он шутит, что ты в час ночи будешь печь блины, в моей голове подобное не укладывалось, пока я это не увидел собственными глазами». Ехали мы с дня рождения, где столы ломились от еды.

Наверно, это тоже традиции – есть с руки любимой женщины, любить только то, что она приготовила, когда не нужно ничего другого. Это своего рода близость, когда пара становится одним целым.

Когда Андрей ушел, один из наших друзей спросил меня:

– Он не умер еще?

– Ром, ты что имеешь в виду?

– Юль, потому что, сколько я вас наблюдал, он себе поесть не мог заказать. Ел только с твоих рук, когда ты попробуешь. Я интересуюсь, что он там жрет, бедный.

При этом Андрей тоже мирился с какими-то моими желаниями и причудами, мог терпеливо смотреть без конца «Жмурки» или пойти на концерт Авраама Руссо и Кристины Орбакайте, и еще отсидеть его целиком. Я только сейчас понимаю, какой это был подвиг с его стороны.

Так мы притирались друг к другу.

Безумный первый год

Так прекрасно, стоит нам влюбиться, как мы начинаем лучиться счастьем, приковывая к себе внимание друзей. Мы невероятно уязвимы в этой искренности, но в то же время вокруг нас словно появляется защитная оболочка. В самом начале в нашу историю невольно вовлеклась вся моя семья. И конечно, иногда им доставалось. Я ехала с мамой за город на дачу в Сосново и без конца ставила нашу с ним песню группы «Звери». Думаю, слушая в машине по сотому разу: «Все только начинается, начина-ется», – моя мама хотела, чтобы все уже быстрее закончилось. Я мучала их этими «Зверями» день и ночь. Тетю свою даже домучила до того, что она стала их фанаткой.

Смешных милых моментов у нас было множество, из них ткалось полотно нашей жизни. Например, мой любимый певец и актер – Михаил Боярский. Вообще я до сих пор схожу от него с ума. У меня были пластинки с песнями из всех фильмов, где он пел. Особенно я любила «Трех мушкетеров». Могла слушать эти записи с утра до вечера. Когда мы с Андреем стали встречаться, я узнала, что Боярский – фанат «Зенита». На нашем первом свидании мы гуляли с Андреем по центру Питера и свернули на набережную реки Мойки, а там жил Боярский.

– Слушай, тут же Боярский живет. Он ваш фанат. Ты, наверное, его знаешь, – сказала я Андрею.

– Я его совсем не знаю. Куда мне? Я самый скромный футболист в «Зените».

Андрей залез на парапет, и в тот же момент рядом остановился джип, а там – Боярский.

– Андрюша, привет.

Лицо Андрея стало пунцовым.

– Здрасьте. Это Юля.

Потом Боярский еще несколько раз, давая интервью, вспоминал, как Андрей смутился. Так что можно сказать, что Боярский стал свидетелем начала наших отношений.

Наверное, подобное может произойти лишь в юности, когда мы эмоционально открыты для чувств. Мы росли на глазах друг у друга, и это невозможно повторить. Я вовсе не имею в виду, что невозможно после встретить другого человека или влюбиться, не зная, как человек жил до тебя. Это просто как говорить на разных языках. Личность формируется

один раз. И навсегда. В раннем возрасте еще не понимаешь всего, все принимаешь за чистую монету. Доверяешь чувствам. Мы с Андреем как два деревца, росли вплотную. Вместе гнулись под порывами ветра. Вместе выпрямлялись.

Я вот все думаю, что должно произойти сейчас, чтобы меня, окрепшую, подогнать под какие-то отношения? А потом поняла: не надо ничего гнуть. Просто сейчас выбираешь единомышленника, которому не нужно ничего объяснять. И человек либо принимает тебя, потому что вы, как паззлы, подходите друг другу, либо не принимает. Но взрослеть в юношеских отношениях очень интересно, особенно когда вы доходите до той степени откровенности, что спустя годы обсуждаете свою глупость в самом начале.

Однажды я уехала со свидания и не взяла телефон, специально не взяла, чтобы не смотреть на него каждые две секунды, чтоб не ждать звонка или смс. Зашла к подруге и начала ей рассказывать все происходящее – зацепились языками. Вышла уже поздно, и когда увидела, что он звонил, у меня было такое счастье! У него же наоборот. Я уехала и не беру трубку – все плохо? Или я на другом свидании? Когда есть возможность потом все обсудить и посмеяться над молодой глупостью, это здорово. Он рассказывал какие-то свои ощущения от меня, я свои от него. Так мы понимали, как притирались друг к другу, становились одним целым.

Мы выросли вдвоем, заводили общие привычки, создавали наши моменты. Я делилась чем-то с ним, а он со мной. Например, когда я была совсем маленькой, мы с отцом очень любили ездить в Павловск. Это было наше с ним сокровенное место. Только его и мое. Мы кормили белок, которых я с тех пор очень люблю и всегда, гуляя по парку, подкармливаю. Тогда был жуткий дефицит, и стоило нам с отцом пройти с огромным пакетом орехов мимо гуляющих по парку, как все они начинали нас ненавидеть. Андрей был первым человеком, которого я привезла в парк, с момента, как мои родители перестали жить вместе. И, надо сказать, за то время, что меня там не было, многое изменилось. Белка осталась всего одна, а количество людей с орехами выросло в разы. «Но из всех она выбирает именно тебя, только твои орехи ест», – заметил Андрей.

Это были наши с ним первые серьезные отношения, и мы учились им вместе. Я знаю, что уже говорила это. И наверно, повторю еще не раз. Ведь это правда! Каждый его жест, несмотря на некоторую неопытность, был наполнен искренностью и чистотой. Как-то мы с Андреем ехали по городу. На красном светофоре остановились напротив небольшого

уютного магазинчика, а там вся витрина в знаменитых игрушках – мишках от «Холмарк». Они такие прелестные, такие плюшевые, смешные. Модель у них всегда одна и та же, но они бывают разного размера, у них разные имена и костюмчики, и в руках они держат всякие разные штучки. И вот целый магазин с этими самыми «медведиками». Я тогда призналась, что обожаю их.

Спустя какое-то очень короткое время мы поехали за город с друзьями, где снимали на выходные коттедж. Вообще это было наше с Андреем любимое место, мы туда достаточно часто ездили – до глубокой ночи болтали веселой компанией на природе. И вот мы только разложили продукты на стол, растопили камин, сели болтать с друзьями, как вдруг Андрей сказал:

– Пошли спать.

– Андрей, ты что? Только десять вечера. Какой сон?

– Пошли, я что-то устал.

Ну, раз устал, конечно, ушли. Все очень удивились, и мы, под недоуменные взгляды наших друзей, пошли наверх в свою комнату. Зашли, включили свет, и... Везде – эти мишки. Сидят и на меня смотрят. Андрей так хотел их подарить, что не смог высидеть за столом. Мишки стали нашим талисманом и символом наших отношений. Их коллекция постоянно пополнялась. Однажды Андрей пошутил, что эти мишки скоро нас выселят из дома. Мы все, наверное, в какой-то момент завязываемся на игру, понятную только двоим: словечко, мелодия, может быть – игрушка, кадр из фильма, фраза, стихотворная строчка. То, что важно только для него и для тебя, что никто, кроме тебя, не понимает. И ты знаешь, что это только твоя история, твоя тайна, твоя загадка. Я уверена, что это было у каждого. Так вот, у нас были эти мишки. Они присматривали за мной и за ним во время сборов – это время, когда вся команда уезжает на некоторое время для усиленных тренировок. Сейчас сборы составляют всего две недели, а когда мы познакомились, – целых два месяца. «Будешь себя плохо вести, я мишкам расскажу», – торжественно обещала я ему, а он мне в то время, когда мы вынужденно расставались.

Уже когда он ушел, мне пришло оповещение от магазина, что Андрей пытался купить медведей. Я сидела и думала: «Это никак не может быть ей, потому что на свете миллион игрушек, миллиард, есть гораздо круче, навороченнее, не может он ей дарить этих медведей». Я думала, что Андрей решил помириться и выбрал единственный правильный способ – ведь мне не нужны были ни бриллианты, ни дорогие подарки, ни мольбы. Я ждала. Он прилетел без медведей. Я не выдержала

и спросила, кому он искал игрушку, и все поняла по его взгляду. Наверно, я восприняла это большим предательством, чем все оскорбления и унижения, которые выпали на мою долю. Расскажи это взрослым людям – подумают, что бред, но вы, надеюсь, поймете, что я имею в виду. Медведи были тем «своим», что принадлежало только нам, а он это разрушил.

Взлеты и падения – наш один большой праздник

На начальном этапе взаимоотношений, мы, как любая пара, проходили через ссоры и бурные выяснения отношений. Андрей не всегда умел правильно доносить свои мысли. Делал иногда это достаточно грубо. Вместо того чтобы сказать: «Юль, давай купим другую одежду», – он кричал, что сожжет мою. Я при этом и правда одевалась вызывающе, в какие-то рыболовные сетки – сегодня даже представить на себе этого не могу. Но сказать можно было по-другому.

Андрей не любил, когда я опаздывала. Я пунктуальный человек, но к нему действительно почему-то всегда приезжала позже по разным причинам. У меня во дворе жил какой-то идиот, дошло того, что из-за него я чуть не разбилась. Выехала из дома к Андрею, как сейчас помню, была одета во все белое, а на улице проливной дождь, и в какой-то момент поняла: с машиной что-то творится. Я вышла, а у меня все 4 колеса проколоты. С риском, гремя по всей дороге, я все-таки приехала на свидание – так Андрей мне был важен. Ему же все время казалось, что предпочитаю что-то другое общению с ним.

Были и другие опоздания. Я задержалась, мы поругались, и он уехал, психанув, в ресторан, где моя же подруга работала администратором. Я попросила ее каким угодно способом, хоть сломанной кассой, остановить ребят, а сама быстро туда приехала. Помирились тут же. «Твои подружки все подстроили», – сказал он. «Знаешь, Андрей, в Петербурге больше тысячи ресторанов, но ты поехал туда, где работает моя подруга, значит, ты хотел, чтобы я узнала, где ты, нашла тебя и приехала», – ответила я.

Однажды я не встретила его с поезда. Он ехал из Москвы с Игорем Денисовым, партнером по команде, они возвращались из молодежной сборной. Я должна была приехать за ними из Автово от мамы. Мы встретились с подружкой, заговорились, и я проспала. Открыла глаза, куча пропущенных сообщений. Плохой знак. Перезвонила: «Ты где была?» И снова не верит, что я просто проспала. Поехала к нему, позвонила: «Не хочу с тобой знаться» – «Хочешь – не хочешь, я уже внизу стою». Спустился, увидел, растаял, простил. Видно было, что соскучился.

Наверно, в тот момент, а может, и позже, Андрей еще оставался мальчиком. И это его восприятие, что я ему кого-то предпочитаю,

несколько подростковое, от кучи комплексов. Откуда это, интересно, берется? Ему все время казалось, что его стыдятся. Ему постоянно надо было доказывать, что я люблю его. Может быть, в его голове «принцессе» никак не подходила такая пара, как он.

Иногда мне казалось, что Андрей думает, что он гуляет не с обычной девушкой, а фарфоровой куклой, которая вот-вот упадет и разобьется, – настолько он не знал, как ко мне подступиться. Каждый шаг, который он делал, был для него очень трудным. И как-то, устав от собственной нерешительности, он в один из вечеров решил все изменить. Слегка захмелев и набравшись храбрости, он внезапно сказал: «Может, поедем ко мне?». Мне кажется, что, когда он услышал собственные слова, то даже дернулся от неожиданности – настолько сам удивился тому, что сказал. Видимо, друзья науськали его «быть мужиком», и, когда я ответила, что сегодня мы к нему не поедem, он даже испытал облегчение. Его глаза засияли, а сам он расплылся в довольной улыбке. Его пугало все, что происходило между нами. Я же очень рада, что к нам пришло все в свое время. Наши отношения были очень органичными и, что самое главное, все шло своим чередом, без искусственных поступков и хитростей.

При этом он настолько боялся меня потерять, что ему легче было сразу все оборвать. Это было на дне рождения одного из его друзей. Питерская квартира, все развлекались, смеялись, как вдруг Андрей, чуть выпив, ни с того ни с сего сказал: «Пойдем, мне надо с тобой поговорить». Ужасный штамп, не так ли? И такой понятный. Так и вышло, как только мы уединились, он тут же выпалил:

– Ты знаешь, мне кажется, что нам надо расстаться.

Внутри меня начало что-то ломаться:

– Ты это когда решил?

И тут он сказал фразу, в которой были все его чувства, все его эмоции и причина его странных поступков:

– Я не знаю.... Но когда я рядом, то так странно себя чувствую. Тебе со спины 12 лет, но когда заглянешь тебе в глаза, кажется, что там 20 жизней. И я от этого так теряюсь. Мне кажется, что каждое слово, что бы я ни сказал, все невпопад. Давай расстанемся.

Мне не хотелось его ни в чем переубеждать, заигрывать, просить о чем-то:

– Хорошо, уходить?

– Нет, не надо...

– Так ты определись...

После этого разговора мы легли спать вместе, и под словом «спать»

я подразумеваю именно «спать». Проснулись мы тоже вместе. Впервые. Он уехал на тренировку, а я осталась валяться в кровати и незаметно для себя снова уснула. Проснулась от того, что рядом со мной на подушке что-то лежит. Открыла глаза, а это огромная охапка красных роз, рядом с кроватью улыбающийся Андрей. Тогда впервые мы занялись любовью. В правильное время, поняв, что мы не можем расстаться, что мы должны быть вместе.

Наша любовь еще не раз преодолевала невзгоды и пасмурные дни.

Как-то мне надо было заехать в кафе и завезти вещи своим друзьям. Мы подъехали, и я попросила остановить чуть дальше. Дело в том, что там сидели все мои старые знакомые, с которыми мне и самой не очень хотелось видеться, и которым уж тем более я не хотела показывать Андрея, чтобы его там не обсуждали, не перемывали нам кости, но он воспринял все по-другому. Я передала вещи, села в машину, мы поехали обратно. Заехали на стрелку Васильевского острова, а кафе было на Суворовском, это минут 20 по минипробкам. Как вдруг, я очень хорошо помню этот момент – прямо на стрелке он отключил поворотник и ни с того ни с сего, сказал:

– Ты знаешь, я тебя сейчас домой отвезу.

– Да, домой поедem...

– Нет, домой, к твоей маме.

– Это что значит?

– Ты знаешь, я понял, что наши отношения ни к чему не приведут.

– Хорошо. А можно причину узнать? – я пытаюсь держать себя в руках.

– Да нет причины. Просто понял, что дальше ничего не будет, – и таким ледяным голосом добавляет, – я тебя не люблю, ничего к тебе не чувствую. Я думал... мне показалось.... но надо разойтись.

– Хорошо, – спокойно ответила я, а у самой приступ паники. Ощущение залпа из пушки над ухом. – Только сперва давай поедим, а то я голодная, и ты целый день ничего не ел.

Доезжаем до «Айвенго». Понятно, что на самом деле я ни есть, ни пить не могу, а Андрей, наоборот, начал запихивать в себя еду бездумно, ложку за ложкой, этот несчастный оливье.

– Как это, интересно мне знать, ты все так в один момент понял? – спросила я его, и вдруг увидела, что у него слезы по щекам катятся и падают в тарелку с салатом.

В конечном итоге мы решили, что сейчас отдохнем, опять же мне вещи надо собрать, а с утра я поеду к маме.

Мы доехали до его дома, и уже ночью после долгих разговоров он мне объяснил причину нашего расставания. Ему показалось, что я его стесняюсь, что эта моя дурацкая фраза «останови подальше, не доезжая» была произнесена, потому что он мне не пара. Этот образ принцессы, который был у него в голове... Он решил, что я перед своими друзьями его стесняюсь, и я его этим обидела. А кто может обидеть? Так сильно – только любимый человек.

На самом же деле все было в точности наоборот. Он был для меня чем-то сокровенным, и, по ощущениям, мне казалось, что если я его покажу тем людям, то он, словно мираж, испарится. Мне не хотелось, чтобы кто-то его видел, мне хотелось его сохранить от друзей, приятелей, еще кого-то и оставить только для себя.

Потом еще больше слез катилось, и это безграничное счастье в глазах: «Боже, как хорошо, что ты не ушла, спасибо». Как у меня хватило мудрости тогда не психануть, у молодой очень ядерной девки? Не знаю.

Бывали моменты, когда, наоборот, мне казалось, что больше не хочу быть с ним рядом, уставая постоянно доказывать свои чувства. Я отчетливо помню момент, когда я решила уйти – в день, когда у Быстрова, его друга по команде, родился первый ребенок, и Вовка ждал в больнице, что Андрей приедет к нему. Я не помню, из-за чего мы поругались, но я решила, что с меня хватит: «Все. Я даже не хочу ехать к тебе собирать вещи». Это был тот район, где я провела все детство. Мы переехали через мост Александра Невского, и я попросила, чтобы он остановился у метро. Лихача через три полосы и всех подрезая, он припарковал машину. «Пока», – сказала я спокойно и начала выходить. Видимо, он подумал, что я блефую, и не ожидал, что я всерьез собралась уходить, а когда понял, затащил обратно и заблокировал дверь.

– Андрей, неважно, куда ты сейчас едешь. Я все равно приняла решение. Я больше ничего не хочу.

– Мы доедем до дома.

– Ладно, я заберу паспорт, а потом сразу уеду. Я больше не хочу ни разговаривать, ни объясняться. Я не хочу от тебя ничего. Я просто хочу к маме.

Мы доехали до дома. И он, честно говоря, меня не отпустил. Вовка Быстрое ему позвонил: «Где ты? Ты – мой самый близкий друг, у меня жена рожает, ты даже в больницу не приедешь?» А он ему ответил: «У тебя жена рожает, а у меня семья рушится. Я сегодня останусь дома, прости»... Но я действительно ушла бы тогда, не прояви он эту принципиальную жесткость. Такое столкновение характеров, конечно, типично для молодых

пар, тогда нас с головой накрывали бурные волны эмоций. Да еще и люди рядом «помогали».

Однажды, когда мы снова поссорились, я стала отвечать ему на его смс под диктовку своей подружки. Я осталась у нее с ночевкой и была совершенно в разбитом состоянии. На кухне сидели мои друзья и так откровенно, по-хамски все комментировали: «Да как ты вообще можешь это терпеть? Что это такое?». Конечно, я писала ему не то, что чувствовала сама, а то, что мне «советовали» написать. Чем это закончилось? Мы разругались окончательно. И тогда я вышла, села в коридоре на полу и осознала, что всю эту трехчасовую переписку затеяла я сама, да еще будучи подначиваемой людьми, которые вообще в это лезть не должны. После этого я, наконец, написала то, что чувствовала на самом деле и попросила пожелать спокойной ночи мячику, который мы с ним вместе купили, когда ходили на теннис. Андрей ставил этот пухлый мячик рядом с кроватью, и ему обязательно надо было желать добрых снов. Такой наш интимный и очень милый секрет. Он перезвонил, и мы оба, хлюпая носом, со слезами, тогда договорились, что я останусь пока у подружки. Вдруг звонок в дверь. Я стояла к ней спиной, но уже знала – это Андрей, и он приехал, чтобы забрать меня домой.

В такие переломные моменты, понимаешь, что отношения находятся только в ваших руках и доверять их больше никому нельзя... В игре могут участвовать только двое, устанавливая свои личные правила. На искренность и честность невозможно не отреагировать. Только настоящая эмоция способна породить такой же живой отклик, пробив барьер холода и отчуждения, и третьи тут и правда лишние. Даже если их намерения самые добрые, вмешиваться можно только, если тебя просят. Я очень четко поняла это и запомнила.

Мой день рождения, впервые совместно проведенный, принес немало сюрпризов. Андрей с утра уехал покупать мне подарок, я осталась дома. Мы хотели вечером пойти с друзьями посидеть в ресторане. В Питере он есть до сих пор – «Русская рыбалка» на Крестовском острове. Там есть прудик, почти лужа, в которой можно ловить рыбу, а потом ее при тебе готовят – такая у этого места необычная фишка.

Модный ресторанчик тогда только открылся, и мы позвали много гостей на мое торжество.

Пока я собиралась, Андрей вернулся с дивным подарком. Это были часы «Радо» на ремешке, который варьируется под руку. Я примерила – они велики, а модель такая, что должны сидеть плотно.

– Ничего, перед рестораном заедем, сделаем тебе поменьше, – сказал

Андрей, улыбнувшись.

Потом он рассказал уморительную историю, что перед тем, как купить часы, он просил сделать их сразу поменьше.

– Куда меньше? И так как для ребенка.

– У нее руки как у ребенка.

– Твоей девушке 10 лет?

Мы приехали в этот магазин, и они под смех Андрея убрали еще два деления, с удивлением глядя на мои руки.

Мы тогда, кстати, душевно отметили день рождения, практически первый и последний раз вместе – в тот период Андрея не вызывали в сборную, а когда начали, то приходилось это аккуратно на начало лета. Футболисты в этот период едут либо на чемпионаты мира или Европы, либо на сборы. Я, конечно, понимала, что это важнее, чем мой праздник, и всегда говорила, что мы еще успеем его вместе отметить. Так что впоследствии мои дни рождения я отмечала без Андрея. Хотя иногда он готовил милые сюрпризы.

Помню, я ехала в какой-то из своих дней рождения, уже после рождения Артема, по мосту мимо «Петровского», встала на светофоре, а там был большой рекламный экран, в который все водители по обыкновению, стоя на красный, сразу упирались взглядом. И вдруг вижу свою фотографию с Артемом на плечах и надписью: «С днем рождения, любимая. С любовью из Германии». Андрей в тот момент был на сборах, и прислал мне такую поздравительную открытку. Я ему, естественно, тут же позвонила – счастливая до невозможности.

Или еще история. Мы уже жили в Лондоне, матч сборной играли в Питере. Я прилетела на игру. Я сплю и вдруг чувствую, что в комнате кто-то стоит. Открываю глаза: Андрей в костюме сборной, в кроссовках, с огромным букетом цветов. Сбежал с базы, чтобы меня поздравить. Для него сделать романтический поступок – из ряда вон выходящее событие. Потом сам кайфовал от этого: «Тебе так здорово дарить подарки, ты так реагируешь!» А я радовалась, как ребенок.

В ответ на его подарки и знаки внимания я всегда старалась сделать что-то приятное для него. Мы придумали писать вместе наши письма деду Морозу. Такие настоящие, искрение – дедушка Мороз, я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Я как-то недавно нашла их, но сил перечитывать не было – я не знала буквально куда себя деть, так стало больно. Очень тяжело принять, что больше не существует той магии, что нет какой-то части твоей души.

Легенда о крокодиловых босоножках

Я до сих пор помню наш первый отпуск. Мы решили поехать с друзьями Андрея – футболистами – на автобусе до Хельсинки, а затем прокатиться на пароме Финляндия – Швеция. Автобус в Финляндию отходил от гостиницы «Октябрьская». Там были все наши друзья, молодые футболисты из «Зенита». Было все равно, что большую часть из ребят я даже не знала на тот момент, мы отлично провели время, моментально объединившись и сдружившись надолго. И с Быстрым, и с Гариком Денисовым. Так и сложилась наша компания, с которой мы долгие годы потом переживали и взлеты, и падения.

Компания была большая, поэтому всегда кто-то выпадал, и мы не уставали друг от друга. Многие футболисты были с семьями. Мы же только-только начали встречаться, и никто из нас не знал, что будет дальше. И мы наблюдали за ними: надо в магазин, надо купить ребенку это, то, пока мы с Андреем бродили налегке с магнитами и новогодними финскими лосями. Я это часто вспоминала, потому что потом бывала в такой же ситуации, когда приезжали просто молодые футболисты со своими девочками, а мы, уже став родителями, думали только о том, что купить детям.

Наш первый совместный отпуск уже как семья мы провели в Дубае. Была дружная компания футболистов, и мы шикарно отдыхали. Это было где-то уже через год после начала наших отношений, и мы учились преодолевать бытовые и финансовые разногласия. Такая поездка для нас была первой серьезной тратой денег на отпуск – два молодых дурака полетели в новый 5-звездочный отель в Дубай.

Я твердо убеждена, что мужчина – добытчик не для себя, а для кого-то. Пока у него никого нет, он себя прекрасно обеспечивает. Появляется женщина, рано родившийся ребенок, и именно это заставляет его вкалывать. Это на уровне инстинкта. Все вопли и истерики, что мужикам не нужны ранние браки, – бред. Мы можем открыть список «Форбс», взять всех самых успешных людей и там будут ранние браки, ранние дети. Потому что есть для кого. Я правда, так считаю. Может, не права, но так же было и с Андреем. Мы начали жить вместе, у нас появилась семья, и началось финансовое планирование и совместные траты на наше будущее. Он начал думать не только о себе, но и о том, что нужно его семье, совершать поступки, планировать, а значит, более вдумчиво

подходить к игре. Андрей начал учиться ответственности, чтобы зарабатывать больше для своей семьи и меньше транжирить на ерунду.

Все самолеты летали только из Москвы. Мы сели на поезд до столицы с моей любимой подругой Капустой и ее парнем. Они просто обычные ребята, не связанные с футболом. Первым делом мы решили пойти в вагон-ресторан, чтобы расслабиться. Парень моей подруги Виталий, взрослый мужчина, готов был хорошенько выпить, а у Андрея непереносимость алкоголя, как у чукчи. Кажется, у них отсутствует какой-то фермент, который расщепляет алкоголь. Он, конечно, пьет, но делает это ужасно. Он не может быть в легком хмеле, ему нужно дойти до крайности. Представьте себе подростков в подворотне, которые купили бутылку и с закрытыми глазами хлещут. Андрей пил также, будто в первый раз дорвался. Надо сказать, во время сезона он не употреблял вообще. Но вот в отпуске решил расслабиться. Виталик – крепкий парень, так что выпили они прилично. И вдруг, в какой-то момент, мы сидим за столом, и Андрей куда-то уходит без слов. Молча встал и пошел. Я сразу за ним. Догоняю, а он тупо, глядя в одну точку, идет обратно в купе. Я и не заметила, как за секунду он стал невменяемым. Плохо ему было, конечно, до ужаса. Весь отпуск Андрей капли в рот не взял, и я была очень рада, что Виталик так его отвадил.

Спали мы с Андреем вместе на одной полке. Моя Капуста покрупнее, чем я, и Виталик здоровее, чем Андрей, раза в два. Они полночи шутили: «Такие они хорошие. До такой любви нам надо с тобой похудеть кило на 50».

Так же мы вели себя и в отпуске, мы не отлипали друг от друга: мы пили из одного стакана, ели из одной тарелки, сидели на одном стуле и слились в одно существо. У нас появилась присказка. Я говорила: «Какая девочка?» Он отвечал: «Умная». Я по-детски надувала губы: «Нет! Какая девочка?» – «Красивая». «Ну, нет!!!» «Маленькая?» – со смехом говорил он. «Да, нет же» – «Любiiiiииимая!» Тогда же меня все стали называть «Маленькая». Постепенно это трансформировалось в Масыню. Масыней меня звали следующие 10 лет жизни.

Это вообще был прекрасный отпуск – настолько, насколько он может быть прекрасным у двух молодых влюбленных в окружении хороших друзей. Мы играли в мафию, посещали экскурсии, снимали лодку и ездили на рыбалку большой компанией. Ходили в какой-то супермодный ресторан, куда сложно заказать столик, и ели там фирменное блюдо: крабы и лобстеры, приготовленные в черном перце. Нам принесли фартук, чтобы не перепачкаться – это же целое развлечение, и мы радовались как дети

этому новому и необычному в нашей жизни. Правда, когда принесли счет в конце вечера, мы быстро повзрослели. У Андрея вылезли глаза на лоб от понимания, сколько денег можно отдать за еду. Но тем не менее он мужественно это пережил. А потом в нашей жизни случились босоножки. Пожалуй, это была первая наша настолько дорогая покупка.

Дубай – зона беспошлинной торговли. Все продается уже без налогов. Практически в один из первых дней мы поехали прошвырнуться по магазинам. Все что-то покупали, а мы с Андреем ходили и смотрели, пока не зашли в магазин с обувью. Туфли – мой страстный фетиш, а тут море безумных босоножек из новой коллекции от Вичини, которые дьявольски соблазняли меня. Я сразу влюбилась в них – мою прелесть на золотом каблуке, а впереди на ноге лежит золотой крокодил и переливается дорогими камнями. Это сокровище стоило 800 долларов. Продавцы даже пообещали скидку, потому что никогда не видели такого восторга, как у меня. Минус 10 % – 720. Андрей всегда говорил, что дарить подарки для него удовольствие. Его детскую искренность в этом вопросе невозможно сыграть. Тем не менее босоножки за такие деньги давались ему тяжело. В общем, мы ушли из магазина, а легенда о крокодиловых босоножках осталась в нашей компании и жила на протяжении всего отпуска.

Мы не купили их по вполне объективным причинам. В тот период Андрей зарабатывал уже достаточно, но львиная доля денег уходила в ремонт квартиры, и бюджет был рассчитан. Плюс ко всему Андрей решил, что хочет подарить мне шубу, и мы понятия не имели, во сколько она обойдется, а кредитных карт тогда у нас не было – только кэш, с которым нас чуть не замели на границе. Андрей зачем-то решил заполнить декларацию, но пойти через зеленый коридор. Я попыталась раскрыть рот, и сказать, что он выбрал не тот коридор, но поймала его красноречивый взгляд «я сам все знаю», и мы пошли, как он сказал. У таможенницы вылезли глаза на лоб, когда он дал ей бумажку. «Вы везете деньги?» – «Да». – «А почему вы, заполняя декларацию, идете через зеленый коридор?» Нас двоих приняли, шмонали, пересчитывали все деньги. В общем, вылетали мы с волнениями.

Расход бюджета на отдых зависел от моей шубы. Ее покупка была запланирована – значит, нужно ее купить. Это был для Андрея обряд инициации, переход из мальчика в мужчину – купить своей женщине шубу, – и проходил он его достаточно неуклюже. Он долго вынашивал мысль о покупке и старался все обговорить, рассчитать заранее, сам захотел распределить наш бюджет, чтобы купить жене нужную вещь.

Это был не просто подарок, когда кавалер ухаживает и удивляет свою даму. Планирование и совместный выбор – это уже серьезный и зрелый подход.

Деньги остались... Это я к тому, что улетела я все-таки с босоножками. Наверно, сейчас кому-то покажется, что я рассказываю ерунду. Кому интересно читать о том, как мне подарили обувь? Но это не бред. Это становление семьи.

Конечно, босоножки эти – самые любимые до сих пор.

Но история на этом не закончилась. Уже когда Андрей ушел и мы год не жили вместе, я проходила по знаменитой своими бутиками Слоун-стрит и увидела босоножки Вичини. Их купил под себя Джузеппе Занотти, и то ли сделал рембрендинг, то ли они объединись, не буду вдаваться в подробности. Но я похолодела, когда увидела мои босоножки с крокодилами, перевыпущенные спустя И лет. Только те были с камнями, а новые – весьма символично с шипами. Вот такой поворот, жизнь закольцевала события, и мне показалось, что это какой-то знак. Да, они появились, но совершенно с другим настроением. Первый позыв был – купить, неважно, какие, неважно, какого размера, просто купить. Я их примерила и вдруг поняла, что меня в них все раздражает, и что они мне не нужны. Те босоножки в тех обстоятельствах были желанными, как и наши отношения с Андреем тогда. В том возрасте, в том положении, в тех обстоятельствах мне хотелось быть вместе с ним. Но нужно ли мне это теперь?

Потом эти босоножки долго мозолили мне глаза, оставаясь в нужном размере. Такое ощущение, что они никому не были нужны, и я встречала их везде, хотя это была какая-то лимитированная коллекция. Я каждый раз проходила мимо. У меня остались те, которые я люблю, до сих пор у меня с ними связаны счастливые воспоминания, и другие мне были не нужны. Ведь воспоминания нельзя подменить. Как и отношения.

Шаг во взрослую жизнь

Как я уже говорила, мы полтора года жили вместе с мамой Андрея – Татьяной Ивановной. Все это время параллельно строилась другая квартира, там была комната для него, под него, и мы с его мамой даже вместе ездили выбирать мебель и шторы. Я долго ждала решения Андрея, как мы будем жить дальше. Но, видимо, он в тот момент даже не думал об этом. Я понимаю, что он еще не отделился от мамы, – это раз, во-вторых, все-таки ему надоело жить в этой халупе, а тут новая квартира с ремонтом, что сделали специально под него, в который он вкладывал заработанные деньги. Мы переехали и стали жить снова втроем. Шикарные условия, красивый ремонт, две хозяйки.

Андрей уехал на сборы, а я устроилась на новую работу.

До того я работала в компании, которая занималась кофе. Я была мерчандайзером – это человек, который следит за тем, как выложен на полках товар его фирмы. Я ездила по гипермаркетам и смотрела, как выставлен кофе на полках, переставляла какой-то продукт ближе, какой-то дальше, договаривалась, чтобы он был около касс. Так я проездила месяц. И вдруг прибыло руководство из Москвы и сказала, что нас закрывают. Поскольку компания была иностранной и с белой зарплатой, а у меня был контракт, то нам выплатили всю зарплату плюс компенсации и положенные отпускные. И вот всего чуть больше чем через месяц я возвращаюсь домой практически с чемоданом денег, с огромным количеством кофе, каких-то пряников и еще чем-то. Офис закрывался, и все это богатство раздавали коробками.

Андрей смеялся до слез, говорил, что умею я вовремя устроиться. Надо признаться, что он не воспринимал эту работу серьезно – не мог понять, в чем она заключается. Говорил, что мне нечего делать, я просто катаюсь по городу и смотрю на полки. Отчасти он был прав: компания была иностранная, а подход в гипермаркетах – советский.

Я нашла новую работу – в «Орбите», где занималась тем же самым, только не с кофе, а со жвачкой. Так что ездить все чаще приходилось по ларькам. Довольно быстро в компании выяснили, что я девушка Андрея Аршавина. Дело в том, что мне туда порекомендовал устроиться мальчик из моей предыдущей компании. И именно он слил информацию: как-то узнал, что я иду на футбол по пропуску, а не по билету, начал кусками постепенно из меня вытягивать подробности, услышал, как я говорю

с каким-то Андреем и, видимо, сделал выводы, которые и донес до другого офиса. А тут еще моя машина сломалась и с девятки я пересела на «Мерседес» Андрея. Это было странно – другим словом не назовешь. Я не знала, куда себя деть, как из этого «Мерседеса» выйти, особенно, учитывая, что мой начальник приезжал на куда менее заметном автомобиле. И вот я каталась на этом «Мерседесе» по ларькам, общалась с полупьяными продавщицами, что у них не так «Орбит» поставлен – а он, если помните, просто на скотче висел... Абсурд. Я выдержала недолго. Плюс эти обсуждения вокруг, шепот, чья я, с кем я. И я ушла работать к нашему с Андреем другу Мише Арабову менеджером по продажам, слухов особо не возникало – коллектив был женским и там с завидной скоростью уходили в декрет.

Все это случилось параллельно с нашим переездом в новую квартиру. Андрей как обычно был на сборах, а я привыкала к коллективу и старалась попозже возвращаться с работы, чтобы лишний раз не общаться с его мамой. Были некоторые неприятные моменты в наших отношениях, и хотя я не жаловалась и не афишировала их, не желая напрягать Андрея, он всегда чувствовал мое настроение. Видимо, в какой-то момент голос у меня был совсем уставший, потому что он вдруг спросил:

- Ты можешь найти квартиру?
- Какую квартиру?
- Найди квартиру, чтобы мы переехали и жили отдельно.

Спросил! Ха, это были самые реактивные поиски жилья, к вечеру я уже заключила договор, а на следующей день очень тихо, чтобы его мама не заметила, собрала и перевезла наши вещи. О том, что мы будем жить отдельно – своей семьей – ей рассказал уже Андрей по приезду.

Квартиру я, конечно, сняла на скорую руку чуть ли не первую попавшуюся. Она была симпатичной сама по себе, но вот место было ужасающее. Это был последний дом на выезде из города. Там было страшно жить, опасно ходить по ночам. Если не поставил машину на стоянку, обязательно все обдерут, поснимают зеркала. Ни консьержки в подъезде, ни охраны. У нас был верхний этаж, и окна выходили на две стороны, так что постоянно свистел и гулял ветер, пугая меня. Пока Андрей был в отъезде, я ушла полностью в обустройство жилья, а после его возвращения мы устроили настоящее новоселье. К нам приехал Быстрый с женой Аленкой. Помню, они заходят, а у них какая-то ваза в руках с палками. «Что это?» – «Дура, ничего не понимаешь, это по фэн-шую бамбук. 9 палок и каждая символизирует что-то определенное. Одна отвечает за здоровье, другая – за любовь. Должно быть ровно 9». У нас этот

бамбук рос и процветал. Я без него себе не представляла уже ни один дом, и куда бы мы не переезжали, бамбук всегда жил с нами. Жил он с нами и в Лондоне, пока не ушел Андрей. С нашим расставанием бамбук умер. Сам.

Но тогда до этого было еще далеко.

Проработав всего пару месяцев, я поняла, что меня «заразили» – я «подцепила» беременность – знаете, бывает, в коллективе вдруг все подряд рожают. Я поняла, что жить отдельно мы стали не просто так – это сама судьба, и нас ждут теперь еще более радостные перемены.

В ожидании сына

Как-то неожиданно случилось, что все наши парни, близкие друзья Андрея из его команды – Вовка Быстрое, Игорь Денисов, Слава Малафеев – одновременно стали «беременными». У кого-то жена носила ребенка, кто-то уже родил и теперь страшно гордился званием молодого отца. А у нас некоторое время с этим не получалось. Не то чтобы мы переживали... Точнее, не переживала я, а Андрей, как оказалось, да. Просто мне он об этом не говорил. Но то, когда у тебя рождаются дети, решается на небесах. Я в этом уверена.

Артема могло бы и не быть, если бы не травма Андрея. Практически единственная его травма за все время, что мы прожили вместе. Из-за нее он на несколько дней раньше вернулся домой. И в один из этих дней был зачат Темка.

Я поняла, что со мной что-то не так, когда Андрей снова уезжал. Перед тем как отвезти его в аэропорт на другие сборы, я сделала тест и ушла помогать мужу собираться. Мы уже позавтракали и стояли в дверях, когда я вспомнила о тесте. Зашла в ванную – две полоски. Я не стала ничего говорить Андрею, но саму захлестнули эмоции – еду и всю дорогу тихонько реву.

«Масяня, что ты плачешь? Я уезжаю всего на десять дней. Я скоро вернусь, прекрати плакать», – сказал мне Андрей, а я не могла остановиться и думала: «Боже мой, если бы ты только знал, почему я реву».

Доктор мне говорила, что если что вдруг случится, что-то заболит или будут какие-то вопросы, ей всегда можно позвонить – с восьми до девяти вечера. Она считала, что если я забеременею, то это будет для меня очень сложно, и страшно беспокоилась.

Я отвезла Андрея, приехала домой и легла в постель ждать восьми вечера, когда можно будет, наконец, набрать врачу. Думала, снова плакала, успокаивала саму себя, а ровно в 8.00, секунда в секунду, набрала своему доктору – Любови Ивановне Глейм.

- Любовь Ивановна, у меня задержка и на тесте две полоски.
- Когда ты сделал тест?
- Утром.
- И ты мне не позвонила?!
- Любовь Ивановна, вы же сказали с восьми до девяти.
- Срочно с утра ко мне!

Мне кажется, она тогда готова была меня убить. На следующий день я отпросилась с работы и поехала. Сдала все анализы, и Любовь Ивановна сразу приняла решение положить меня на сохранение. Она переживала, что я такая миниатюрная и не смогу выносить ребенка. Так для меня успешно закончилась еще одна работа – я осталась в больнице, при этом абсолютно счастливая в своем новом положении. Вечером Андрей прислал смс-ку:

– Как твои дела?

– Нормально.

– Что делаешь?

– Лежу в больнице, смотрю телевизор.

Он, естественно, сразу перезвонил и сразу начал с вопроса:

– Мاسянь, ты беременна?

– Да.

После моего «да» смс больше не было – только постоянные звонки. Это был наш следующий взрослый уровень с другой степенью ответственности. Мы поняли, что нас уже почти стало трое.

Андрей вернулся со сборов, когда я все еще была в больнице. Приехал без цветов, без подарков, но с огромной кучей журналов и охапкой бульварной литературы, чтобы мне не скучно было лежать. Конечно, для него это все было впервые и весьма непривычно – Андрей приехал растерянным, каким-то взъерошенным и с бородой. Это чудесное воспоминание навсегда останется со мной. Не знаю, что он себе представлял, но, увидев меня, очень удивился.

– И где живот?

– Подозреваю, что к девятому месяцу вырастет, – засмеялась я.

Любовь Ивановна отпустила нас в город прогуляться. При этом наказала: «Сходите в ресторан, где-нибудь хорошо поешьте. Она же беременная, поэтому теперь ее нужно баловать и кормить всякими вкусностями». Мы, в строгом соответствии с рекомендацией, поехали в ресторан. Не успели мы заказ сделать, как Андрей начал говорить о нашей свадьбе. Он приехал уже со списком гостей, а заодно имен для будущего ребенка. Женские при этом просто не обсуждались. Он заявил, что точно знает – у нас будет мальчик. Безапелляционно так: сын – и точка. Назвать надумал Павлом. Я думала, что сойду с ума: Павел, значит – Павлик, а у меня воспоминания с детства: Павлик – это такой мальчик в чешках, в шортах с колготками, вихрами на голове и обязательно с соплями до колен. Поэтому я ушла в категорическое нет, объяснила свои ассоциации и уговорила Андрея подумать еще. Он, конечно, согласился.

Сидел в ресторане такой важный, смешной со своей нелепой бородой, которую отрастил на сборах.

– Ты зачем ее отрастил-то?

– Как мне бриться? Я теперь отец, – ответил он и сразу завел разговор о свадьбе.

– Может, не будем слишком много звать? А то у меня уже двести человек получилось.

Тогда от официальной регистрации я отказалась сама, не хотела суеты и нервной обстановки, которая сопровождает подготовку к церемонии. Свадьба подождет – решила я, уже понимая, что беременность будет непростой. Но если вы спросите меня сейчас, то я скажу, что жить с мужчиной вне брака – это неправильно. Почему я сказала Андрею, что свадьбу можно отложить, – это вопрос. Может, я была не очень уверена в себе или хотела ребенка больше, чем эту церемонию. И потом, важен пример родителей. Моя мама не один раз выходила замуж и расходилась, и, я, глядя на все это, наверно, хотела быть уверенной, что у меня будет не так.

Почему много людей живет вместе счастливо и безмятежно много лет, а потом женится и почти сразу разводится? Люди просто не готовы к ответственности. Любая жизнь, даже самая счастливая и безмятежная, в один миг может обрушиться. Но когда ты в браке, ты защищен. И мой опыт должен вам подсказать, что защита нужна всегда. Мы не знаем, что будет дальше.

Одно могу сказать точно. Если бы мы с Андреем вступили в официальный брак, то он никогда не ушел бы из семьи. Я в этом уверена. Каждые отношения переживают кризис, и людей удерживают рядом разные факторы – финансы в том числе. Возможно, изначально его бы удержали деньги, но это сохранило бы нашу семью. В итоге мы бы просто прожили до конца своих дней вместе. Если бы я знала все заранее – постелила бы соломку. С другой стороны, что теперь гадать на кофейной гуще. Случилось то, что должно было. И это тоже к лучшему.

Как нас поженили

Наше первое совместное фото было со свадьбы. Но не нашей, конечно, а Алены и Вовки Быстровых. Там я стою в нежном розовом платье, и это был почти скандал.

Мы с Андреем его купили, потому что оно дико понравилось нам обоим, хотя наши вкусы редко совпадали.

В ночь перед церемонией Алены и Вовки мы с Андреем разругались, так что на свадьбу ехали из одного дома, но в разных машинах. Это было забавно, потому что он сказал, что не будет переодеваться, пока я не уеду из дома. Я вызвала такси, села в машину и укатила в ЗАГС. Он приехал вслед за мной – красивый, в костюме с розовым в цвет моего платья галстуке, при этом какой-то взъерошенный, – увидел меня, и мы сразу помирились. Мы вообще не могли быть долго в ссоре. Он не мог устоять и злиться на меня, когда мы были рядом...

В общем, мое платье было таким эффектным, еще и нежно-розового цвета, а мы с Андреем так подходили друг другу, что журналисты решили, что женимся мы. Первый звоночек прозвенел, когда таксист мне сказал: «Говорят, это хорошая примета, когда невесту на свадьбу везешь». Я подумала: «Блин, кажется, с платьем переборщила». Зашла в ЗАГС, а там маленькая девочка с другой свадьбы как закричит: «Мама, смотри, какая красивая невеста приехала!» «Все-таки переборщила, – подумала я. – Какой стыд и позор. К своей ближайшей подруге!» Я безумно люблю Быстровых, мы до сих пор дружим, и у детей разница небольшая, они погодки. В общем, на следующий день, когда вышла пресса, «Комсомольская правда» уделила больше внимания нам с Андреем, а не свадьбе Быстровых, поставив наше фото на заход и вынеся фамилию Аршавина в заголовок. Алена, надо отдать ей должное, вообще не обратила на это внимания, будучи обращенной в свою семью, в свой праздник, в свою свадьбу, и ей было абсолютно все равно, что происходит вокруг. Я ее очень люблю, ценю и уважаю... А вот наш агент Паша Андреев, который в те годы представлял не только Андрея, но и Быстрова, дал мне потом по голове, объяснив, как я была неправа.

Мы с Андреем всегда привлекали к себе внимание прессы и попадали на первые полосы. Еще на одной свадьбе – Радимова с Булановой – вызвали переполох, потому что я пришла туда будучи на восьмом месяце. Одна сотрудница ЗАГСа аж закричала, когда меня увидела: «Боже, у нее

такой живот, а она на таких каблуках, она сейчас родит». Смешно, честное слово. Я не родила, но живот и правда был огромный.

На самом деле, к публикациям привыкаешь быстро. Я помню, мне было так обидно, когда я была беременна Артемом и напечатали нашу с Андреем фотографию, с подписью «подружка Аршавина ждет ребенка». Такое пренебрежительное отношение. Спустя годы мне стало все равно, что обо мне пишут, но чтобы на это уметь правильно реагировать, надо быть очень уверенным в себе человеком. Тяжелее привыкать ко лжи, которую распространяют СМИ, и начать спокойно реагировать на недоверие со стороны близких. Когда, например, ты пытаешься своим друзьям объяснить, что у тебя нет романа с Андреем Чадовым, а они говорят: «Как нет? В газете же написано? Лукавишь!»

С другой стороны, Андрей – известный человек, и если мы пошли «в народ» в том состоянии, в каком я была, наверное, ему надо было первым сказать, что это моя жена, что мы ждем ребенка. Это другая сторона публичности: если ты сам не говоришь, это сделают за тебя. Необязательно рассказывать, как мы живем, в какие рестораны мы ходим, сколько денег мы тратим, но какие-то вещи донести – часть профессии. Иначе додумают, и это навсегда останется в недрах интернета. Андрея такие вещи никогда не волновали.

В общем, стоило нам оказаться где-то в публичном месте, как мы попадали в объективы камер, причем сразу прямиком на первую полосу. На той же свадьбе Радимова с Булановой количество СМИ едва ли не превышало собравшихся гостей. Никто из журналистов не знал, что я была на восьмом месяце до моего прихода. На следующий день газеты пестрели заголовками: «В Петербурге родится второй Аршавин». Новость вызвала не меньший ажиотаж, чем сама свадьба.

На «петровском» нет места, где бы я не была

Для Питера футболисты, точнее, именно команда «Зенит», – это центр единения. Это команда, за которую болеют все, начиная от бабушек и дедушек до младенцев. Мне кажется, в Москве сложно понять, что такое «Зенит» для Петербурга, потому что в столице несколько больших клубов, а Питер подчинен только одному полностью. Игроки – люди, которые изначально находятся в другом статусе в Питере. Настоящий болельщик со своей командой и в радости, и в горе, победы же привлекают большое количество людей, которые следят за тем, о чем много пишут и что модно. В какой-то момент клуб стал брендом, начал играть на международной арене. Когда команда начала набирать обороты и выигрывать, боление за «Зенит» приобрело масштаб культа и модного тренда. И тут уже весь город, да и не только он, начал следить за командой. Огромное количество людей не только приходили на стадион, но и собирались в барах, ездили за командой на выездные матчи. Трансляции игр шли везде – в дорогих ресторанах и дешевых пабах, привлекая к себе огромное внимание. За «Зенитом» стали следить, название команды было у всех на устах, фанаты появились в других городах и регионах и тоже устремились на «Петровский». За те 12 лет, что я провела за наблюдением футбола изнутри, в стране изменилось отношение к этому виду спорта очень сильно.

Когда я пришла впервые на стадион, то сидела в центральном секторе, там почти не было людей. Спустя 5 лет меня умоляли достать абонемент, мест не хватало.

Я очень любила бывать на играх. У нас было много фанатских традиций. Мы заезжали на стадион с какими-то старыми зенитовскими песнями, которые я помнила еще с детства, потому что у дедушки постоянно работало радио. Мы с подружками записали целый диск этих футбольных кричалок, и все время слушали их, пока ехали на матч, а их я старалась не пропускать. Ни зенитовских, ни сборных, ни «Арсенала» позже.

Помню, будучи беременной Артемом, уже месяце на седьмом, я смотрела игру, и Андрей феерил. Мне позвонил Паша, его агент, и закричал в трубку:

- Юлька, ты видишь, что наш творит? Ты где?
  - На трибуне сижу.
  - На какой трибуне?
  - Где обычно.
  - Так ливень проливной, еще снег с дождем.
  - Ну и что, зато какой футбол красивый!
  - Быстро ко мне под крышу! Ты же беременная!
- Паша старался все время о нас заботиться.

Я и правда тогда насквозь промокла в огромном пуховике, который единственный налезал на живот. Радимов надо мной смеялся, что Масяня прикатилась, как мячик.

Я вспоминаю «Петровский» с такой теплотой! Мне кажется, там нет места, куда бы не ступила моя нога. Сначала я ходила одна, потом с Артемом в животе, потом с Артемом на руках. Он впервые попал на футбол совсем крохой, ему было месяцев 6, но не испугался этих криков, воплей, волн, эмоций, – всегда спокойно себя вел. Правда, его никогда особо и не интересовало, что происходило на поле. Позже, уже в Лондоне, я ходила и с Артемом, и с Янкой.

Еще перед моим приездом в Англию случилась смешная история. Мне оформляли визу, а Андрей уже был в Лондоне, и на стадион «Арсенала» пришел наш друг Боря. Билеты ему запросил Андрей, так что он сидел в специальной ложе. Первый матч, и Боря Генусов мне позвонил прямо со стадиона рассказать, что и как. Я его спрашиваю: «Боря, ты видишь жен, какие они там? Красивые? Как одеты?» Интересно же, наверняка все по-другому. Боря мне ответил: «Ты все равно будешь самая красивая, не переживай».

В любом случае, различается, конечно, не только культура «боления», но и внешний вид людей на стадионах. На «Петровский» лично я все время ходила нарядная, ведь для меня каждый матч был праздник, а как по-другому – любимый играет, как тут не разодеться?! И этим резко отличалась от всей остальной публики, тем более, что 90 % болельщиков на трибунах в те годы были мужчинами.

В Англии на стадионах все совсем по-другому, и публика на футбол ходит более разноплановая. Там футбол – это жизнь и столетние традиции, очень много семей, от дедов к внукам. Там на стадионе, так же как и в жизни есть представители, всех возрастов, социальных слоев, профессий и национальностей, а еще на футбол ходит много хорошо одетых и красивых женщин. Надеюсь, так скоро будет и у нас.

Новый этап жизни

Приближалось время рождения нашего первенца, а у меня никак не опускался живот. Артем весил 4,5 килограмма, я была огромной, и живот, казалось, упирался мне в горло. Все органы сдавило так, что я не могла есть. Мой врач Любовь Ивановна вынесла вердикт – кесарево, сама бы я не смогла родить. Выбрали день – 7 декабря, чтобы Андрей был в городе на момент рождения сына – даже такое большое событие зависело от его графика игр. Но риск родить без него оставался, срок был поздний, воды могли отойти в любой момент. Андрей улетел в Турцию с командой, а я собрала вещи и поехала, на всякий случай в больницу. Сама за рулем. Подъехала к воротам, живот такой, что я даже дверь открываю с трудом, на меня смотрит охранник и говорит:

«Оооой, бедненькая, даже привезти тебя некому». Мне так обидно стало! Думаю: «Ну, почему так люди говорят, у меня просто муж-футболист, он улетел, он не может!» Да, спортсмен не принадлежит себе. Почти на любой работе можно взять больничный, отпуск, отгул, но не когда ты футболист. Наши друзья регулярно обижались, что мы их игнорируем в каких-то поездках, и не понимали, что у футболиста нет никаких вариантов выпросить недельку. И тут еще охранник туда же. Понятно, что он не знал, но я-то беременна, на эмоциях. Зашла в палату, реву, чтобы успокоиться включила телек и тут же попала на новости спорта Санкт-Петербурга и, естественно, большой сюжет о «Зените». Интервью мужа в аэропорту: «Андрей, вы улетаєте, а ваша жена остается здесь, но она же вот-вот должна родить. Не страшно?». На что он, глядя в камеру, абсолютно спокойно говорит: «Вы знаете, лучше, если она родит без меня. Я приеду, а уже будет ребенок». Я тогда дико обиделась и еще больше разревелась – а сейчас понимаю, что ему было страшно, еще страшнее чем мне. Впрочем, судьба распорядилась по-другому. Папу мы с Артемом дождались.

Андрей вернулся, приехал ко мне в больницу ночевать, а утром меня забрали в операционную. Сделали эпидуральную анестезию – передо мной ширма, я ничего не чувствую, в руках икона, волнение дикое, и ты не видишь, естественно, что происходит, более того, ты не чувствуешь. Всю жизнь мне казалось, что позвоночник – это что-то священное и лезть туда точно не надо, тем более большой иглой... В общем, страшно, а когда мне страшно, я задаю много вопросов, мне кажется, так я

контролирую процесс. Я извела врачей своей болтовней. Устав от моего бесконечного «все нормально?», Любовь Ивановна в какой-то момент даже пошутила, что может мне еще вколоть анестезии, чтобы язык заморозило. Я, конечно, не унялась. И вдруг вижу из-за ширмы, что около лица Любви Ивановны появляется нога. «Интересно, – думаю. – Галлюцинации у меня, что ли, откуда там нога...» Тут до меня доходит, что это моя нога, но я ее не чувствую! Дикая паника! А вдруг это навсегда, а вдруг не отойдет, что там вообще происходит. Дышу, смотрю в потолок, сама вцепилась в икону, стараюсь отогнать плохие мысли, в этот момент мой взгляд выплывает и фиксирует хирургическую лампу на потолке, а в отполированном хrome я вижу кровавое месиво. И это мой живот... Потом мне Любовь Ивановна сказала, что за десяток лет ее практики я единственная, кто умудрился это рассмотреть...

В общем, когда достали Артема, я уже была вне себя от страха. И тут крик и мне кладут его на грудь. Трудно описать, что я тогда чувствовала. Помню, что постоянно рыдала и без конца задавала один и тот же вопрос: «С ним все нормально? С ним все нормально? Сколько у него по шкале Апгар?» Это не просто баллы, а оценка состояния здоровья ребенка. Все ли у него хорошо, все ли у него пальцы на месте, видит ли, слышит ли. Я больше себя не интересовала, со мной можно было делать все что угодно – меня волновало только здоровье моего сына.

После операции ко мне пришел Андрей с деловым видом, страшно гордый, и рассказывал мне, что он вместе с медсестрами купал сына и научит и меня, когда мы вернемся домой. Это было так забавно и очень мило.

Выписка из роддома была сказочной: море цветов, шарики, огромный лимузин, куча друзей и реки шампанского. Мы приехали домой, и я осталась одна, наедине с сыном. Сама выпроводила всех – Андрея, маму, сестру – с друзьями «обмывать ножки». Мне очень почему-то нравилась эта традиция, и я настояла на празднике, хотя новоявленный отец не хотел уезжать. Он вообще с рождением сына резко повзрослел, изменился. В твою жизнь, с моментом появления ребенка, раз и навсегда приходит новое понимание ответственности. До Артема ему нравилось проводить время с друзьями, а тут как отрезало – он постоянно был с нами, очень повзрослел. Мы вдвоем учились быть родителями, и он 24 часа в сутки был рядом, тем более что сразу после рождения сына у Андрея были новогодние каникулы. В это время он во всем мне помогал, а было с чем...

Артем спал только первую неделю, а потом началась классика – ночные концерты по заявкам и без. У меня было много молока, я держала

очень строгую диету, чтобы не было ни коликов, ни газов, ни аллергии. Но колики все равно начались. Мы почти не спали, но Андрей старался, как мог – я каждый день посылала его в аптеку. То за одним лекарством, то за другим. То он памперсы не те купил, то не ту соску. «Может сразу всю аптеку купим, чтобы каждый день туда не ходить?» – отшучивался он.

Андрей правда помогал – качал сына ночами напролет, когда у меня не оставалось сил. Помню, тогда шла какая-то передача по одному из телеканалов – каждый вечер в 11. У нас было четко – полдесятого мы купали Артема, клали спать в десять, я кормила Андрея, мы ложились в кровать, ровно в 11 начиналась эта передача, а ровно полдвенадцатого, каждый день в одно и то же время Артем начинал плакать. Иногда к двум часам ночи он успокаивался, иногда это случалось к восьми утра. А в день, когда у нас была назначена торжественная регистрация Артема во Дворце малютки, он заснул только в 9 утра. К 11 мы должны были приехать на церемонию...

Дворец малютки очень похож на ЗАГС, а фотографии, которые мы сделали там, выглядят как свадебные. Там есть лестница, на которой выстраиваются родители, потом заходишь в зал и торжественно подписываешь документы. И вот приехали мы с Андреем – с синяками под глазами, как у панд, потом с друзьями пошли отметить ненадолго рождение ребенка и чуть не заснули за столом.

От нехватки времени и недосыпа я моментально похудела, скинув все, что набрала во время беременности. И благодаря этому в нашем подъезде поползли слухи, что муж мне изменяет. Дело в том, что когда я была на 7 месяце, мы переехали в новую квартиру из нашего страшного окраинного района. Это был приличный дом с детской площадкой, охраняемой стоянкой и консьержем. За время родов я набрала 30 килограммов, потом вернулась домой с младенцем и почти не выходила на улицу, а если выходила, то закутанная с ног до головы, чтобы не застудиться после операции. И вот ближе к новому году, 29 декабря, я решила, что поеду вместе с Андреем на день рождения Миши Арабова. Привела себя в порядок, нарядилась, уложились, оделась. На тот момент я уже сбросила вес до своей обычной формы, а грудь у меня была размером с футбольный мяч. У меня было очень много молока. Помню, что в больнице я диктовала Андрею, что купить к выписке, и поняла, что ни один бюстгальтер на меня не налезет. Он привез мне белье 5 размера, и даже оно было мало... И вот мы с Андреем выходим на улицу, и меня никто не узнает, слышу шушуканье за спиной только. Через несколько дней я узнала, что мой муж – «подлец такой, изменяет своей

только родившей жене с какой-то грудастой красоткой». Смеялись мы оба.

Между тем, время шло. Артему было 3 недели, и мы решили отправиться на Новый год на дачу к Быстровым. Мы с Андреем страшно боялись, что у Артема снова начнутся колики, но он дал нам передышку. Помню, что он сладко спал, а мы встречали наш первый Новый год в качестве родителей. Правда, как это и бывает с молодыми родителями, оба быстро устали и отправились спать. Первое утро нового года встретили втроем, на одной кровати – Андрей, я и Артем между нами.

Примерно через две недели молодой папа уехал на сборы, а я осталась с Артемом. Я думала, он сойдет с ума. Ему казалось, что он совершает преступление, бросая меня одну в непростой ситуации – с младенцем на руках. Андрей был заботливым, чутким, внимательным. Постоянно звонил, а прилетев со сборов, бегом побежал к кровати.

Артем, тем временем, рос. Постепенно колики у него прошли, и он стал таким улыбчивым, таким спокойным, что мы были абсолютно с ним мобильны. Помню, однажды приехали к папе на съемку какой-то рекламы. Артем улыбался, вся съемочная группа крутилась вокруг, а Андрей от гордости чуть не светился.

Артему можно было все. С перебором. Требовать от годовалого ребенка, чтобы он не пихал телефон в чашку с чаем, бесполезно. Ему что телефон, что игрушки. Но Андрей разрешал все.

Знаете, это очень сложно осознать сегодня, мне самой непонятно, что случилось, и почему он так изменился по отношению к детям. Именно потому сложно, что я точно знаю, как Андрей любил их. Я видела, каким он был отцом. Приехать с самолета, не зайти посмотреть на детей? Никогда в жизни. Это первое, что он делал.

Артем очень быстро развивался, и в 9 месяцев уже пошел. Причем это было очень необычно. Я заехала в магазин, что-то смотрела, а он сидел рядом и листал журнал с яркими картинками, и вдруг встал и шагнул, раз, второй, третий – у меня выпали покупки из рук! На грохот сбежались все продавцы, а я смотрела, как мой сын делает первые шаги...

Так мы и жили втроем. Без няни. Часто приезжали помогать моя мама и сестра Ксюша, но в основном существовали только мы трое. И мы были счастливы. Это был только наш мир, в котором происходило так много событий, что иногда мы не замечали происходящего за стенами дома. А там было много чего.

Короли питера и их поклонницы

Прежде всего, происходило то, что Андрей стал очень знаменит. Нас узнавали, фотографировали, а девушки бесконечно хотели с ним познакомиться. Однажды поклонница прислала ему на базу 300 роз. У него хватило ума не приносить их домой.

Наша пара с Андреем постоянно была на слуху. И конечно, девиц, которые хотели быть ближе, тоже было достаточно. Когда Андрей стал популярным, атаки таких охотниц участились, и в своей наглости они не ведали границ. Сначала я бесилась, а потом поняла, что лучше не обращать на них внимания.

Есть, на самом деле, такой термин в Англии – WAGs – wives and girlfriends, то есть жены и подруги футболистов. На их месте мечтают оказаться очень многие молодые девчонки. В большинстве случаев считается, что быть девушкой футболиста – это постоянный праздник: шоппинг, рестораны и слава. И охотниц до такой «красивой жизни», ой, как много. У футбольных жен есть огромные фанатские сообщества, которые по мелочам разбирают, в чем кто одет, у кого сколько детей. Можно быть женой бизнесмена и тоже безбедно себя чувствовать. Но тебя не будут снимать на обложки известных журналов, за твоей жизнью не будут следить, твой стиль не будут восхвалять в прессе. Оказывается, это очень важно для многих. Правда, на деле, это все лишь иллюзии – их представления о чьей-то жизни. Но кто же об этом будет задумываться, глядя на красивые картинки?

Моя подруга один раз сидела со своим боссом в ресторане и написала мне оттуда, что ее шеф в ярости. Дело в том, что мы отдыхали с Аленой Быстровой и детьми в Греции, а наши мужья как раз пошли в модное в Питере караоке. И вот моя подруга и ее начальник наблюдают картину, как все женщины вьются возле спортсменов. И он в какой-то момент вечера говорит: «Какого хрена? У меня денег больше, чем у этих футболистов, гораздо больше, у меня серьезный бизнес». Он действительно симпатичный, у него солидное определенное будущее, которое не зависит от подвернутой нечаянно ноги, но при этом все девицы около футболистов.

Мы часто обсуждали подобные женские атаки с подругами. Такое происходило и в других зенитовских семьях. Я уже говорила, что парни стали суперпопулярны, их знала каждая мышь в Питере и любое заведение было им радо. Так что футболисты привлекали к себе внимание одним

только появлением на публике, и назойливые ухаживания со стороны слабого пола эти появления сопровождали всегда. Андрею же нравилось, когда я его ревновала, у него аж глаза загорались. В результате некоторые вспышки моей ревности и истории с этим связанные стали легендами.

Многие знакомые отлично знают и постоянно вспоминают такие случаи из нашей петербургской жизни. Я случайно встретила Сашу Радулова в Москве, когда переехала сюда, он до сих пор не может забыть, как я в машине нашла чужой пиджак.

Ребята гуляли, что-то отмечали до рассвета, Андрей приехал домой часов в 6 утра. На следующий день в 4 часа мы должны были уезжать. Поскольку Радулов сидел на переднем сидении, я отправилась назад и вдруг обнаружила там какой-то вульгарный бабский пиджак. Андрей сразу в отказ: «Я понятия не имею, что это. Я не знаю, как это здесь оказалось». К Радулову поворачивается: «Кто вчера ездил на моей машине?» Радулов не помнит ничего. «Прекрасно вы вчера погуляли, – говорю я им. – Ты знаешь, меня не интересует, кому он принадлежит, меня интересует, что это?» – «В каком плане – что это?» – «Я даже боюсь представить, что его носило».

Это был женский пиджак с засаленным воротником до такой степени, что он стоял. Я всю дорогу их подкалывала: «Боже мой, если тут бы лежал пиджак от кутюр, Валентино, Шанель, пах бы он духами, я бы сошла с ума от того, какую прелесть ты встретил. Ну это... Мне даже страшно представить, кому это могло принадлежать».

Или еще история. Однажды мы отмечали день рождения Андрея. Парни сидели, отдыхали, и вдруг вокруг начали образовываться стайки девиц. Ближе. Ближе. Ближе. И оп – уже сумочки на нашем диване и они уже почти за столом, хотя их никто не звал. Я не выдержала и прошлась по периметру нашего дивана – и сумочки обратно на пол все скинула. Бесполезно. Новая атака. Я снова все сумочки поскидывала. Так весь вечер и развлекалась.

Подобных случаев я могу вспомнить огромное количество. Как иначе? Вокруг знаменитых, красивых и далеко не бедных людей постоянно крутятся женщины известного толка, которым все равно, даже если рядом будут сидеть жена и дети.

Однажды мы пришли в новое заведение: только открылась «Арена» – самый крутой клуб в Питере на тот момент. Кому раздают бесплатный вход по флаерам? Красивым девицам, чтобы богатые мужики не скучали и тратили много денег. Мы отмечали какой-то праздник, сидели в отдельной ложе. И вдруг друг Андрея привел к нам, где все свои, какую-

то девушку. Та не растерялась и постаралась максимально развязно со всеми «познакомиться», назовем это так. Я спокойно и довольно долго все это наблюдала, а передо мной стояло ведро с шампанским. Она с бокалом, вся такая непосредственная и активная. Я наклонилась и достала бутылку шампанского из льда. Она сразу протянула мне бокал, – дескать, наливай. «Ты шампанского хочешь? Подожди секунду». Я поставила бутылку на стол, взяла ведро и надела ей на голову. Больше я ее в нашей ложе не видела, а за мной закрепилась слава весьма быстрой на реакции девушки. Я ее регулярно закрепляла.

Хотя, судя по другим женщинам, мои вспышки были редкими и довольно спокойными. Помню, как однажды жена известного хоккеиста чуть не спровоцировала драку – куда уж мне с сумочками на диване.

Мы два года подряд до переезда праздновали Новый год за городом в гостинице на берегу Финского залива. Большой компанией снимали номера и обычно оставались там до 2-го. Один из хозяев гостиницы был хоккейным фанатом.

Как-то мы приехали праздновать большой компанией, уже были семейные все, с детьми – с Янкой, с Артемом. За несколько столов от нас – хоккеист Максим Сушинский. Андрей – самый известный в футболе, Сушинский в Питере – самый известный в хоккее. У них была более молодая компания, зажигательная: они ржали, шутили, при этом привлекая к себе много внимания.

В какой-то момент к Андрею начали подходить люди за автографами – фанатам не важно, сколько времени, хоть полночь бьет новогодняя. Если ты начинаешь давать автографы, то не можешь уже кому-то отказать, будет некрасиво, поэтому Андрей просил всех в эту ночь его не беспокоить. Мол, завтра мы тут все еще будем – никому не откажу. В какой-то момент подошла какая-то девушка и спрашивает: «Можно с вами сфотографироваться?» Андрей спокойно повторяет все то же самое про завтра. Подходит вторая девушка и говорит: «А жене Сушинского можно?» Андрей говорит: «И жене Сушинского нельзя». Как она преподнесла слова Андрея своему мужу, мы не знаем. Но преподнесла, видимо, не очень хорошо. Краем глаза вижу: подошел Сушинский, что-то сказал Андрею, и они пошли на улицу. Оказывается, он его повел морду бить. Естественно, там огромное количество охранников, и им, конечно, не дали подраться, но меня неприятно поразила эта провокация со стороны барышень – чуть не испортили всем праздник. Подобные вещи случались и в Лондоне. Как-то на концерте Тимати я снова выступила с программой с шампанским. Мы заказали самый лучший стол рядом со сценой. После

выступления Тиман пришел за соседний стол и мы объединились. Я сидела спиной к своему мужу, а напротив меня стоял ди-джей Тимати – Мег. Мы разговаривали, и вдруг я заметила, что он как-то странно реагирует на то, что происходит позади меня. Обернулась. Через стол на большом диване – мой муж, а рядом с ним девушка активно что-то шепчет ему на ухо.

– Дай, пожалуйста, бутылку, – сказала я Мегу, который держал шампанское.

– Давай бокал, я налью.

– Нет, мне бутылка нужна, на одну секунду можешь дать?

Я взяла бутылку шампанского, закрыла пальцем горло, хорошенько встряхнула и направила на Андрея и эту девушку.

Андрей безумно кайфовал от таких вещей и любил ходить по краю. Периодически он сам провоцировал меня на бурные реакции. Я отвечала, не могла не ответить.

Мне как-то один психолог на передаче сказал: «Юлечка, я вам принесла книжку, как сохранить секс после пяти лет брака». Не смешите меня, я могу написать книгу, как сохранить секс даже после 10 лет брака. Мы жили в вулкане эмоций. Сегодня я думаю, что наша личная жизнь всегда была яркой и невероятно насыщенной именно потому, что мы с Андреем регулярно сталкивались характерами. Мы были страстными людьми, и отношения у нас были столь же страстными. Я говорю честно и не стесняюсь этого, хотя и мало кто верит, но между нами с Андреем до последнего дня было страшное притяжение. Я не знаю, изменял ли он мне до всех этих событий, учитывая бурные страсти внутри нашей семьи. Меня обвиняют, что я просто закрывала глаза и жила в иллюзиях. Нет, не жила. Его сегодняшняя подруга была первым случаем измены, о котором я узнала. И я честна перед собой.

Страстная пара

Однажды я поехала разыскивать своего мужа в баню...

Накануне был выпускной банкет у «Зенита». Отмечали окончание сезона. Мы веселились, танцевали, только Андрей весь вечер был не в духе. А у меня наоборот – было очень хорошее настроение. На мне было потрясающее платье – шелковое, по фигуре, с кружевом. Я веселилась и наслаждалась вечером и вниманием к себе. Я, конечно, не позволяла себе ничего лишнего, но даже этого ему хватило, чтобы завестись. Андрей не пил – был за рулем, и все больше мрачнел. После банкета ребята поехали куда-то тусоваться мужской компанией, а мы отправились домой. Окончательно уставшая от его психа, я начала докапываться, что случилось. Слово за слово, поругались. Я вышла, поймала машину и уехала к Капусте.

Что делают девочки в таком состоянии? Пьют шампанское и перемывают кости благоверным. И сидя у Капусты, я все пыталась понять, кто меня вообще тянул за язык, чего я из машины вышла? Сама себя накрутила же. В общем, решила ехать домой. Уже почти добралась, звонит телефон. Пять утра.

– Юлия Геннадиевна, здравствуйте. Это вас охранный система беспокоит. Вы знаете, у вашей машины пищат датчики, и мы не знаем, вы там или нет. Вызывать к вам группу реагирования? И машина вашего друга тоже пищит.

– Вызывайте группу реагирования, – сама думаю, Андрей же вроде на машине уехал, что случилось-то. – Вы только потом отзовнитесь, все ли в порядке.

Через 20 минут мне снова набрали.

– Юлия Геннадиевна, с машиной все в порядке. Обе стоят в одном месте. Все хорошо.

Интересно. То есть Андрей куда-то уехал. И друг там же.

– Замечательно. А где машина-то стоит?

– Около СПА-комплекса.

– По какому адресу? – И тут же таксисту. – Разворачиваемся.

В голове только одна мысль: «Баня. Реально баня. Мой Андрей в бане. А с кем он там в бане? Ночью-то?»

И вот я в изумительном платье, с украшениями, на каблучках сижу в машине с таксистом и жду, когда мой муж выйдет, чтобы поймать его,

значит, с поличным. Час сидим, два сидим. Я рассказываю водителю всю свою жизнь, рыдаю.

В какой-то момент из бани вышел один из наших холостых друзей. С бабой – помню, у нее такой высокий рыжий хвост. «А! – думаю. – У этого – рыжая. А у моего, интересно, какая будет, блондинка или брюнетка?»

Полдесятого утра. Надо признать, за это время я успела как следует напиться, ожидая-то краха своей семейной жизни. Я увидела Андрея и вылетела из машины, а там только он и еще четыре футболиста. Больше никого. При этом Андрей заспанный. Он всегда с утра отекий. Сколько лет мы жили, он всегда спросонья с припухшими губами и с припухшими глазами. Не знаю, что он там делал, конечно, ночью, но то, что с утра спал, – точно. Конечно, после всех нервов я ему дала в глаз.

На следующий день мы поехали в Москву на Кубок Дэвиса. Рядом – Наина Ельцина, там же был Марадона как представитель Аргентины, много разных людей. И мой Андрей с фингалом.

Такими вливаниями адреналина мы, конечно, подпитывали нашу жизнь. Скучной ее было не назвать. Уже после рождения Артема Андрей должен был уехать на сборы, и накануне вечер, так получилось, мы проводили не вместе. Он что-то психанул и уехал из дома, а я оставила Артема с мамой и каталась по городу, чтобы успокоиться. В результате я попала на развод мостов, так что мне пришлось дожидаться контрольной сводки, наматывая круги по Невскому. Вдруг вижу: стоит машина Андрея, и на этой улице нет ресторанов, а лишь ночной клуб с наглухо закрашенными окнами. Несмотря на все то, что я рассказала в предыдущей истории про баню, не думайте – я не была патологически ревнива. Обычно всегда ему доверяла, и он свободно проводил время, но в этот раз его машина стояла у стрип-клуба, и я знала, что это за заведение.

Я остановилась, начала звонить – телефон выключен, решила зайти, тем более, что у меня была VIP-карта, так как тем же хозяевам принадлежало еще несколько клубов.

На входе охранник и администратор-девушка. Она мне:

– Вас ожидают?

– Не уверена.

– У нас вход женщинам без мужчин запрещен.

Я показала VIP-карту.

– Позвоним владельцам?

Охранник сообразил быстрее. Он, не глядя на администратора, спросил, за какой столик меня проводить.

– За столик Андрея Аршавина.

Вошли. Там все в дыму. На сцене голые женщины танцуют. Подошли к столику. Андрей с друзьями: еда, кальян, рядом, конечно, вертятся девки, но не за столом. Я посмотрела на все это и поехала домой – собирать вещи. Он за мной. Я пытаюсь сесть в машину, и не могу – ноги и руки трясутся. Я была в абсолютно невменяемом состоянии. Он посадил меня к себе в автомобиль и тут же дал по газам, чтобы не вышла.

У меня стояла перед глазами картинка, как он сидит в полумраке и рядом голые бабы вертятся. «Андрей. У нас ребенок, а ты шляешься по каким-то публичным домам!» Андрей понимал, как оскорбил меня.

– Я не поеду в сборную, потому что я улечу, а ты уйдешь.

– Ты прав. Но я и так уйду, так что лучше езжай. Зачем тебе одному сидеть? Там футбол, ты его любишь.

В общем, выпроводила его. Не могла ни звук его голоса слышать, ни видеть, и на следующий день уехала с Артемом к Алене Быстровой за город – подальше от всего.

В сборной Андрей, конечно, все рассказал Быстрову, узнал, что я с Аленой, и просил друга постоянно звонить жене, чтобы узнать, что же я все-таки надумала. Конечно, мы помирились. Я не могла долго злиться, хотя осадок остался.

Впрочем, тогда я поняла, что для моего мужа семья все-таки стоит на первом месте. И поняла это из того, что он отказывался ехать в сборную. Я всегда считала, что ничего важнее игры для него не существует, поэтому меня поразило, насколько он боялся нас потерять: готов был смириться с тем, что не уедет в сборную. Причем его туда только-только начали приглашать!

Он был скуп на признания в любви или милые сюрпризы, что я уже рассказывала, поэтому его истинные чувства проявлялись именно в столь эмоциональные моменты.

Может быть, это было нашей своеобразной игрой? А может быть, ему требовалось подтверждение, что он мне дорог. Снова и снова. Как когда-то в начале наших отношений, ему надо было снова и снова доказывать, что я его люблю и никуда не уйду. Только уже на другом уровне. Эскалация. Для меня же это в какой-то момент перестало быть забавным. Я повзрослела и устала играть в игры.

Футбол для двоих

Мой дедушка, как настоящий мужчина, увлекался всеми видами спорта. Футболом в том числе. Если он слушал трансляцию какого-то матча по телевизору, он всегда отключал звук. Его страшно раздражало порой, что несут комментаторы. Я его очень любила, это был настоящий мужик с атомным характером, так что с раннего детства, спорт вошел в мою жизнь. Другое дело, что сама я всегда увлекалась индивидуальными видами спорта. Тем же теннисом, например, – где все зависит не от группы людей, а лишь от одного человека. Однако в какой-то момент футбол прочно занял место в моей жизни. Я им практически дышала. Андрей часто задавал вопрос: «Масянь, ты смотрела?» И каждый раз Масяня смотрела. Это уже стало нашей присказкой. Масяня смотрела, помимо «своего», еще 150 других матчей. Когда мой муж был на поле и не смотрел другие игры, я всегда могла ответить ему на вопрос, какой счет или что случилось в другом матче. Да и ему, наверно, приятно было знать, что я не просто хожу на его игры, а разбираюсь и увлекаюсь футболом. Иначе почему он так уверенно задавал мне все эти вопросы.

На самом деле для нас обоих это было очень важно. Футбол был нашей жизнью, с ним были связаны краткосрочные и долгосрочные планы, от него зависело, где мы будем жить и отдыхать, и когда это вообще случится.

У нас с Андреем была сильная эмоциональная связь. Ее невозможно объяснить словами.

– Помнишь, когда тебя заменили за минуту до конца матча, и вам назначили штрафной? Ты тогда сказал: «Сейчас забьют».

– Откуда ты это знаешь?!

– Я слышала.

– Как?? С трибуны это услышать невозможно!

Но это было так – все его сильные эмоции я ловила на расстоянии. Когда он был настолько взволнован, что не мог сдержать слов, они стучали в моей голове. Я чувствовала, что с ним, где он, какой он.

«Масяня, у меня так болит голова, я не понимаю, что происходит...» Зато я понимала. Каждый раз перед вызовом в сборную, перед тем как объявляли список футболистов, он не мог встать сутки с кровати с дичайшей головной болью. Все душевные переживания отражались на его здоровье.

Когда мы только познакомились, был тяжелый период, когда Ярцев не хотел брать в сборную Андрея. Раз за разом Андрей становился лучшим игроком чемпионата по версии разных спортивных журналов и футбольного союза, а тренер упорно его не замечал. Сейчас я понимаю, что он так поступал исходя из своих личных соображений – у него был наигранный состав, и он не хотел никого заменять. Но это было очень несправедливо по отношению к Андрею. В итоге, когда сборная не смогла выйти из группы, с нового отборочного цикла тренер все же стал вызывать Андрея. Чуть позже он даже звонил ему и просил приехать, несмотря на состояние здоровья – Андрей получил травму. Тренер говорил, что остро в нем нуждается. Всему свое время.

В этом есть некое равновесие. Андрей получил капитанскую повязку сборной именно через страдания. Эта, казалось бы, жуткая несправедливость окупилась с лихвой. Когда в 2006 году сборную возглавил Гус Хиддинк, у Андрея уже было незыблемое место в команде. А в 2010 году сборную начал тренировать Дик Адвокат, и, казалось, что он готов выпустить Андрея даже на костылях. Здесь не додали, тут с перебором.

Я считаю, Дик тоже перегибал палку в отношении Андрея. Для меня самым объективным был Гус. Он абсолютно все правильно делал. Он – тренер по всем статьям и по всем параметрам. Но я о другом. Все его вложенные усилия окупались сторицей. И все всегда приходит вовремя. Это надо помнить.

Я уже говорила, что часто посещала стадион, а если не получалось – всегда находила телевизор, чтобы посмотреть игру, даже на другом конце света.

Тот матч, когда «Зенит» впервые за 23 года стал чемпионом, я смотрела дома. Это было незабываемо! Все футболисты высыпали на поле: кто тренера качает, кто обнимается. Руководство команды там же и наш любимый Боярский. Я смотрю эту трансляцию и вижу, как Андрей буквально сбегает с поля. Он не дает интервью, ничего не комментирует, его обступила куча журналистов, а он бежит в подтрибунное помещение. Я подумала – что-то случилось. Вдруг звонит телефон.

– Мاسянь, ты смотрела?

– Конечно, смотрела!

– Почему ты плачешь?

– А как ты думаешь?!

– Ты, правда, очень рада?

– Я счастлива за тебя, Андрей!

Он ушел, чтобы позвонить и спросить, смотрела ли я. Конечно, смотрела, Андрей, и потом пятьсот тысяч раз еще пересмотрела это все в повторе. Переживания во время просмотра были постоянными, появились свои ритуалы, традиции, все сыгранные Андреем матчи стали неотъемлемой частью моей жизни.

Англия. первый блин комом

Я очень люблю Лондон, для меня это место свободы, спокойствия. Наверно, это мой дом – так принято называть место, где тебе хорошо. Но в первый приезд туда я чуть ли не возненавидела этот город. Я полетела на игру Англии и России в рамках матчей Евро в 2008 году. Предстоял величайший футбольный чемпионат за всю современную историю России. Шел отборочный цикл, и мы попали в одну группу с англичанами, так что почти никто не верил, что выход России на Евро возможен.

Моя сестра Ксюха, которая поехала со мной, была заочно фанатом Великобритании. Фильмы, книги, школа – везде часто говорили об Оксфорд-стрит, поэтому она страшно хотела узнать Лондон именно с этой улицы. Я, наверное, более разочарованного лица в своей жизни не видела ни у кого и никогда. Через 50 метров бедная девочка меня спросила: «Что это?» – «Это Оксфорд-стрит, на которой ты мечтала побывать». – «Нет, Юля, в книжках она была другой!»

Может быть, те книжки, по которым преподают в нашей школе, они описывают какой-то старый Лондон? Какую-то старую Великобританию? Сейчас это котел, и за последние лет 10–15 все очень сильно изменилось, и на Оксфорд-стрит нет англичан. Там есть кто угодно. Но англичан там нет. Лондонцы привыкли к мигрантам и постоянной миграции. Старая Англия осталась где-то далеко за пределами города или в закрытых интернатах. А моя сестра вышла на самую туристическую улицу Лондона в надежде увидеть какую-то книжную Оксфорд-стрит, такой английский Лондон, и страшно разочаровалась. Мне было легче, потому что я ничего не ожидала, и мне все было любопытно. Я вообще очень люблю путешествовать, особенно узнавать те места, которых не видела.

В какой-то момент во время этих волнующих событий для российского футбола я узнала, что беременна вторым ребенком. Первая беременность была трудной, и опыт подсказывал, что вторая будет такой же. Однако мы с моим врачом приняли волевое решение ехать.

Кто с чем летал в Лондон, а я с лекарствами. Вот только запасенного мне не хватило, потому что я таки умудрилась подцепить какую-то инфекцию, под которую у меня не было препаратов. Как потом выяснилось, самую банальную и самую популярную в Британии – ротавирусную. Это, как любят говорить у нас, – кишечный грипп. Сначала я думала,

что просто чем-то отравилась и всеми словами проклинала финский аэропорт, где у нас была стыковка. Однако через некоторое время и кучу таблеток поняла, что это явно не отравление.

Все бы ничего. Всем понятно, что это дело пары дней, хотя и довольно неприятное дело. Одно «но». Я беременна, и моя врач сказала мне в приказном порядке пропить антибиотики, иначе я могу потерять ребенка.

Наверное, главное, чем русские отличаются от англичан, – так это тем, что способны переступить через любые законы, если понимают, что ситуация безвыходна. Мы не столько руководствуемся юридическими правилами, сколько человеческими. Но там: если не положено, то не положено – «правило пяти пунктов», как я его называю. Они всегда слепо следуют инструкциям. Все время. Без исключения. И это поклонение вечным «пяти пунктам» порой обретает формы настоящего садизма.

Мне отказали в покупке лекарств во всех аптеках, где я была.

– Без рецепта антибиотики мы не продаем.

– На другом конце провода мой лечащий врач. Вы можете поговорить с ним? Она ведь знает свое дело.

– Без рецепта мы не продаем.

Рецепт можно взять только у врача. Воскресенье. Можно весь день просидеть в очереди, и никто не гарантирует, что тебя примут и выпишут рецепт. Более часа я провела в беготне по всем мыслимым и немыслимым аптекам Лондона, отчаянно рыдая и умоляя фармацевтов. Я не понимала, как такое вообще может быть, как можно не продать антибиотики – это же не наркотики, – когда перед тобой стоит зареванная девушка, говорит, что она беременна и может потерять ребенка?

Помог мне таксист. Это вообще особая каста в Британии. Они довольно жесткие, но при этом могут выручить в трудной ситуации, зная Лондон изнутри и проходя в нем иногда суровую школу жизни. И вот этот таксист спросил меня, почему я плачу. На тот момент я уже не просто плакала, а билась почти в истерике.

– Я беременна. Мне очень нужны таблетки, а мне не продают, – сказала я, бессильно вытирая сопли.

– Я знаю одно место. Поехали.

Молча завел машину и привез меня к сомнительного вида аптеке:

– Вам туда. Я буду здесь ждать.

Я зашла в аптеку, и снова услышала ледяное: «Без рецепта мы не продадим». А дальше как в кино: неожиданно из-за прилавка вышел толстый индус и спросил, что мне нужно. Моя сестра объяснила.

– Откуда ты? – спросил меня индус.

– Русская я.

И впервые за этот ужасный день я услышала:

– Продай ей антибиотики.

Таблетки мне помогли, так что мы с другом Андрея и моей сестрой отправились смотреть матч на Уэмбли.

Мы уже почти зашли в метро, когда я подняла голову и увидела, что на другой стороне дороги, недалеко от станции, виднеется легендарный английский паб. Вы можете себе представить, что такое лондонский паб во время игры? Это целая толпа фанатов. Очень буйных английских болельщиков. Надо сказать, что снобистский настрой англичан, что мол, «куда русским с нами тягаться, они никто и звать их никак», – мне всегда очень не нравился. Ну, я и захотела туда пойти и буквально втащила всю компанию за шкуру в этот паб. Гормоны беременной женщины победили все внушения разума.

Представьте себе картину. Целое море болельщиков в гробовом молчании пялится на трех дебилов в экипировке сборной России, браво марширующих в их сторону. Толпа молча расступается. Образуется узкий коридор, и мы, такие гордые и уверенные, идем, как голливудские актеры, по красной ковровой дорожке, к дверям паба. Впереди иду я, сзади бежит этот самый друг моего мужа, который кричит мне в спину, что жизнь его закончилась и что вот именно здесь и сейчас он погибнет от ног разъяренной толпы футбольных фанатов.

В конечном итоге нас, конечно, никто не тронул. Нам лишь сказали, что напитки продавать не будут, и сейчас я понимаю, что это было правильно со стороны персонала – не провоцировать конфликт. Фанаты же вообще были достаточно дружелюбные, а тут еще слегка обалдевшие. Они просто молча стояли и смотрели на нас, как на инопланетян. В общем, мы быстренько ретировались, пока они не пришли в себя, и поехали на стадион.

Вот там я уже разозлилась по-настоящему, когда российской сборной не засчитали гол Константина Зырянова. Что бы кто ни говорил, он был забит англичанам по всем правилам. Судья отменил взятие ворот из-за якобы игры Кости рукой. Как же мы злились! И ведь именно эта отмена гола переломила ход матча – да так, что мы проиграли. Ладно, это было еще возможно пережить, но когда в конце игры диктор на стадионе сказал, что болельщики могут начать покупать билеты в Австрию и Швейцарию – странах проведения Евро... Это разозлило меня по-настоящему. Впереди были еще игры, которые могли все изменить, но англичане уже считали, что они на Евро.

Когда я вышла с трибуны, у меня были красные глаза, как у быка.

– Это мы еще посмотрим. Мы им еще покажем! – сказала я в сердцах, и не ошиблась. В итоге именно мы оказались на Евро 2008, а англичане туда не смогли выйти. Это было чудом – не иначе.

На самом деле ситуация была патовая. Мы откровенно проигрывали, и наши шансы на победу были, если быть совсем честной, весьма призрачные.

На следующий день мы улетали. Сначала Андрей со своей командой, а мы всей компанией на час позже. Сидим в аэропорту все вместе, ждем, когда пригласят в самолет. Болтаем, смеемся, и ему уже пора идти, как я замечаю, что он стоит и смотрит на меня так внимательно-внимательно. Прямо в глаза.

– Масянь...

– Что?

– Ты беременна?

– Да.

Мы молча разошлись по разным самолетам, а встретились уже в России.

Вот так. Многое забылось, а это нет, потому что было очень тепло. Самое интересное, что вылет сборной задержали. Их самолет стоял рядом с нашим. Я смотрела в иллюминатор и думала, что он где-то там за окном и знает, что у нас еще будет ребенок. Пишу, и снова те же чувства, что и тогда – очень светлые.

Я всегда прихожу вовремя

Это был теперь уже знаменитый ответный матч в Москве, когда англичане прилетели в Россию. Игра проходила в Лужниках, и от этого матча зависело многое, прежде всего – попадаем мы на чемпионат или нет. Андрей Малахов собирал в студии знаменитых гостей перед игрой. Мне позвонили.

– Кто еще будет?

– Марина Малафеева и Лариса Павлюченко. Ты прилетишь в Москву?

– Да, я точно буду на матче, – сама в тот момент думала о том, что беременна, и не хочу, чтобы все это увидели, и как бы скрыть свое положение.

– Андрей, а когда закончится эфир?

– Как мы закончим, так сразу начнется трансляция матча.

– А как я на стадион поеду? То есть, когда я на него попаду?

– Ко второму тайму.

– Ты что, издеваешься, что ли?

– Ну, Юль, пожалуйста, приходи.

Что делать? Попросила помощи у друзей, чтобы они довезли меня до стадиона. Не отказали. Дали машину с мигалками.

Все, кто был на записи, активно пытались меня отговорить: «Куда ты поедешь? У нас все в Москве с мигалками, все равно будете долго добираться, не успеете даже к концу приехать. Пойдем, тут недалеко ресторан, там и посмотрим». Я, было, сначала и правда согласилась. И вдруг Руни забил гол: пронесся недобрый гул, атмосфера в ресторане, и так недоброжелательная, изменилась на крайне негативную. Никто не верил в победу: где мы, и где Англия. Рядом со мной была Марина Малафеева, царствие ей небесное: «Мариш, поехали, я не могу здесь оставаться. Не могу тут смотреть футбол и надеяться, что они выиграют, когда вокруг никто в это не верит, и все повторяют, что так и знали».

Мы домчали очень быстро. Ехали как сумасшедшие, не разбирая знаков, и успели ко второму тайму. Наша команда все еще проигрывала. Счет был 1:0. Снаружи стояла гробовая тишина, а внутри – просто беснующееся море болельщиков. Это был самый пик игры, самый ее накал. Мы показали билеты стюарду, и он нам бросил: «Поздновато вы приехали». Взбешенная, уставшая, отдышавшись, я повернулась к нему и крикнула:

– Я всегда прихожу вовремя!

И тут, хотите верьте, хотите нет, весь стадион, в один голос:

– Г-о-о-о-л!

Наши ребята забивают англичанам пенальти. Потом – практически сразу – второй гол с игры. Мы выиграли тот матч со счетом 2:1. Такой атмосферы, как тогда в Лужниках, я не ощущала больше никогда. Я – человек, который побывал на многих матчах. Казалось, Лужники дышали, как один человек. Все эти почти 85 тысяч человек были единым организмом. Эту сплоченность чувствовали все присутствовавшие. Такие моменты не забываются никогда. Сумасшедший матч. Накал сумасшедший. И понимание того, что я правильно приехала, потому что нельзя смотреть футбол там, где не верят в победу, только на стадионе, где все живут игрой, где верят в победу и рады ей.

Возвращаясь с трибуны, я заметила того стюарда: «Я же говорила, что всегда прихожу вовремя». Он так и остался стоять с огромными, раскрытыми от удивления глазами.

После матча я летела с Андреем и с командой, со всеми зенитовцами, потому что мы улетали сразу после игры. Только все расселись по местам, как командир объявил:

– Поздравляем! С нами летит наша сборная! Они сегодня выиграли. Поздравляем их с победой!

Такие эмоции. Это даже не описать словами, и сколько еще было таких счастливых моментов. Моментов, когда ты понимаешь, что это – твое, что ты – участник этого процесса, что это твоя жизнь. Это невозможно передать. То ощущение, когда глаза твоего любимого человека сияют, а ты в это время испытываешь еще больше счастья, чем он, от того, что видишь, насколько ему хорошо.

Я шла на стадион в любом настроении, состоянии, при любой погоде. Видела, как мой муж творил что-то сумасшедшее на поле, и этим зрелищем я могла наслаждаться часами. Он играл для нас, зная, что мы всегда рядом и смотрим. Все, что его окружало, волновало и меня, пока мы были вместе, пока были одним целым. Ушел Андрей из моей жизни – исчез и футбол.

Через тернии к звездам

Совершенно неизвестно, что было бы дальше, как сложилось наше будущее без одного испытания.

Чтобы выйти из группы перед Евро, надо было сыграть последний матч с Андоррой на выезде. Это страна-карлик, которую обычно все обыгрывают с хоккейным счетом. Но когда это последний матч в группе, над тобой висит дамоклов меч. Эту игру я смотрела дома. Все последние матчи командами играются одновременно. Для нас был важен еще один результат – хорватов с англичанами. Если бы англичане выиграли, то они проходили бы дальше. А если бы победили хорваты, то Россия проходила на Евро. Было важно знать результаты обоих матчей. Так что я смотрела хорватов и параллельно посматривала за сборной России, не волнуясь особо за результат наших парней – Андорра же. Вдруг в конце матча звонит телефон. Андрей. Я думала, что сошла с ума, он же должен быть на поле.

– Масяня, какой у нас счет? Я ничего не вижу.

– Как какой счет? Ты же на поле должен быть.

– Ты что, хорватов смотришь?

– Конечно, нам же важно знать результат, а в вас я не сомневаюсь, вы выиграете, я точно знаю.

– Срочно посмотри, какой у нас счет?

Я переключаю:

– 1:0. А ты где?

– Меня удалили.

Когда игрока удаляют, он уходит в подтрибунное помещение и просто ждет развития событий. В это время он не знает, что происходит на поле, а его команда остается в меньшинстве и, конечно, пропустить в такой ситуации гол довольно просто. Особенно, если остается время в запасе. Я сижу как на иголках, комментирую матч, страшно переживаю. Если мы проиграем, то все свалят на Андрея, во всем обвинят только его.

– Все. Выиграли. Свисток. И хорваты выиграли. Мы на Евро. Что случилось?

– Я ударил игрока, меня удалили, я не выдержал, он меня провоцировал, я не выдержал, Масянь.

Я понимаю, что Андрей из-за дурацкой несдержанности может вообще никуда не поехать, и Евро для него закончится, не начавшись. После красной карточки футболиста могут дисквалифицировать на 1, 2, 3

и сколько угодно матчей. Все решает комиссия, опираясь на тяжесть проступка.

Дальше для нас началось мучительное время. Период длительного ожидания, который, мне казалось, никогда не кончится. На Андрея было страшно смотреть, и на меня тоже. Все говорят, что я сейчас сильная, но тогда я была сильнее. Сегодня я имею право психануть и все послать. Я отвечаю сама за себя. Я сильная только для себя. Тогда мне нужно было быть сильной для двоих, что гораздо тяжелее. Переживая самой, мне приходилось успокаивать и его, делать вид, что все будет хорошо. Представьте, у меня самой мурашки и ледяной пот в три ручья по спине, внутри холод, но ему этого показывать нельзя, для него надо быть спокойной и уверенной в завтрашнем дне, чтобы не накручивать человека еще сильнее. И вот я лучезарно улыбаюсь, и ему становится лучше, а самой мне где брать силы для этого? Иногда казалось, что я просто скоро перегорю как лампочка.

В конце концов Андрей узнал, что пропустит два матча. Но и это еще не было окончанием наших мучений. Следующие игры – это уже Евро. На тот момент команда была с хорошим запасом игроков. Тренер мог взять Андрея, несмотря на то, что он войдет только в третий матч, а мог взять других игроков и вообще не вызвать Аршавина в сборную. Все зависело только от Гуса Хиддинка. Почему-то он поверил, что Андрей будет нужен. В душе я буду всегда ему за это благодарна. А сам Андрей, пропустив две игры в группе, вышел на поле в третьем матче. Он рвал, рвал, рвал, сделав возможным для России выход из группы в плей-офф. Как мог, так и сказал Хиддинку свое спасибо – за тот период ожидания он многое понял.

В итоге Андрей сыграл так, что попал в символическую сборную чемпионата Европы. О нем говорил Зидан, о нем говорили все. «Барселона», и не только она, сделала ему предложение. То, за чем он поехал в Европу, он получил и неважно, сколько матчей в итоге сыграно – сыграл он по максимуму.

Достиг бы он такого, не будь этой дисквалификации? Эта ситуация поставила Андрея на место и очень встряхнула. Тем не менее у него хватило сил подняться и выложиться по полной.

Главная звезда кубка УЕФА

Я уже говорила, что все наше существование подчинялось законам и графикам футбола. У нас были свои собственные приметы. Так, в день игры мы никогда не разговаривали и даже не переписывались. Традиция появилась еще в 2003 году, и вплоть до 2008 мы никогда ее не нарушали.

А, нет! Был один раз, когда мы начали встречаться с Андреем. До знакомства со мной он встречался с девушкой. Даша – молоденькая девочка из очень обеспеченной семьи с папой при правительстве. Как она себя вела? Соответствующе. Несмотря на то, что они расстались, Даша регулярно звонила Андрею, делала вид, что меня не существует, звала его на свои праздники. Периодически он соглашался, хотя мне, конечно, это не нравилось. В какой-то момент мне показалось, что это выглядит как игра и что таким образом он просто старается меня разозлить. Как только я перестала обращать внимания, все встречи и походы к Даше прекратились.

Но не об этом. Я должна была встретить Андрея с самолета после выездного матча и поехала к маме в Автово – оттуда было ближе до аэропорта. У меня выезд на проспект Стачек, горит зеленый, я поворачиваю и вижу машину, летящую на меня по встречке. Проспект Стачек – это дорога, которую любят всякие важные люди, чтобы быстро добраться до аэропорта. И вот какая-то большая шишка ехала по встречке, объезжая пробку и врезалась в меня. От удара мой автомобиль закрутило, и последнее, что я помню, как моя машина летит в «Оку» и мысль: «Сколько человек там внутри, сколько будет трупов?»

Пришла в себя с той же мыслью. В забитой людьми «Оке» оказались все живы, благодарение Богу, да и я сама цела, но в шоке. При этом со мной что-то пытается выяснить водитель той блатной машины – хозяин даже не вышел. Следом приехала милиция, начала давить, что я виновата...

На тот момент «Зенит» не проигрывал 23 или 24 матча подряд. Конечно, все это время мы соблюдали нашу традицию, и я не звонила и не писала Андрею перед игрой. Но тут у меня сдали нервы. Я набрала номер.

– Я попала в аварию.

– Как, что случилось, ты цела?

– Да, но тут странные люди, говорят, что я попала на какую-то большую шишку.

Пауза.

– Ты что, на проспекте Стачек?

– Да, как ты понял?

– Даша позвонила. Ты знаешь, с кем ты столкнулась? Это был ее отец.

В этот момент я повернула голову и увидела, как из остановившегося такси выбежала Даша и решительно направилась в мою сторону. Видимо, разбираться.

Вся команда потом смеялась, что только я со своим везением могла в Питере попасть в аварию с человеком из Москвы, да еще и отцом бывшей девушки своего парня. Мы потом очень долго с ним разбирались: несмотря на то, что я ничего не нарушила, меня упорно хотели сделать виноватой. Только с помощью личных связей справедливость восторжествовала.

А «Зенит» тот матч проиграл, так что все последующие годы я не нарушала традицию – не звонила, что бы ни случилось. До 2008. Впрочем, и тогда я традиции сама не нарушила.

Это был сумасшедший год. Отборочные матчи сборной. В свою очередь «Зенит» шел к победе в кубке УЕФА – сегодня это Лига Европы. Только представьте себе, в каком ажиотаже, в каких ожиданиях мы жили. Наша сборная вышла на Евро. Наша команда в кубке УЕФА. Наша семья скоро пополнится еще одним человеком.

Зная, через что мне пришлось пройти с Артемом, Андрей очень переживал за ребенка и меня. Шел 2008 год, он уехал на очередные сборы, а у меня на последних месяцах беременности начались трудности. В тот день мы ехали с Капустой и маленьким Артемом за город, я была за рулем, и по пути домой, у меня открылось кровотечение. Помню, как я ехала, судорожно набирала телефон доктора и молилась.

Мне никогда не было так страшно. Естественно, из больницы меня не выпустили. Вышла я уже с Яной на руках. Каждый раз, когда у Любви Ивановны был план меня выписать, когда я начинала идти на поправку, снова шла кровь.

Пока не было Андрея, от меня не отходила Капуста, даже оставалась ночевать. Посторонним в палате не разрешалось быть в это время – только в часы посещения, так что Капуста прятала раскладушку за шкаф, чтобы ее не нашли утром во время обхода. Она привозила еду, кормила меня с ложечки, выносила судно. Когда приехал со сборов Андрей, то сразу примчался ко мне в больницу. Мне нельзя было ни ходить, ни вставать – только переворачиваться несколько раз в день. Материнство – материнством, но отношения между мужчиной и женщиной никто не отменял. И какие-то неприглядные стороны жизни не очень хотелось

показывать...

В какой-то момент Андрей так просто сказал: «А тебе судно не дать?» И все, пропал барьер. Он буквально вынашивал Янку вместе со мной. Помогал во всем, подавал мне нужные вещи, убирал за мной, переносил. Однажды ему разрешили привести Артема – дети в дороговое отделение не допускаются, но у меня уже не было сил не видеть сына, я практически умоляла разрешить ему прийти. Пока я лежала под капельницей, а Андрей вышел из палаты минут на десять, Артем украсил стены палаты росписью моей помадой. Там был свежий ремонт, а на нем красные каракули. Я думала, персонал меня убьет. Впрочем, Артем и тут их чуть было не опередил – игрался с моей капельницей, открыл клапан, и лекарства стало поступать куда больше, чем мне надо. Чувствую, как-то мне не очень хорошо, а он радуется: «Капельки, капельки!»

В больнице я лежала, не зная, что мне ожидать от завтрашнего дня. Врачи каждый день совещались – резать меня или нет, пора или нет, выдержу я и наш ребенок еще неделю или две, или пора делать кесарево. Каждый вечер Любовь Ивановна входила ко мне в палату и говорила: «Поздравляю, у тебя сегодня 28 недель и 4 дня». Потом пять дней, шесть, семь и так далее. Когда открывалось кровотечение, она оставалась со мной ночевать, прямо в кресле напротив. Ночью я открывала глаза, и сразу видела ее. Даже когда у Любви Ивановны умер муж, она осталась со мной. Зашла в палату и сказала: «Тебе надо продержаться всего полдня, пока я буду на кладбище. Я тебя очень прошу, Юля, сделай это. Ты не имеешь права родить без меня!»

Больница стала всем моим миром. Я отличала каждую из сестер по звуку шагов. Помню, на 8 марта они решили меня поздравить. Зашли радостные в палату и говорят: «Мы придумали, как тебя помыть». К тому моменту я уже месяц была прикована к постели, и минимальные гигиенические процедуры, конечно, мне делали, но вот целиком я ни разу не мылась и мечтала о душе. Девочки знали это и решили так меня побаловать. Правда, вместо душа, меня обтирали спиртом, и я их постоянно спрашивала: «А через кожу не впитается, а я не запьянею?»

Жизнь за пределами больничной комнаты меж тем продолжалась. Андрей с командой был все ближе к финалу в Кубке УЕФА, и каждый следующий матч был важнее предыдущего. И вот накануне важной игры «Зенита» с «Байером» ко мне пришел доктор: «Юль, все, больше ждать нельзя. Рожаем». Андрей, узнав об этом, сказал, что никуда не полетит и останется со мной, в очередной раз подтвердив, что мы для него куда важнее футбола. Каждый раз его такое поведение для меня было

открытием, потому что я знала, как мой муж любит играть, но в действительно значимые моменты нашей жизни он раз за разом выбирал нас, а не футбол. Мне кое-как удалось его уговорить, понимая, насколько важен тот матч.

Честно говоря, дело было еще и в том, что я не хотела рожать, потому что был слишком ранний срок, и я опасалась за жизнь и здоровье ребенка, так что решила еще потянуть чуть-чуть время. Андрей же был для меня авторитетом и точно мог меня уговорить на операцию, так что я, можно сказать, его спланировала, думая, что со своей мамой и врачами я легко справлюсь.

7 утра. День операции, и я уперлась. Не поворачивая головы от стены, я выгоняла врачей из палаты. Мама даже не зашла, зная мой характер. Любовь Ивановна бросила на амбразуру нашего анестезиолога – единственного мужчину, человека, которого я бы послушалась. Он сел и начал спокойно объяснять, что будет, если я не соглашусь на операцию.

– Рано еще, я могу лежать, – говорила я ему.

– Юля, ты рассуждаешь как мать, а мы тебе говорим как врачи. Процесс уже запущен. Еще чуть-чуть, и мы ничего не сможем сделать, может начаться кровотечение, и мы тебя не спасем.

– Плевать на меня!

– Пойми, дочь твою мы тоже можем не спасти. Выбора у тебя просто нет!

Они все-таки убедили меня долгими объяснениями и уговорами.

Когда достали дочку и она заорала сама, я заплакала от облегчения. Все хорошо, жива, дышит. «Здоровый нормальный ребенок, а ты истрепала нам всем нервы», – сказала Любовь Ивановна. Но я-то слышала, как врачи, которые к тому моменту прожили со мной бок о бок два месяца, выдохнули с облегчением. Я буду благодарна им всем по гроб жизни за терпение и поддержку. И ровно столько же мне будет стыдно за то, что я трепала им нервы и так упиралась.

В общем, дочь родилась, но мужу я, естественно, не написала – правило есть правило. Звонить и писать в день игры нельзя, но на врача запрет же не распространяется: «Вам можно, звоните вы».. Любовь Ивановна меня ругала, называла извергом, просила сообщить Андрею своим голосом, что все хорошо, чтобы он не волновался и не думал о плохом. Бесполезно. В итоге Любовь Ивановна набрала Андрею сама.

Все то время, пока шла операция, он страшно волновался. Как рассказывал персонал, который летал с командой на игры, Андрей, пока не узнал, что с нами все нормально, что дочка родилась здоровая

и со мной ничего не случилось, был сам не свой. Сидел зеленого цвета, забившись в угол, ни с кем не говорил, переживал.

К вечеру для него и нас все изменилось. Мы лежали с дочерью в палате и смотрели, как Андрей выходит на поле. Счастливый, уверенный, спокойный. Я к тому моменту уже успела снова начудить – встала, несмотря на запреты, тут же грохнулась, но не успокоилась и полезла в душ. Наверно, ничего не давалось мне так сложно, как самые обычные действия – просто ходить, просто мыться, и одновременно это было огромным удовольствием! Мама страшно ругалась, она оставалась со мной это время и старалась следить за тем, чтобы я выполняла предписания врачей. Старалась, потому что уследить было практически невозможно. Я ей страшно благодарна за всю ее помощь.

Угомонилась я только к вечеру. Мы с дочерью просто лежали перед телевизором и смотрели, как «Зенит» выносит «Байер». Андрей, как потом писали газеты, стал героем этой встречи. Он забил первый гол и побежал «качать люльку» перед камерой. В футболе много традиций. Игроки во время празднования гола засовывают мячи под футболку, показывая, что жена беременна и тот гол для нее. Или сосут соску, что тоже означает прибавление в семье. Или качают руками люльку, и весь мир понимает – родился ребенок. И вот на глазах у миллионов зрителей, во время игры кубка УЕФА, которую крутят по всем центральным каналам мира, Андрей передал нам привет, поприветствовал свою дочь на весь мир.

После игры он сразу позвонил:

– Я сейчас приеду. Прилечу из Германии и приеду.

– Ты сумасшедший? Это будет три часа ночи. Не надо. Езжай домой, выпишься, потом приедешь.

Естественно, ночью шум, грохот, гам. Он ввалился с букетом цветов. Я ворчала, но мне было приятно. Его было не остановить. Увидел дочь, взял на руки и вырубился на моей кровати. В гостиную, где был диванчик для посетителей, не дошел – спал с нами.

Как Алина стала Яной

Еще до рождения дочери, когда мы обсуждали, как назовем ребенка, Андрей дал мне на выбор два имени – Яна или Алина. Решено было назвать Алину, чтобы, как и с Артемом, было три А – Алина Андреевна Аршавина.

И вот Алина родилась, с Алиной мы приехали домой, о рождении Алины вышли новости по всем телеканалам и во всех газетах, тем более что ее появление на свет Андрей сам анонсировал в прямом эфире. На следующий день вышли несколько разных программ, где постоянно звучало: «Алина», «Алина», «Алина».

Первые несколько дней дочь звали Алиной. Все близкие привыкли к имени. Даже Артем запомнил, что у него сестра Алина – я постоянно его звала «Алину купать», «с Алиной играть», рассказывала, что «Алина ест», «Алина спит».

В какой-то момент я зачем-то полезла на полку в шкаф и нашла старый толкователь имен. Дай, думаю, проверю, как все-таки расшифровывается имя Алина. Открыла, нашла, прочла. Лучше бы не открывала... «Алины капризные, склонные к депрессии»... «Не могут найти общего языка со сверстниками»... И далее еще страница такого же кошмара. На словах «папы, как правило, уходят из семьи, где растет девочка Алина», – я не выдержала, захлопнула книжку и решила, что мою дочь зовут Яной!

Андрей вернулся домой и узнал, что его дочь теперь Яна. Ну что – скандал, конечно. Андрей ругается, при этом мне бесполезно что-то доказывать – у меня послеродовые гормоны, если что-то в голову втемяшилось, то все! «Ты мне дал на выбор два имени? Чем ты не доволен? Я выбирала из твоего списка! Будь моя воля, она была бы Александрой».

Андрей смирился, против таких аргументов ему нечего было предъявить. Родные тоже согласились с моим решением, а что им еще оставалось.

Самая смешная реакция была у Артема:

– Артем, пойдем купать Яну.

– Какую Яну? У нас же была Алина. Вы что, ее поменяли?

Но в прессе везде осталось упоминание, что нашу с Андреем дочь зовут Алиной.

Прошла пара месяцев, и в преддверии Евро мы поехали жить за город – детям там было лучше – свежий воздух, есть, где побегать

Артему и сладко поспать Яне. Туда же к нам приехала Алина Кабаева для съемок своей передачи «Шаги к успеху» – хорошая, добрая программа, которая рассказывает истории людей и их путь. Алина зашла в дом, встретилась с Андреем и говорит:

– У вас же дочка родилась – тезка моя.

– Нет, теперь не тезка, она уже не Алина, она Яна, – улыбнулся Андрей.

– Почему?

– А этот вопрос ты лучше жене моей задай!

Андрей покраснел, смутился, ушел в дом. Как обычно, пришлось мне самой объясняться. Неудобно было, честно говоря, но рассказала, как есть. При этом, глядя на Кабаеву, говорила и понимала, что бред же все эти толкователи имен... Вот передо мной стоит Алина – чемпионка, красавица. Хорошо, что у Кабаевой прекрасное чувство юмора. Правда, Яна осталась все равно Яной. Уже привыкли.

Лето триумфа

Скажу одну очень важную для меня вещь: после клуба «Зенит» играть в каком-то другом клубу будет очень тяжело. «Зенит» любит своих игроков. То, сколько клуб делает для футболистов и как решает их проблемы – это дорогого стоит. Я ни разу не слышала слова «нет» даже по самым простым бытовым вопросам. Как и позже в «Арсенале», «Зенит» организовывал нам поездки на важные матчи. Все жены, мамы, у кого кто летел – все пришли в посольство одной большой командой, чтобы получить визу в Великобританию. Клуб организовал для нас самолет, и мы снова вместе полетели на матч, после которого вся наша жизнь круто изменилась. Нас ждал финал Кубка УЕФА, ныне он носит название Лиги Европы, и мы были полны надежд. Я не знаю, что скажут на это другие, но мне всегда казалось, что лучше вылететь в четвертьфинале, чем проиграть финал. Когда ты уже там, психологически значительно тяжелее потерять такой близкий успех.

Ажиотаж был бешеным. Уже в аэропорту было понятно, какой интерес вызывает этот матч – там было огромное количество камер. Нас постоянно просили дать комментарии, интервью, мы останавливались, говорили, что верим в победу, но голоса нас выдавали – было очень страшно. Я думала, ну сейчас доберемся до самолета, и все закончится. Не тут-то было! Там тоже камеры. И еще сильнее напряжение, потому что видишь, как переживают взрослые мужики – отцы футболистов, – как у них трясутся руки и срывается голос. Мы с девочками старались шутить и отвлекаться хоть как-то: выбирали себе места в самолете по количеству голов мужей. Помню, решили пошутить над Таней Булановой, говорим ей: «Иди в хвост, твой муж сегодня в запасе». Она нам: «Я? В хвост? Народная артистка?» «Это ты на сцене Кремля – народная, а тут жена Радимова! Иди в хвост». Так с шутками-прибаутками и долетели. В аэропорту Манчестера нас встречал автобус. На нем так и было написано – для жен и семей футболистов. Хотели с собой взять Боярского после обеда в ресторане, так водитель его не пустил. Не жена, говорит, и все тут. Я тогда поймала себя на мысли, что жить в стране с таким количеством правил было бы очень сложно. Особенно для меня. В скором времени я об этом узнала на опыте.

К вечеру мы приехали на стадион в Манчестере. Уже пожив в Лондоне, я могу сказать, что Манчестер и Лондон – небо и земля. Я знаю

одного футболиста, который перешел из Лондона в Манчестер. Прожив там полгода, он не выдержал и переехал обратно: садился утром в поезд, ехал на тренировку и возвращался в Лондон. Конечно, тренер об этом не знал. Это большая нагрузка и от него легко можно было бы получить хорошую взбучку.

Я понимала, почему он так делал. Манчестер – специфический город. Он, кажется, находится в какой-то впадине и там всегда одинаковая погода – практически никогда не бывает солнца, и из-за этого довольно депрессивно. Да и в плане архитектуры он однообразен. При этом Манчестер – город двух огромных клубов, двух кланов, которые соревнуются между собой. Он предан футболу и полностью подчинен ему.

Что там творилось! Такого я не видела ни на одном матче. Мы играли с шотландской командой «Рейнджерс», и их болельщики чувствовали себя в Манчестере как дома. Вокруг нас было море шотландских фанатов, одетых в цвета своей команды – синий, казалось, что ты просто плаваешь в океане. Плюс рев, ажиотаж, напряжение. Все ждали нашего разгрома, но «Зенит» победил вопреки всем прогнозам. Болельщики ликовали. Мы были вне себя. А в самом финале произошла одна из самых красивых историй в моей жизни.

Когда «Барселона» выиграла Лигу чемпионов в 2006 году, а это была любимая команда Андрея, мы смотрели с ним эту игру дома. Тогда один из игроков подошел к трибуне и взял маленького сына у своей жены. Он ходил с ним по полю, а я сказала: «Вот бы у нас такое было».

Так и случилось спустя два года. Я никогда этого не забуду. Мы сидели где-то в 17-м ряду. Андрей подошел к трибуне и первое, что он сделал, пока все бежали и обнимались – просто протянул руки за сыном. Артем был очень потешным ребенком, в смешной шапочке «Зенит» с помпонами, в майке с надписью «Аршавин» на спине. До матча он приглянулся болельщикам «Рейнджерс» – они все хотели с ним сфотографироваться, такой милый малыш. И вот его показывают на большом экране на стадионе: как Вадик, близкий друг нашей семьи, берет Артема и его с рук на руки передают вниз отцу – он плыл над морем людей и даже не заплакал, не испугался, ему было интересно. Артему тогда было всего года два с половиной, но он до сих пор кое-что помнит. Шары, которые были на поле и сквозь которые они с отцом шли. Потом с Артемом на плечах Андрей подошел к самому Мишелю Платини, и тот надел нашему сыну медаль на шею. Эти кадры посмотрела вся страна и весь мир. Фото, как Андрей машет с Артемом в камеру, как они посылают приветы, было везде. Мне потом рассказывал Виталий Леонтьевич Мутко, что даже

на каких-то официальных встречах они обсуждали, как это было правильно, что футболисты выходят с детьми, что это такое объединение, которое притянет к экранам еще больше зрителей. Но для нас была важнее искренность, с которой все происходило.

У меня есть любимая фотография: папа и сын идут рядом, и Андрей держит Артема за руку. После матча вышла статья Рабинера – я ее до сих пор храню – там было написано: «Артем Аршавин, одетый в синнюю зенитовскую футболку и умильную белую шапочку, сразу после победного финала Кубка УЕФА вложил свою крохотную ладошку в руку отдавшего гениальный голевой пас отца».

Вернули мне Артемку обратно с настоящей медалью, так же пронося по рядам над головами, и ревущие фанаты держали нашего сына в руках и фотографировались с ним и медалью на память. А фанаты «Рейнджерс» в тот момент поняли, кто же был тот потешный, приглянувшийся им перед матчем, малыш.

Потом мы поехали в отель к папе за город. Ребята были в спортивной форме, с медалями – никто даже не переодевался. Работал телевизор: «Би-би-си», канал «Спорт», – без конца крутились новости и показывали Игоря Денисова, который забивает гол, но приз лучшему игроку матча получил Андрей, потому что именно его пас решил исход всего матча. Правда, он сам относился к этому с иронией и чаще просто подкалывал этим друзей.

Когда мы прилетели в Питер, было такое торжество, что не передать словами. Общая радость все-таки сильно объединяет людей. Мы прилетели и не могли проехать. Мне казалось, толпы людей были готовы нести автобус на руках.

Вообще выездные матчи были чудесной возможностью посмотреть мир. И следующий выезд «Зенита» был в Монако на матч за Суперкубок с «Манчестер Юнайтед». Само словосочетание «Монако и футбол», – звучит достаточно забавно. Мне даже интересно, как там все изменилось с тех пор, как клуб «Монако» был куплен Дмитрием Рыболовлевым. Тогда на стадион никто не пришел в спортивной форме, кроме футболистов. Казалось, я попала на премьеру в Большой театр. Чем ближе к полю сидели зрители, тем больше были часы на их руках. Дамы были в дивных платьях с длинными хвостами, будто они пришли на мероприятие с дресс-кодом Black Tie. Такого я не видела никогда. И вот посреди этого бомонда Артем вдруг устраивает истерику, потому что папа не играет в первом тайме. Это был первый раз за всю историю наших посещений футбольных матчей. Да и футболом Артем не интересовался, ему были важнее игрушечные

самолетки, а тут вдруг такой концерт: «Пойдем отсюда, папа не играет». Что делать? Я решила вывести ребенка с трибуны и купить ему какой-нибудь хот-дог или попить, чтобы немного отвлечь. На мне, как сейчас помню, было красивое платье и босоножки золотого цвета в камнях, с переплетением до колена. И вот мы идем, на нас смотрят полицейские с улыбкой и говорят: «Мадам, у вас самая красивая обувь на этом стадионе». Полицейские! На стадионе! Такое точно возможно только в Монако. Я тогда ответила, что «если я выиграла конкуренцию у тех, кто сидит там, то это и правда самые крутые босоножки в мире».

Там, конечно, была удивительная публика. Я не совсем понимала, как они туда попали. Передо мной сидели две девушки. «Зенит» был в своей домашней форме – бело-голубой. А «Манчестер Юнайтед» в своей классической красной. Проходит минут 20 от начала матча, и я слышу:

– Слушай, наши же в красном?

– Конечно. Сборная всегда в красном играет.

Никто не верил, что «Зенит» обойдет «Манчестер Юнайтед», но несмотря ни на что, тот год точно был наш! «Зенит» выиграл! Мы продолжали праздновать победы.

Мы провели в Монако неделю, и все то время было сплошным светским выходом. Вечерние заплывы на лодках, посвященные футболу. Мероприятия под эгидой «Газпрома». Все дорого-богато-пафосно. Монако, август, шикарная погода. А вечером после игры нас ожидал особый концерт. Когда мы познакомились с Андреем, он слушал группу «Звери», и для нас обоих их песни ассоциировались с началом нашего романа. Оказалось, что вечером будут выступать именно они. Представляете, как мы обрадовались? И вдруг, когда «Звери» были уже на сцене, Андрей взял меня за руку и потащил к ним.

– Ты сошел с ума?

– Нам все можно, мы выиграли Суперкубок!

Мы вышли. Рома Зверь поет. Он профессионал, но я понимаю, насколько ему было дискомфортно, когда мы с Андреем встали рядом с ним. Он продолжил петь, при этом начал коситься, потом закрыл микрофон рукой и спросил: «А можно, я хотя бы песню допой?» «Допой», – ответил Андрей. Рома, нечего делать, допел. Мне казалось, что он очень обиделся. Да и меня потом все время эта история беспокоила.

Забавно, но жизнь постоянно вращается по кругу. Спустя три-четыре года Гриша, мой близкий друг, праздновал юбилей своей жены Юли, моей подруги, в Монако. Андрей был на сборах, а я – с детьми там, и в завершении вечера выступал Рома. Когда все гости разошлись,

я не выдержала и подошла к нему: «Рома, меня уже несколько лет мучает эта история. Я хочу искренне извиниться за наше поведение. Увидев тебя, он потащил меня на сцену. Я знаю, что мы нарушили твое личное пространство». Я объяснила, почему у Андрея был такой порыв и как много песня «Все только начинается» значила для нас. Мне кажется, он понял, что у Андрея были очень добрые намерения. Как влюбленному мужчине ему было все равно, что подумают окружающие. Он делал все ради женщины, которую любил.

«Путин, водка и Аршавин»

Между играми в Кубке УЕФА и Суперкубке был значимый для нас и до сих пор непревзойденный успех сборной в Евро. Все происходящее тогда достойно отдельной главы.

Трудно переоценить произошедшее. Евро изменило нашу жизнь полностью.

На Евро я поехать не смогла. Янке было всего два месяца, а уезжать надо было не на один-два-три дня, а на несколько недель. Так что мы остались в Питере и, как обычно, проводили с Андреем 24 часа в сутки на телефоне.

Внимание к нашей семье накануне начала игр было бешеное. Если бы я пускала всех журналистов, кто хотел сделать какой-то материал, то в доме 24 часа в сутки стояли бы камеры. Все хотели хоть какой-то комментарий, одно-два слова – не важно. Как семья проводит время без папы, как мы его ждем, на что мы надеемся... Нас были готовы снимать 24 часа, как реалити-шоу. Янка была маленькая, и я в основном отказывала в интервью.

Согласилась всего на одну съемку, когда один из каналов предложил посмотреть трансляцию матча вместе. Обычная, добрая история – как семья переживает за папу, наши эмоции. Очень часто на олимпиаде там делают – смотрят забег с семьей лыжника, например.

Мы были в тот момент за городом, на даче. Туда же я пригласила и съемочную группу. Помимо них, приехали моя мама и наш близкий друг семьи – Игорь Моисеев со своей женой. Как сейчас помню, он привез кучу футболок для всех. Игорь был преданным болельщиком «Зенита» много лет, и очень любил и уважал Андрея. На один из дней рождения Андрея Игорь придумал и подарил мужу его собственный сайт и сам же его вел. Игорь много времени проводил с нами, когда мы уехали из Питера, прилетал к нам в Лондон. Более честного и порядочного во всем человека мне найти трудно. Мы общаемся до сих пор, а вот с Андреем их пути разошлись после нашего расставания...

Смотрели мы игру со Швецией – решающую в группе. До того сборная проиграла испанцам и выиграла у греков, и выйдем мы или нет в плей-офф, зависело от этой встречи. Швеция – очень сильные соперники, плюс там играл Златан Ибрагимович, способный решить исход в одиночку. Для Андрея же это была первая игра в Евро – я уже рассказывала,

что на первые два матча он был дисквалифицирован.

После первого тайма Россия вела 1:0. В перерыве Игорь вышел покурить и услышал разговор журналистов. Оказалось, что люди были уверены на 90 %, что сборная проиграет и рассчитывали снять грустную историю, и задать вопрос, видимо, зачем же Андрея выпустили... Тогда очень много кто писал, что это большая ошибка – тащить на Евро футболиста, который в группе может сыграть только один раз.

Андрей феерил на поле, во втором тайме он забил гол, сборная России выиграла. Сценарий журналистам пришлось менять на ходу. Я лишь могу сказать, сколько сценариев ни пиши, жизнь все равно внесет свои коррективы.

Игорь мне не сказал об услышанном разговоре, знал, что я бы просто выгнала из своего дома за такое, поэтому он дождался, когда группа уедет, и только после этого поставил меня в известность. Я до сих пор считаю, что приехать домой к людям, есть и пить – и делать за спиной такое – подлость.

Кажется, я всю ночь разговаривала с Андреем по телефону. Он был счастлив, хоть и находился под бешеным прессингом. Всем кажется, что ему плевать на исход. На деле под давлением со стороны в нем включается подросток. Как только он теряет уверенность в себе и ситуации, он ощетиливается, как еж, и со стороны кажется, что ему абсолютно плевать, что про него говорят. И как тот же подросток, он еще громко все это озвучивает. Так ведут себя дети. 99 % будут привлекать внимание родителей не хорошими поступками, а чем-то из ряда вон выходящим. Капризами. Агрессией.

Я жила с Андреем десять лет, ему не плевать, что о нем говорят, он страшно переживает, и я точно знала, что ему нужно было в тот момент, при таком диком давлении на него, при всем ажиотаже вокруг его дисквалификации. Ему нужна была вера. Вера в него. Это то, что делал Хиддинк, а позже Дик Адвокат. Или Петржела в «Зените», который сначала держал его на лавке, а Андрею надо было просто дать карт-бланш – делай на поле то, что считаешь нужным. И когда Петржела это понял, Андрей раскрылся.

«Зачем его тащить?» – спрашивали Гуса. Андрей это видел и слышал. Это гнет. Это большая психологическая нагрузка, которая категорически противопоказана творческим людям, готовым и так сожрать себя изнутри.

Я жила с Андреем и понимала все это, понимала, что и когда можно говорить. На самом деле, если ты владеешь этим знанием, то даже страшно, потому что человек в твоих руках может превратиться в куклу –

это абсолютно управляемый мир. Особенно когда включается доверие к тебе – ты можешь делать все, что угодно. Нужно обладать внутри сильным чувством ответственности, чтобы не перейти черту. Почему тренер может убить игрока или вдохнуть в него веру в себя? Именно из-за того, что у него в руках эта абсолютная власть над человеком. Хиддинк в Андрея верил, и Андрей ему отплатил за это сторицей.

Итак, сборная выиграла, жеребьевка, и нам досталась Голландия. Самая сильная команда на тот момент. Еще до Евро Андрей говорил, что победят либо испанцы, либо голландцы.

Я очень хорошо помню наш разговор по телефону после жребия.

– Масяня, это – ужас.

– Кто тебе сказал, что это – ужас? Андрей, знаешь, когда я узнала, что вам достались голландцы, то порадовалась. Вы – первопроходцы на таком уровне на Евро. Вам никто не ставил никаких рамок. Сборная Испании едет, и вся страна ждет от нее кубка. Вы же очень вольны в своих действиях. Максимум, которого от вас ждали – выход из группы. Вы это сделали. Вы свободны. А теперь задай себе вопрос, как часто ты можешь ездить на чемпионат Европы и, вообще, как часто тебе выпадает шанс сыграть со сборной Голландии? Это может быть один раз в твоей жизни. Мне кажется, что это так круто, что вам выпал такой соперник – ведь такого куража, такого качества футбола, такого удовольствия от команды средней руки ты не получишь. Чемпионат Европы – это такой большой футбольный праздник, где собраны лучшие из лучших! И Голландия – это тебе не слабый соперник, который закроется у ворот, они же действительно играют.

Андрей помолчал, подумал:

– Ты абсолютно права!

Я уверена, что озвучила его мысли, которых он сам опасался, думая, что это слишком смело.

Они вышли на поле и сделали то, что сделали. Этот матч мы смотрели в большом пабе на Пионерской. После игры люди убегали к метро, где была куча лавочек, и прибегали с цветами, чтобы отдать их мне, умоляя передать Андрею огромное спасибо. Я намеренно поехала домой через центр и видела, как люди гуляют и празднуют победу. Это мои самые любимые моменты, клянусь. Я застала такой и здесь, в Москве, когда победила сборная хоккея на чемпионате.

Для меня такие празднования – это единение страны. Я не знаю, кто в Питере спал после матча с Голландией. Я представить себе этого не могу. Это был такой кайф. Сигналящие машины, орущие люди. Когда

Невский проспект идет одной волной, и все радуются. Я такого ни в одну новогоднюю ночь не видела.

Была уже глубокая ночь, Питер стоял на ушах, а я ехала на машине и наблюдала. Андрей, конечно, позвонил мне после игры. Все уехали отмечать, а его оставили на допинг. Это решает жребий, и игроки не знают, на кого он выпадет в этот раз. Сдача анализов на допинг – для футболистов самое неприятное, что может быть, потому что за игру они теряют от трех до пяти килограммов. Воды в организме просто нет, и чтобы пописать в баночку, приходится ждать часами. Иной раз игрокам даже специально дают выпить пива, иначе можно всю ночь прокуковать. Андрей сидел и ждал, одновременно сходя с ума от счастья, и мы говорили по телефону, переживая это вместе.

Как мне кажется, именно в тот момент путь сборной закончился, к сожалению. Я уверена, что если бы они на таком же кураже играли дальше – могли бы пройти и Испанию или сыграть лучше по крайней мере. Но они были так счастливы, достигнув этого результата, что о походе дальше уже не думали. Мечтать о большем – это тоже талант. Мы не достигаем каких-то целей иной раз, потому что даже в мечтах не можем себе представить, что они могут нам покориться. И на тот момент, третье место было потолком нашей сборной. Они сами не могли поверить, что может быть больше.

Я смотрела игру с Испанией в том же ресторане. Когда наши проиграли, никто даже особенно не расстроился. Для болельщиков, для страны – мы уже прыгнули выше крыши, так что разочарований особо сильных не было. Мы уже были победителями. Эйфория – очень опасная штука, и стоит большого труда уберечься от ее цепких лап. В нее впала не команда, а вся пресса и страна, которая была не готова переварить победу своей сборной в турнире. Перечитайте тексты, полные удовлетворенных восторгов. Стране хватило победы над Голландией, третьего места было достаточно. А что такое достаточно? Это «мощное назад» для всей команды. Представляете, какой стержень надо иметь внутри, чтобы, когда тебе дают посыл – нам хватит, сказать: «Это вам достаточно, а мне мало, я пошел дальше».

Хотите честно? В той ситуации я бы их ругала. Я была уверена, если бы они поверили в себя, то смогли бы взять Евро, но они не смогли даже мечтать о том, что можно победить испанцев.

После окончания Евро мне позвонил Малахов.

– Юля, ты должна лететь.

– Куда?

– К нам в студию, в Москву. Ты помнишь, как мы Англию снимали? Теперь мы будем снимать, как они вернулись героями. Из аэропорта сборную привезем прямо в студию, в прямой эфир.

– Вы чего, издеваетесь что ли? Они полтора месяца дома не были. У них была очень длинная подготовка. Хиддинк сделал ее на десять дней больше, чем обычно. Какие передачи?

– Нет, ты должна лететь. Будут все жены, кроме тебя, а ты жена капитана сборной. Не стыдно?

Естественно, стыдно. Был куплен билет, и я полетела в Москву встречать Андрея. Они прилетели.

Их, действительно, привезли всей командой на прямой эфир. Заходят. И я понимаю, что мой муж не то что пьяный, а просто за всю историю наших отношений я его таким не видела. Естественно, у Андрея слегка борзое настроение. Ну, в принципе, наверное, заслуженно борзое, но в голове только одна мысль, как бы он чего не вытворил или не ляпнул.

Я смотрела на Андрея ведьма-ведьмой. Потом многие, кто нас знает, смеялись, что я на него «так зыркала». Конечно, я была злая, потому что по-другому представляла эту встречу с Евро. Начнем с того, что я не видела его полтора месяца, и не планировала, что впервые за это время встречу его пьяным на телеке. Ни поцеловать, ни обнять.

Ок, отсняли мы этот прямой эфир. Когда вывалились из студии, было очень поздно. Парни решили, что они пойдут куда-нибудь отмечать мужской компанией. Андрей, конечно, захотел с ними. Мне было обидно, что он не остался со мной, но возражать я не стала. Они жили этим коллективом полтора месяца вместе, у них сложились свои шутки, понятные только им, свои разговоры, свои традиции и свои привычки.

Если честно, мне вообще не надо было ехать в Москву. Вся эта история с эфиром – телевизионная, для личной жизни, для нас, семей, была лишней. Я повторяюсь, но мы не виделись полтора месяца! Конечно, команде надо было получить свою долю славы, свое признание, и зря оттягивали внимание еще и на нас. Встреть мы ребят в Питере, все было бы куда душевнее.

Я осталась в Москве, в гостинице. Андрей приехал с гулянки в шесть утра. Естественно, что мои вещи были уже собраны на самый первый самолет. Он вошел и сказал: «Давай не будем портить праздник». Конечно, я тут же, глядя на него, успокоилась.

Нас встречал весь Питер. Ребят чуть ли не на руках носили. Андрея знала каждая бабка, которая до этого никогда не смотрела футбол. Плюс он попал в символическую сборную чемпионата Европы и приобрел бешеную

популярность во всем мире. Об Андрее говорили все! Его хотели заполучить самые известные клубы, и Андрей начал думать о переезде в Европу. Всего три матча, сыгранные на Евро, изменили нашу жизнь полностью. Когда я приехала в Милан, африканец, продающий на улице поддельные сумки Луи Витон, вдруг меня спросил: «Where are you from?» «Russia». «Я знаю Russia. Я знаю три слова: Путин, водка и Аршавин». Тогда я поняла, насколько знаменитым стал мой муж.

Расставаться надо красиво

После невероятного года: победы «Зенита» в кубке УЕФА, Суперкубке, победы сборной над Голландией и третьего места на Евро – мы в эйфории вошли в следующий сезон. «Зенит» играл в Лиге чемпионов в групповом турнире. После всех пережитых побед, я видела, что Андрея уже не так вдохновляет игра за «Зенит», что он хочет попробовать себя где-то еще. Он об этом так и заявил руководству еще летом, когда пришло предложение из «Барселоны» – команды его мечты, но переход не сложился и это стало большим ударом для него. Андрей остался в команде, но думал, что к зиме все-таки надо перебираться в другой клуб – ему нужен был новый вызов. А пока он честно играл за «Зенит». Я же как обычно поддерживала его, старалась посещать каждую игру.

Один из матчей Лиги чемпионов проходил в Минске – на родине моего папы: сам он из Витебска, но в свое время приехал учиться в Ленинград, где и познакомился с мамой. Когда стало понятно, что «Зенит» будет играть в столице Беларуси, мы с сестрой решили взять Артема и отправиться туда на поезде и обязательно заехать в Витебск – город моего детства, где я так счастливо проводила время с бабушкой и дедушкой. Мы решили, что поедem на поезде, который приходит в Витебск утром, погуляем, а затем отправимся на игру. С нами был папа, которого я не видела к тому времени очень много лет. Для Ксюши он был почти посторонним человеком, она его практически не помнила, была совсем маленькой, когда папа с мамой расстались, так что я волновалась, как все пройдет. Обошлось. В купе мы легко болтали, без напряжения, хорошо, душевно. Поезд прибыл рано утром, и мы целый день гуляли, вспоминали детство. Я не была там очень давно. Бабушка с дедушкой уже давно умерли, и я хотела попасть на их могилы, оживить старые воспоминания из далекого детства. В общем, несмотря на холодную и ветреную погоду, мы провели очень теплый, семейный день. Вечером снова нужно было садиться на поезд, чтобы без остановок мчаться до Минска.

За многие годы брака с футболистом я редко изменяла своему стилю в одежде. На игре я старалась выглядеть в меру нарядно. В тот раз на мне были туфли на безумной высоты платформе. Почему я останавливаюсь на этом так подробно? Потому что мне пришлось стоять два часа. Мне дали билеты не как обычно на трибуны по центру, а в фанатскую зону.

Подходим ко входу. Заходим внутрь. И тут я вижу, что весь сектор

по периметру окружен ОМОНОм. Естественно, все стоят. Фанаты обычно не садятся весь матч: прыгают, поют песни, поддерживают команду, бьют в барабаны. Оцепление есть всегда, потому что возможны драки и жестокие разборки с болельщиками другой команды. Это вообще сектор огненный, яркий, с постоянным шумом, а я с сестрой и Артемом, которому два с половиной года, сама на каблуках и с пледом, который мы рассчитывали постелить на холодные сидения. Ребята нас сразу узнали: «Юль, ты вставай туда, поближе к краю, к ОМОНу», – а мальчики из оцепления вообще не поняли, что происходит, как мы сюда попали. Когда мы сказали, что сюда мне выдал билеты заботливый муж, смеялись, обещали спасти и вывести, если вдруг заварушка начнется.

Матч прошел спокойно, как будто сверху нас кто-то оберегал. Болельщики пели, кричали, поддерживали команду, но и только. В конце игры, по традиции, футболисты благодарят своих болельщиков и на выезде подбегают к фанатскому сектору, аплодируют ему. Так и в тот раз. Подошел Толя Тимощук, бросил фанатам футболку, – поблагодарил. Другие парни подбежали, поаплодировали. Андрей ушел в раздевалку.

Наш сектор выпускали последним, чтобы не было беспорядков. Мы ждали. В этот момент позвонил Андрей. Обычно он доходил до раздевалки, тратил три минуты на душ и сразу за телефон: «Ты где?»

– На стадионе. Жду – может, еще кто-то из ребят футболку подкинет.

– Какую футболку?

– А ты знаешь, где мы провели весь матч?

– Где?

– В секторе, куда Толя Тимощук футболку кидал, – мы с ним посмеялись.

В какой-то момент Андрей вдруг сказал: «Масянь, подожди секунду, я сейчас быстро интервью дам, и тебе перезвоню».

Я без задней мысли повесила трубку. Интервью и интервью. Комментарии после матча – обычное дело. Но те его слова: «Я сейчас быстренько дам интервью», – я вспоминаю до сих пор. На следующий день в «Спорт-экспрессе» появилась статья с цитатой Андрея: «Я стараюсь и играю за «Зенит» так, как могу. Но еще четыре месяца назад сказал президенту клуба: оставаться в команде уже не хочу. И потом повторял это неоднократно. К сожалению, мои слова были то ли не услышаны, то ли недооценены. Сейчас все сводится к одному: выставит ли «Зенит» реальную цену. Если это произойдет, я, конечно, уйду. А если нет, то буду числиться в «Зените», но только на бумаге. Играть здесь в следующем году не хочу и не буду».

Фанаты были оскорблены в лучших чувствах. А как иначе? Это было очень некрасиво, не по-человечески и по отношению к ним, и по отношению к родному клубу. В общем, благодаря этому «быстренькому» интервью мы проснулись знаменитыми. Знаменитее некуда...

Я знала, своего мужа лучше, чем фанаты, и знала, что Андрей имел в виду. Я понимаю, что он чувствовал тогда. Он действительно хотел уйти уже некоторое время. Как я сказала, предложение сделала «Барселона» – это был клуб, о котором он грезил. Но его отговорили, объясняя это тем, что «Барса» покупает запасного игрока для лавки. Помимо «Барселоны», Андрей постоянно вел переговоры с разными клубами, но все тщетно. Страны и команды менялись каждую неделю, предложения висели мертвым грузом, переговоры заканчивались ничем по разным причинам, так что, видимо, Андрей собрался высказать честно, не выбирая слов, все, что накопилось. Если бы он обсудил это со мной, я бы, конечно, отговорила его от резких заявлений.

Я часто объясняла ему многое на простых примерах. Не плюй в колодец, как повторяют бабушки – это абсолютная правда жизни. Если ты плохо с кем-то поступил, то жизнь развернется так, что ты непременно встретишь обиженного на своем пути. Видимо, чтобы попросить прощения. А так не хочется тратить жизнь на повторение пройденного и извинения. Нужно всегда уходить чисто, красиво, чтобы двигаться только вперед.

Конечно, надо было съездить за границу и поиграть там в футбол, но это необязательно должен был быть Лондон. Изначально Андрей просто хотел попробовать свои силы где-то еще, и вот из-за ситуации с интервью и скандалом пошел перекося: «Я сказал, что я уйду, значит, я должен уйти». Когда ты начинаешь делать что-то не во благо, а вопреки, это неправильно. Уходить надо так, чтобы вслед махали с радостью, а тут лучший футболист клуба, которого носили на руках, уезжает, и ни один из болельщиков не приехал проводить его в аэропорт. Если бы ушел иначе, наверное, все бы по-другому и сложилось. Но в тот момент Андрей закусил удила. Чуть позже произошла еще одна история. Мы возвращались из отпуска, и в самолете я взяла почитать свежий «Спорт-Экспресс». Смотрю, Андрей снова дал интервью – огромное, я помню, как он его давал, но не знала, что там было. Читаю:

– Андрей, а вы часто бываете неправым?

– Да.

– А вы просите за это прощения? Признаете это?

– Никогда. Даже когда я бываю неправым, я не признаю этого.

За эти шесть лет в нашей жизни все-таки случилось разное, и тут у меня на многие вещи открылись глаза, я повернулась к Андрею:

– Ты бы раньше предупредил меня об этом, мне бы во многих моментах жизни было проще и не так больно, я бы понимала, что ты продолжаешь упорствовать от глупости.

Собственно, к клубу и фанатам это его неумение признавать ошибки и извиняться имело непосредственное отношение. Он продолжал упорствовать. Плюс, как и в последующих поступках Андрея, в этой ему не хватило ответственности. За счет чего ты известный игрок? Только потому, что миллионы людей включают телевизор и смотрят футбол. Если люди не будут смотреть, не будет рекламы, не будет спонсорских контрактов, не будет никаких зарплат. Все строится на том, что есть огромная аудитория болельщиков. Им нужно быть благодарным, перед ними нужно нести ответственность за свои слова. Нравится тебе это или нет. Я объясню на самом банальном примере. У меня есть Инстаграм. Что такое Инстаграм для звезд? Возможность зарабатывать деньги. Сейчас он превратился в это. Живи и в ус не дуй. Но я не заигрываю со своей аудиторией, так как прекрасно знаю, кто на меня подписан, примерно представляю контингент. Я считаю, что не могу поставить рекламу зубной пасты за 20 тысяч с частичками золота. «Тебе какая разница, Юль? Тебе подарят набор, просто выставишь фотку», – спрашивают меня. Я не пойду на это, потому что несу ответственность перед теми, кто на меня подписан, и я понимаю, что для этой аудитории 20 тысяч – очень большие деньги, на которые не хочу их «разводить». Я с ними честна, мне нельзя потом вспомнить подобного обмана. Почему я стала лицом Либридерм – потому что проверила качество, долго разговаривала с технологами, изучала.

Я знаю, что крем действительно работает и при этом у него прекрасная цена. Я всегда должна гордиться своей работой. Я несу ответственность перед людьми за все, что говорю.

Конечно, Андрею потом все аукнулось. Даже не в тот момент, когда ему пришлось вернуться в «Зенит», и его там не приняли ни игроки, ни фанаты. Он ушел, сжигая мосты после себя. Поступал так, как считал нужным, не обращая внимания на то, причиняет ли это кому-то неудобства.

Даже его агент Павел узнал о переходе в «Арсенал» постфактум. У Андрея была куча претензий к Паше, но я считаю, что если есть претензии, нужно озвучивать их, говорить с человеком. Если ты уходишь, должен об этом сообщить. Андрей же начал работать с Денисом Лахтером, не предупредив Пашу, за его спиной. Чуть позже оказалось, что Денис

Андрея надул. Бумеранг вернулся, но Андрея это ничему не научило.

Перезагрузка

Сложное время – время дебатов с клубом по поводу перехода Андрея – началось сразу после Евро. После интервью конфликт был уже со всем внешним миром. Это было непростой период и для меня. Андрей был в позиции испуганного ребенка, который все психологически сваливал на меня месяцами. Он проецировал на меня все проблемы, и я поддерживала его каждую секунду, постоянно за него переживала. Убеждала не идти на конфликт. А уж когда на него ополчились фанаты и вся пресса, стала его отдушиной, постоянно успокаивая его, разговаривая с ним.

Вот только у меня самой от непрекращающегося стресса пропало молоко. Даже когда Андрей ушел от нас, а я осталась с младенцем на руках и двумя маленькими детьми – такого не было, а тут пропало.

Мои переживания за него наложились на тот стресс, что он проецировал на меня.

Ему казалось, что ему не дают самую вкусную конфету, которую он хочет. Разными путями ему пытались объяснить: может быть, не надо, может, диабет у тебя разовьется, может, аллергия, давай по чуть-чуть. Он не хотел слушать доводы, почему ему не надо или надо, но позже. Закусил удила, особенно после того интервью. В какой-то момент я поняла, что не могу больше это выдерживать. Мои внутренние резервы исчерпались. Я только отдаю – всю себя, все свой спокойствие, все свои силы. Двум детям и одному взрослому. Это решение – о переходе в другой клуб и в какой именно – Андрей должен был принять сам. Я точно это знала. Это могло и должно было быть только его выбором.

Довольно забавно когда мы познакомились, я абсолютно ничего не понимала в футболе. Да и потом была скорее наблюдателем, чем аналитиком. Кто, кому и какой сложности пас отдал, кто и что сделал – для меня потемки. Я рассказывала Андрею свои впечатления как зритель. Впрочем, сомневаюсь, что Андрею было интересно с кем-то обсуждать футбол, это должен был быть человек с таким же, как у него, нестандартным мышлением. Как же я тогда могла ему помогать? – спросите вы. Почему он всегда советовался со мной?

Все просто. Я была статистом для его монологов. Она разговаривал, а я просто слушала, иногда задавала вопросы – так мы вместе находили решение. Но сейчас это продолжалось бесконечно уже много месяцев.

Надо было хотя бы сменить обстановку, хоть чуть-чуть выдохнуть.

Я всегда любила теннис, так что нашла благовидную причину сбежать из Питера – турнир в Австралии. Андрей как раз улетел на сборы с «Зенитом», а мы с Артемом и сестрой – в Мельбурн. Конечно, мы с мужем продолжали обсуждать все происходящее каждую ночь, но уже без нервозности, которую дополнительно создавали вокруг нас. Пока он был на сборах, агент отвез его на встречу во Францию с представителями «Арсенала». Как сейчас помню, я сидела на балконе, закинув ноги на решетку, и мы снова и снова возвращались к его трансферу. Я не спала почти двое суток, но даже так чувствовала себя лучше, чем в Питере. Может быть, и от того, что нас никто не знал и не узнавал. Однажды только встретились два мужика в очереди на аттракцион в одном из самых высоких зданий Мельбурна. Тот самый, где ты становишься в куб, который выезжает из стены на немыслимой высоте, гаснет свет, а когда включается, куб полностью прозрачный и ты висишь в нем над бездной. Так вот – в очереди на этот аттракцион мы услышали русскую речь. Они – «реальные пацаны» а-ля 90-е, – решили с нами поговорить, скучно ж: «Чего вы, девчонки, вообще с ребенком в Австралии делаете?» Я ответила, что мечтаю, чтобы мой сын стал теннисистом, вот и приехали на турнир. Один долго смотрел на Артема и вдруг выдал: «Вот ты дура. У тебя сын – копия Аршавина. Отдавай его в футбол, не прогадаешь, и тебе, глядишь, так же попрет».

В Питер я вернулась полностью перезаряженной. Иногда я думаю, почему я тогда выбрала именно Австралию? Можно было поехать в миллион мест. Теперь я знаю – океан. Море никогда не даст то, что дает океан. В Австралии вообще очень много живой природы, и интуитивно я выбрала место, куда с одной стороны можно поехать с ребенком, с другой – где можно черпать энергию, выдохнуть, перезагрузиться. Это самая мегапозитивная страна, в которой я когда-либо бывала. Там люди всегда улыбаются, они всегда в хорошем настроении. Я приехала туда выжатая как лимон, а вернулась с новыми силами. Готовая менять жизнь.

На самом деле это все-таки очень сложно – переехать в другую страну, сделать правильный выбор. Это нелегкое, судьбоносное решение в плане карьеры твоего мужа – карьеры, которая не будет длиться вечно. Спортсмен ограничен временем и физическими возможностями. И каждый шаг, который он делает, навсегда меняет его дальнейшую жизнь. Моя функция была поддержать и сделать все возможное, чтобы выбор Андрея не выплыл ему боком, а тут еще он сам вел себя как подросток. Андрей вообще довольно часто закрывался от важных событий, думая, что все должно как-

то само разрулиться.

Решение о переходе было принято в результате долгих переговоров, в результате рассуждений. При этом, что самое забавное, я в Лондон не хотела уезжать. Оказалась права? Наверное, в чем-то да. Но его я не настраивала против, мы спокойно взвешивали за и против. За полчаса до подписания контракта, он мне снова позвонил:

– Ну что, Масяня, подписывать?

– Андрей, сейчас ты должен решить все сам, я даю тебе слово, что приму и поддержу любое твое решение, но за тебя принимать его не буду, это будет неправильно. Задай себе вопрос – что хочешь ты?

Он до последнего тянул время, не принимая решение и обговаривая контракт со своим новым агентом. Я терпеливо ждала. Если бы я тогда сказала: «Не хочу в Лондон, поехали в Испанию!» – была бы совсем другая история, но я не сказала. В начале февраля 2009 года Андрей подписал контракт с лондонским «Арсеналом», и мы начали собирать вещи. Мы уезжали из Питера. Как потом выяснилось, для меня этот переезд означал, что я обратно уже не вернусь.

Из России с любовью

Иногда для того, чтобы найти свое место, его надо поискать. Еще в школьные годы я прочла пословицу: «Вот твои ноги и котомка – иди, куда глаза глядят, ищи свой дом». В поисках своего дома можно обойти полсвета.

Я родилась и выросла в Петербурге со всеми вытекающими отсюда нюансами. Предки моей мамы жили тут же, и конечно, в силу соперничества двух городов, я недолюбливала Москву. Видимо, на генетическом уровне. Но в какой-то момент я поняла, что Петербург – уже не мое место. Видимо, это случилось в период, когда на нас обрушилась все пресса, а может постепенно сама пришла к этому. Я жила на чемоданах уже некоторое время. Просто не понимала, куда эти чемоданы нужно будет везти. Понятно, что Андрей уйдет из «Зенита» было летом, но куда и когда? То ли летом в Испанию, то ли зимой куда-то еще. И вот решение было принято: наша семья с нашими чемоданами едет в Лондон. Город, так неприветливо встретивший меня, который мне совсем не понравился, где из-за дурацких правил я могла потерять ребенка.

Надо было привыкать к новому миру и новой жизни.

Конечно, я понимала, что переехать жить куда-то – не то же самое, что быть там туристом. Какие-то вещи тебя удивляют, что-то забавляет, что-то нравится, но как ты в этом будешь – представить довольно сложно. Помню, как я впервые умылась в старинном доме в Британии. Незабываемые впечатления: те самые пресловутые два крана – один с горячей, другой с холодной водой. Если хочешь умыться, то только в раковине – наполняешь ее и умываешься. Все это забавно, если ты турист. Выложить фото в Инстаграм, показать вот это «ничего себе», но как с этим жить? Это же выработанная генетически привычка. Я брезговала.

Опять же, когда ты турист, английская скрупулезность, их слепое следование правилам кажется очень даже занятным. Когда ты приходишь в номер в дорогом отеле и на месте, где должно лежать мыло, видишь записочку: «Для того, чтобы получить мыло, позвоните по телефону...», – то начинаешь хохотать во весь голос. Невозможно не смеяться, и когда ты открываешь холодильник, а вместо еды видишь стикер с указаниями номера телефона разносчика каждого отдельного продукта.

У англичан все по пунктам и всерьез. Порой кажется, что у них есть отдельная книжечка, где с точностью до мелочей прописано как именно

нужно поступать в каждом отдельном случае. Я до сих пор помню, как они были поражены, когда я поставила их в ситуацию, которая из ряда вон расходилась с установленным порядком. Это произошло уже в период нашего с Андреем расставания. После подачи документов в суд мне нужно было срочно открыть счет в банке, чтобы не остаться запертой в Лондоне без денег. Два часа я уговаривала человека за стойкой регистрации помочь мне открыть счет, естественно, как это водится, ему нужны были документы, на оформление которых ушли бы недели. Англичанин бы ушел уже давно. Но у меня не было выхода, в качестве последнего аргумента я посадила детей на пол и сказала: «Я не уйду отсюда, пока вы не откроете мне счет». У менеджера началась паника. Этого же пункта нет в книжечке с правилами, что делать... Ему пришлось мне помочь.

Когда мы только приехали в Лондон, мне пришлось взять на себя все: выбор дома, обстановки, счета, документы, выбор школы – при том, что я даже не знала английского. Муж очутился совершенно в другой среде, и тут помогала тоже я.

При этом я сама умудрилась перед приездом стать эпицентром взрыва прессы. После моей первой поездки я дала интервью, и, конечно, не была в восторге от Лондона. На официальном сайте Андрея еще долго красовались мои отзывы о городе. Я прошла и по еде, и по весу британцев, и по внешнему виду людей, и по правилам жизни. Как это обычно бывает у женщин, выплеснув свои эмоции, я совершенно забыла о том, что говорила. И вот тот самый колодец пригодился водицы напиться. Мы переезжаем в Лондон.

Конечно, британские СМИ работают очень быстро, каждый твой шаг и действие ими контролируется. И не дай Бог попасть им на кончик пера. Они нашли мое интервью и перевели его. Хотя я заблаговременно попросила редактора сайта – Игоря – убрать то интервью про Лондон, Интернет хранит все, и, конечно, британские СМИ мои слова раскопали.

Меня приняли «с распростертыми объятьями». Честно, я на англичан не в обиде. Я их оскорбила, и в своем ответе мне – посмотри на себя – они были абсолютно правы. Более того, они напечатали и забыли, это был всего лишь их ответ на мою выходку, что можно понять. Я имею право на свое мнение, но и они на него право имеют, так что английские статьи – «да вы на свои шиш посмотрите» – в общем, меня мало беспокоили. Гораздо обиднее и больнее было то, как это подхватила и раздула наша пресса. Вместо того, чтобы заступиться за свою, сказать – да вы что, это наша Юлия, она сейчас вас научит каблучки носить, – меня полили еще большей грязью. Накинулись еще активнее.

К моменту моего приезда, мы с Андреем не виделись уже более трех недель и успели ужасно соскучиться друг по другу. Поэтому я, с одной стороны, одевалась в самолет – удобно. А с другой – хотела хорошо выглядеть для своего мужа. В общем, прилетела «красоткой» – розовый плюшевый спортивный костюм, что было тогда модно, и розовые сапоги. Не понимаю, как я додумалась их нацепить... Ну, да ладно. Выглядела я как кукла Барби.

Мы сели в Лондоне. Прохожу паспортный контроль, меня встречает пограничница весом 140 килограммов с очень недобрый взглядом. Я сразу поняла: сейчас будут проблемы. Оглядев меня с ног до головы, она потребовала медицинскую справку.

– Какую справку?

– О состоянии здоровья и флюорографию.

– Не понимаю, зачем?

– Вы зачем едете в Лондон?

– К мужу.

– К мужу... Раз будете здесь жить, то вам нужна справка. Можете пройти к врачу в аэропорту и сделать флюорографию. Не сделаете – сядете на первый самолет и отправитесь обратно в Россию.

В общем, я поняла, права качать бесполезно и лучше сходить к врачу. Я сделала то, что от меня требовали, и с задержкой, наконец, вышла к любимому мужу.

Увидев меня в аэропорту, Андрей сказал: «Прилетела типичная жена футболиста». Мне тогда и правда только болонки не хватало...

Вернувшийся бумеранг

Я прилетела с сестрой и Артемом на неделю. У меня был план – найти нам дом. Ксения должна была помочь – языка я не знала. По моим расчетам, недели как раз должно было хватить. Андрей снял номер для Ксюши в той же гостинице, что жил сам, и мы все вместе поехали туда.

Я открыла дверь в его номер и обомлела. С его кровати, не вставая, можно было слить воду в унитазе, открыть окно и чуть ли не душ принять. Места не было не то что для чемоданов, но даже для меня и Артема. При этом царил вечный полумрак, потому что на комнату был только один торшер, и тот постоянно мигал. Мне показалось, что это какая-то камера пыток. Выглядело все это более чем странно, потому что у Андрея была возможность жить в центре Лондона в шикарной гостинице, но с мазохистским упрямством он оставался в этом отеле, который оплатил ему «Арсенал». Клуб просто исходил из удобства – отель был совсем рядом с тренировочной базой.

Мне кажется, Андрей не съехал просто потому, что не привык ничего делать сам. За быт всегда отвечала я. Он мог позвонить мне, когда я была в Америке, и сказать: «Масянь, а закажи мне обед». В этот момент у меня было часа 4 утра. Так и тут. Я вошла, огляделась, посмотрела на Андрея и поняла сразу – ему нужна поддержка, что-то идет не так. Это из той категории, когда мужское и женское уходит на второй план, нужен партнер по жизни. Конечно, он сразу получил помощь. Он выговаривался, я слушала. Оказалось, что после переезда в Лондон всплыли подробности о нечистоплотной работе нового агента Андрея – Дениса Лахтера. Плюс сложности адаптации на новом месте.

– Давай мы соберем чемоданы и уедем отсюда, – вдруг сказал Андрей.

Я сразу даже не поняла, о чем он говорит.

– Куда?

– Домой, в Россию.

Учитывая подписанный контракт и довольно жестко разорванные отношения с «Зенитом», понятно, что возвращение было невозможно. Я попыталась это объяснить, мы говорили, искали пути, как можно разрешить конфликт с агентом, как адаптироваться. Я искала плюсы и говорила о них, постепенно успокаивая Андрея и подзаряжая его положительными эмоциями и радостными ожиданиями.

Самой мне тоже приходилось несладко. Мне нужно было как можно

быстрее найти нам жилье. Сама я языка не знала, так что мне помогала Ксюха. «Я себе не так представляла жизнь здесь с вами», – засмеялась Ксения в один из дней, когда мы сидели в нашей гостинице. Еще бы – выезд по домам с агентом был для нас практически праздником. Мы жили настолько на отшибе, что главным развлечением там был поход до заправки, чтобы купить водички.

Входить и понимать нюансы жизни в Лондоне пришлось сходу – у меня других вариантов не было. Район нужно было выбрать одновременно поближе к тренировочной базе Андрея и чтобы это было спокойное место и с хорошей инфраструктурой. Центр нам не подходил – дорога для Андрея занимала бы каждый день часа полтора. Сент-Олбанс, место рядом с базой «Арсенала» – тоже. Там, конечно, за те деньги, что мы планировали потратить на дом, можно было снять дворец, но когда я впервые приехала смотреть туда жилье, мне показалось, что я внезапно оглохла. Гробовая тишина – ни одного человека на улицах, только птицы летают. В общем, самым оптимальным вариантом был Хэмпстед. И до базы не так далеко, и район престижный с хорошей инфраструктурой, и детям там было бы удобно. Дом был выбран, а постепенно туда же, в Хэмпстед, кстати, подтянулись и другие футболисты, которые до того жили в Сент-Олбансе.

Между тем проблемы с Денисом продолжались. Выяснилось, что он обманул Андрея на деньги. Узнав об этом, Андрей перестал с ним общаться. При этом сам Денис вел какие-то свои подковерные игры. Я уехала в Питер собирать вещи и вдруг мне позвонил Лахтер. Начал с каких-то банальностей, ни о чем, и вдруг говорит: «Я вообще Андрея не понимаю, у него такая прекрасная семья, ты такая классная, дети... Зачем ему эти гульки с бабами?» Он очень аккуратно к этому подвел, так что сначала я впала в ступор. Сидела на ступеньках около какого-то магазина и плакала. Потом взяла себя в руки и начала думать, что происходит. Я уже знала о зарождающемся конфликте между Денисом и Андреем, и Денис мне никогда не нравился, его махинации за спиной первого агента Андрея казались мне подлыми, и я не ошиблась в его характере, как показало будущее. По своим каким-то причинам, Лахтер хотел вбить клин между мной и мужем, чтобы я не переехала в Лондон, – напрашивался только этот вывод.

Я ничего Андрею не сказала только по одной причине – я считаю, что человек должен делать выводы сам. Этот вывод не заставил себя ждать. Андрей и Денис разошлись через месяц, когда вскрылись махинации Дениса. Тогда я и рассказала о разговоре с Лахтером.

По русской привычке Андрей просто перестал общаться с Денисом, высказав ему все в лицо. Так поступать было нельзя. Обманули – иди в суд. Вот, в чем разница между Британией и Россией. Так что через два года, когда мы забыли, кто такой Денис, история имела продолжение: он подал в суд. Если бы Денис выиграл процесс, мы потеряли бы в Лондоне очень много. Неожиданный поворот судьбы – помог нам дальний родственник Лахтера – Джо. Ему было стыдно за поведение родича и он, как выяснилось, щепетильно хранил в отдельной папке все переписки по контракту. Это помогло Андрею выиграть. Мне до сих пор удивительно, что он после того суда вообще ввязался в него со мной, уже понимая, что такое британское право. Самое интересное, что Денис до сих пор Андрею должен. Он живет в Израиле и не стал оплачивать издержки и чеки адвокатов, что должен был сделать по решению суда.

Как я полюбила Лондон, а Лондон полюбил меня

Через пару месяцев адаптации к Лондону, сезон закончился – мы поехали в отпуск. Все произошедшее начало, наконец, перевариваться. Мы проговаривали какие-то удивительные для себя вещи. Например, что в воскресенье ты не купишь продуктов. Я была крайне возмущена, на что получила ответ: почему люди должны работать в выходные? Потом я узнала, что закон в стране не позволяет пробивать товар по кассе в воскресенье раньше 12 часов. После России, где круглосуточно семь дней в неделю кипит жизнь, это было странно. Но при переезде есть два пути: либо ненавидеть все вокруг, и ничего из этого хорошего не выйдет, либо полюбить, а для этого надо найти то, что тебе понравится в этом новом мире. У нас было главное – семья. И мы были счастливы друг с другом. Остальное быстро приросло. Главное для меня было не сидеть и не скучать по Питеру, не убиваться. Если ты переехал – ты переехал. Через полгода я знала практически всю русскую диаспору в городе.

Чуть позже в Лондон приехала семья Жирковых. С Инной и Юрой мы познакомились еще в Питере, когда там была игра сборной. Очень часто, когда мужья уходят в так называемый карантин, то есть их запирают на базе или в отеле отдельно от семей перед игрой, – жены собираются вместе. Причем такая традиция есть во всех странах. Мы так делали и в России, и позже в Лондоне. Во время такого ужина мы и познакомились с Инной. Познакомились и забыли. Мы жили в Питере, а Жирковы – в Москве: Юра в тот момент играл за ЦСКА. Так что мы не сказать, чтобы часто встречались. Потом они переехали в Лондон, когда Юра подписал контракт с «Челси», и мы начали общаться. Сначала редко, затем, когда они переселились в центр, чаще. Так и подружился. Кроме того, в Лондоне в «Тоттенхеме» в тот момент играл Роман Павлюченко, и с ним и Ларисой мы тоже общались.

Когда пришел язык, вообще стало все прекрасно. Помогла мне в этом Таня Головин – француженка с русскими корнями, достаточно известная теннисистка. Она встречалась с Самиром Насри – французом, в тот момент одноклубником Андрея. Таня неплохо говорила по-русски и помогала мне стать своей в компании «Арсенала».

Когда я собиралась на свой первый ужин арсенальских жен, Андрей

меня спросил:

– Куда ты идешь? Ты как с ними разговаривать собралась? – Я и правда в тот момент кроме «How are you» еще ничего по-английски не знала.

– Как-нибудь справлюсь.

– Ты даже заказать ничего не сможешь, – ехидно улыбался он.

– Ткну пальцем во что-нибудь. Не переживай за меня. Надо же когда-то начинать.

Мне тем более было совсем не страшно, что я была уверена – Таня поможет. Татьяна Головин была знаменитой теннисисткой, а я с ранних лет, как уже говорила, любила теннис. В футболе можно спрятаться за чужую спину, можно быть великим игроком, попасть в плохую команду и за всю жизнь ничего не выиграть. Можно наоборот – быть никем, попасть в сильную команду и всю жизнь побеждать за счет других. А вот большой теннис – тут все зависит от тебя. Впервые я увидела Таню по телевизору – она выступала за сборную Франции и играла против нас. Тогда пресса бурно обсуждала, что в сборной Франции играет теннисистка с русскими корнями. Таня была хороша, у нее были большие планы и надежды, но к моменту нашего знакомства она уже не играла, закончив карьеру из-за травмы. Таня была моим тайным оружием, и я очень надеялась на то, что она мне поможет освоиться на ужине. Мы уже общались и были в довольно теплых отношениях, вот только еще не настолько близки, чтобы дергать ее каждую секунду и просить перевода. Да и по-русски Таня еще говорила довольно плохо. Позже мы переступили этот барьер и были уже своими. Заодно Таня подтянула русский, а я – английский. Как же смешно она говорила! Как-то раз мы ехали в одной машине с футбола и перешли на русский втроем – Таня, Андрей и я. Самиру, как любому нормальному человеку, очень не нравилось, что он не понимает, о чем мы говорим. Тем более, что мы постоянно смеялись. И вот мы едем, а Таня говорит: «Такой мультяшечный мой любимый русский „Аллигатор Гена“». Мы прыснули от смеха. И следом: «Какой у тебя красивый домик для телефона». Я уже сквозь слезы: «Таня, что это?»

Оказалось, все просто, домиком для телефона был чехольчик.

Короче, на ужин я пришла вообще без знания английского языка, но при этом так уверенно выпаливала: «Hello! How are you?» – что люди не догадывались об этом и начинали вести диалог, я же тщетно пыталась по мимике и жестам определить, что они говорят. Так и училась говорить по-английски. А когда нужны были более серьезные знания языка, звонила сестре, чтобы она помогла мне разобраться с газовщиками, слесарями

или счетами. Иногда так хотелось психануть: Андрей, хотя и знал язык, все свалил на меня – выплывай, как хочешь. Я не думаю, что это было специально. Просто за нашу совместную жизнь у Андрея сформировалась внутренняя установка: «Она все сможет, справится». Во мне и самой всегда жило это ощущение. Я с ранних лет мало чего стесняюсь и люблю идти на абордаж, а истину, что язык нужно учить, общаясь с носителями, усвоила очень хорошо, хотя в их глазах выглядела наверняка странно. А вот для Андрея было важно, чтобы все было со знаком высшего качества. При нем строить предложение из доступных мне слов, было нельзя. Он начинал беситься даже от заказа блюд в ресторане.

– Ты заказала ребенку поесть?

– Заказала.

– А ты как это сделала?

– Я подошла и сказала: «Сосичес».

– И это все? Даже без please?

– Да.

– Тебе не стыдно? – отрезал он.

Мне было все равно, меня поняли, а ребенок поел, значит, я справилась.

Несмотря на все сложности адаптации и проблемы вокруг, Андрей оставался идеальным отцом. Когда мы переехали в Лондон, Яна первый год почти не спала. В городе постоянно что-то цветет – круглый год, а оттого много астматиков и аллергиков. Наша дочь просыпалась ночью с ужасными хрипами. Если я была рядом, она успокаивалась и спокойно дышала, а одна – пугалась и в панике начинала задыхаться. Все это было очень страшно. Я, когда начинались приступы, убегала спать к дочери – залезала в детскую кроватку и так до утра там и оставалась. Когда я открывала глаза, тихонечко, потому что Яна просыпалась даже от этого, то первым видела Андрея. Он стоял рядом и смотрел на нас. Кажется, он наблюдал за нами часами...

Итак, мы начали общаться с командой. Тем проще было, что в «Арсенале» собрались игроки со всего мира, так что и двух девушек из одной страны за столом было найти невозможно. Все невероятные, все красавицы. У темного как смоль Эммануэля Эбуэ, который потом уехал играть в Турцию, была прекрасная блондинка жена и три невероятно красивых ребенка – мулата. Тео Уолкотт встречался с актрисой Мелани Брайт, которая играла в «Гарри Поттере».

Прекрасные были девушки у Сеска Фабрегаса, Томаса Вермалена и Гаэля Клиши. Нас объединяло то, что все мы были нормальными

девчонками – ни порноактрис, как иной раз бывает с футболистами, ни сумасшедших моделей. И вот ребята уходили в карантин, а мы собирались на ужин. Открою вам секрет: во время этих ужинов пары все равно переписывались. Просто парни сидели в телефонах в своем отеле, а мы в ресторане.

Вообще, надо сказать, что футболистам в России живется куда проще, как раз из-за того, что такого уровня безумия вокруг них, как в Англии, нет. Однажды в «Арсенале» один молодой игрок позвал в отель приглянувшуюся ему девушку, в тот же вечер их переписку она отдала прессе, так что уже на следующий день он был на всех первых полосах.

Конечно, не обходилось без розыгрышей. Когда мы первый раз пошли командой в ночной клуб, Андрей спросил: «А как там парковаться?» «Подъедешь ко входу, дашь ключи, там припаркуют», – ответили ребята. Мы с Андреем приехали к ночному клубу, прямо ко входу, там толпа народа, и тут мы поняли, в чем был подвох. На нас накинута фотография: папарацци лежали у нас на капоте, сидели на крыше, облепили всю машину... Опытные игроки «Арсенала» припарковались где-то поодаль и зашли с черного входа. Как же они над нами ржали, когда мы пришли. Впрочем, не то чтобы мы часто выбирались. Андрею все больше хотелось проводить время с семьей, дома. Он не был любителем тусовок. Для меня же это был новый удивительный мир – не тусовки, нет. То, как это все происходило, то как общались люди, как себя вели.

Когда «Спорт-Экспресс» вручал Андрею премию «Футболист года», празднование было организовано в Лондоне, в «Нобу». Андрей позвал ребят из команды, пришли разные известные музыканты и звезды кино, был даже кто-то из королевской семьи, то ли племянница, то ли троюродная сестра. Представляете, королевская семья на твоём вечере... А ты ещё помнишь моменты, когда покупал гречку по талонам, и это было не так уж и давно. И вот теперь вокруг бриллианты, роскошь, шампанское, звезды. Как это можно осознать или объяснить. Я сидела на этом вечере и все пыталась унять дрожь: я, обычная питерская девчонка, нахожусь среди самых известных людей мира!

С кем мы дружили? Меня часто об этом спрашивают. Кто из команды был нам близок?

Мне особенно запомнился Самир Насри. Может быть, из-за Тани. Он был ярким, щедрым, веселым. Однажды мы пошли в ночной клуб, и Самир за всех заплатил. Андрей на следующий день отдал ему часть денег, как честный человек, а когда полез в сумку за ключами от машины, то увидел там эти деньги. Самир не стал с ним спорить, просто аккуратно,

пока тот принимал душ, положил обратно. Он таким и был – рубахой-парнем, гостеприимным, каким-то очень русским по своему поведению. Помню ситуацию, за которую мне до сих пор неловко. Они с Таней поехали в Париж, и я попросила их привезти мне сапоги – просто нужного размера не было в Лондоне. Самир оплатил их и отказался брать с меня деньги. Уговоры, что у меня есть муж, который способен заплатить за мою обувь, на него не действовали.

Они с Таней прекрасно подходили друг другу и были такой красивой парой, что сердце радовалось.

Таня как спортивный человек понимала, что такое спортивный режим, что такое вообще жизнь спортсмена, что, нравится тебе тренер или нет, ты должен его уважать, потому что этот человек руководит твоей командой. Задача тренера, в том числе, заключается в том, чтобы людей, которые, естественно, все думают по-разному, соединить в одно целое. Если каждый будет качать права, это – бесконечный диалог. Она часто доносила эти мысли, наставляя его. Жаль, что они расстались – Самир и Таня. Я думаю, что с ней его карьера могла бы быть куда лучше. При этом мы оставались в хороших отношениях, даже когда он ушел из «Арсенала», а мы расстались с Андреем – Самир звонил и говорил, что готов прийти мне на помощь в любой момент.

У нас был совершенно очаровательный Никлас Бентнер. Его девушка была не кем-то, а баронессой. Мы с ней делили ложу, так что могу сказать, что она была очень забавной. Старше нас, но невероятно хорошо выглядела. Она приходила с детьми от своего первого брака. Они устраивали кавардак, а баронесса всегда сидела с прямой спиной и невозмутимым видом – мила, приветлива, но очень холодна. Тем более было забавно наблюдать, как она кричала ему с трибуны. Это, наверное, была самая титулованная из всех жен «Арсенала». Кстати, сам Никлас был один из тех, кто дал комментарий на переход Андрея, забавно потом было это вспоминать: «Андрей Аршавин? А кто ты? Я не знаю».

Потом Никлас и баронесса родили ребенка и разошлись. Кстати, почти все, с кем мы дружили, позже расстались. Вот такое арсенальное проклятье. Сеск Фабрегас с Карлой, с которой встречался с 15 лет.

Томас Вермален со своей Эми. С девушками мы и сегодня на связи.

Таня и Самир расстались уже после нас с Андреем, но Андрей упорно не хотел в это верить и принимать, постоянно говорил: «Таня с Самиром обязательно сойдутся, они – пара, они еще поженятся, и мы с тобой поедem к ним на свадьбу». На что я ему отвечала: «Андрей, так и про нас то же самое говорят, никто не верит, что мы расстались». «Мы не сойдемся, –

отвечал Андрея. – А они – да!» Он ошибся, они не сошлись. Танька вышла замуж, родила ребенка и очень счастлива. Самир живет своей жизнью.

Кстати, после расставания с Андреем, мы с девочками и парнями продолжали общаться, но я перестала ходить на футбол – мое еще неостывшее кресло на стадионе очень быстро кое-кто занял. По сути я даже ни с кем из персонала не попрощалась, не сходила на свой последний матч «Арсенала» в конце сезона. Андрея буквально вчера поздравили с рождением ребенка, а сегодня он их знакомит с какой-то женщиной. Я помню, в каком недоумении были футболисты, их жены, персонал. Они мне все писали, звонили, переживали страшно, я слышала, что о ней говорили. У всех был шок, и в выражениях люди не стеснялись – мне даже стало ее в какой-то момент жалко. Столько негатива... Никто не понял, что произошло тогда, но в тот момент я и сама еще не понимала.

Традиции «Арсенала»

Я уже говорила, что на любом стадионе очень много своих примет и обычаев, а «Арсенал» – вообще клуб с традициями. И такой теплый. Семейный. На стадионе есть отдельная комната, она так и называется: family room – туда даются проходки футболистам только для их близких друзей и членов семьи. Для нас это было новшество, в России такого просто не существовало. В этой комнате собираются все свои, кто идет смотреть футбол. Билет туда купить просто невозможно.

«Арсенал» дает некоторое количество билетов на члена команды, и сначала все, кто пришел на матч по этим билетам, – самые близкие люди и друзья – идут в family room. Детки в миниатюрных копиях папкиных футболок, жены, мамы и папы – так мило и забавно. Туда же приходят все футболисты после игры, забирают своих жен и детей и оттуда уже выходят на парковку.

Были моменты, когда некоторые футболисты старались избегать этой комнаты. По разным причинам. Не у всех хорошее настроение после игры, а правила поведения обязывали держать лицо и быть приветливым. Когда заходил футболист, он должен был поцеловать всех, кто там находится, поздороваться, спросить как дела. Андрею, в силу его характера, давалось это совсем не просто, так что он старался избегать этого ритуала. Он привыкал к нему долго и сложно, потихоньку, по мере того, как обзаводился друзьями и приятелями.

Кстати, футбол можно было остаться смотреть на экранах в этой же комнате. В России такого нет, а жаль. Очень удобно, если ты с ребенком – тем более, что там всегда можно и поесть, и попить, и сменить подгузник.

С наименьшим семейным размахом устраивались выездные матчи. Когда «Арсенал» участвовал в финале Кубка Англии, мы все приехали с утра на базу, загрузились в большой автобус и поехали на Уэмбли. Целый автобус семей: жен, мам, пап, детей. Это здорово, когда клуб все организует, создает такую семейное единение, ведь любому футболисту нужны поддержка не только фанатов, но и самых близких.

А как футболисты любили маскота Гуннера! Маскот – это ростовая кукла, талисман, символ команды. Ребята его очень любили, им важно было, как он заходит, с каким настроением и как выходит на поле. Никто не знал, кто был в этой кукле. Мне до сих пор интересно: они там менялись, или Гуннер один?

После футбола мы садились в машину, выезжали с парковки и попадали в руки к фанатам. Сразу после выезда начиналась прямая дорога, а на ней – светофоры. Фанаты бежали от светофора к светофору. Андрей останавливался, открывал окно, машину окружала толпа, он расписывался, зеленый свет, толпа расступалась, он ехал до следующего светофора. Все вежливо, именно на красный сигнал. 25 раз поблагодарят, без агрессии и наглости, очень доброжелательно с ежесекундным «thank you». Артему весь этот процесс раздачи автографов страшно нравился, он ждал его после каждой игры: «Папа, фантики бегут», – говорил он, как только мы выезжали со стадиона.

Кстати, это всегда было слышно – рев, гудение сопровождали машину каждого выезжающего футболиста. Ну, и вообще, прикольно, когда тебя все знают на стадионе, тут здороваются, там, охранники спрашивают, как дела, узнают в фирменном магазине. Когда Андрей только перешел, его футболки расходились моментально – это было приятно, да и мы скупали экипировку тоннами на подарки и сувениры. Я еще по-английски не говорила, а девочки в магазине уже знали, кто я, и всячески помогали. Забавно было слышать, как они произносят фамилию мужа – с ударением на первый или последний слог: Аршавин или Аршавин. Артем очень долго, когда спрашивали, как его зовут, представлялся Артем. С ударением на первый слог.

Русские едят икру ложками

Я уже говорила и еще коснусь наших отношений с журналистами. Это так забавно сегодня, учитывая, что я работаю на телевидении.

Вскоре после переезда Андрей практически перестал общаться с прессой – не хотел быть превратно понятым. У любого его высказывания появлялось три толкования. Он давал интервью в Англии. В России его переводили, неправильно интерпретировали. Потом англичане читали это как нечто новое и опять переводили его слова. Ненормально. С российскими тоже не так чтобы часто общались – практически каждый раз это выливалось в проблему. Хотя иногда он делал исключения. Журнал «Баку» обратился к Андрею с просьбой сняться для обложки – в тот момент была игра с Азербайджаном на выезде. В шутку Андрей сказал:

«А черной икрой угостите?». Если честно, пошутил и пошутил, но надо понимать, куда мы приехали, – на съемку и правда привезли 5 килограммов черной икры. Мы ее отправили в Лондон и кормили наших английских друзей, подтверждая и поддерживая миф о том, что русские едят икру ложками.

Азербайджан – невероятно хлебосольная страна. Впервые мы ездили туда с моей сестрой, Артемом и нашими питерскими друзьями, конечно же, на футбол. Нас встретили как дорогих гостей. Мы, кажется, не выходили из-за стола. Соленое, мясо, сладкое, а потом тебе говорят: «Сейчас надо съесть баранье ребрышко – полезно». И опять все по новой. Я думала, меня разорвет прямо на стадионе. Мы жили, буквально перебираясь из-за одного стола за другой.

Но в целом за все время жизни в Лондоне мы не часто делали какие-то официальные съемки нашей жизни. Была пара обложек, и не всегда с позитивными эмоциями. У нас тогда не было PR-агента, который работал бы с журналами и отслеживал такие вещи, поэтому о «сюрпризах» мы узнавали постфактум.

Когда мы только приехали в Лондон, Андрею предложили свои услуги несколько больших пиар-компаний. Одна работала с очень известными людьми – Бекхэмом и Мадонной. В их программе продвижения Андрея было расписано все: выходы, знакомства, мероприятия, интервью. Это должно было работать на имидж, который, в свою очередь, должен был приносить деньги и после окончания карьеры, от него же зависят рекламные контракты. Их не продляют, если позитивный имидж разрушен,

как это и случилось с Андреем. Впрочем, контрактов было не так много, потому что Андрей не захотел работать с PR, не понимая, зачем ему это. Он хотел только играть в футбол. В нашей стране пиар спортсмена – его достижения, в Лондоне PR и маркетинг для любого футболиста – отдельное и большое дело. При этом, что бы ни рекламировали Дэвид Бекхэм, Тьерри Анри, Криштиану Роналду, Уэйн Руни или Лионель Месси, я ни разу не слышала, чтобы болельщики обсуждали, что он «вместо футбола рекламирует чипсы» или вообще уровень зарплат футболиста. Никому не придет в голову кричать Лионелю Месси на Камп Ноу – стадионе «Барселоны», что он не забил пенальти, потому что газировки обпился. У нас как только Андрей появился в рекламе чипсов, он сразу «отрастил себе жопу», стал «чипсоедом» и много чего еще. Я была его женой, и точно знаю, что в нем ничего не изменилось, но все эти ярлыки приклеились к нему гораздо крепче, чем голы.

Может быть, у нас просто не понимают, что такое PR? Мы, в общем, тоже не очень понимали, иначе обезопасили бы себя от многих неприятных историй.

Это сегодня я знаю, что если в английской желтой прессе выходит новость с фотографией, где суперзвезда, тщательно уложенная и покрашенная, идет одна по аэропорту с детьми, то это не папарацци, это работа пиарщиков этой знаменитости. Все должно работать на имидж. И каждый выход перед камерой тщательно спланирован агентом и пиарщиком. Любое слово ими завизировано.

Нам приходилось самим решать эти вопросы. И огорчаться иной раз.

Как относиться к тому, что к тебе домой приезжают журналисты, берут у тебя интервью, снимают тебя с детьми, все прекрасно, а потом тебе звонят из России и оказывается, материал вышел под заголовком: «Почему Андрей Аршавин не женится на Юле?» И это крутят по всем каналам в качестве рекламы. После этого не хотелось лишний раз общаться с прессой, честно говоря.

Английская же добывала себе новости сама. Однажды мы делали обложку для одного глянца в России и снимались в Winter Wonderland – это большой парк аттракционов в Гайд-парке, который открывается на рождественские праздники. Нас поймал папарацци. Сделал примерно те же снимки, только чуть сбоку – все, весь материал и обложка под угрозой срыва. Еле разрулили – целая история.

В Лондоне трудно было спрятаться, но и нельзя сказать, что папарацци нам не давали проходу – скорее узнавали обычные люди, но и они чаще всего были тактичны. Я долгое время думала, что Андрея никто не знает,

а потом поняла, что весь наш район прекрасно осведомлен, кто живет рядом с ними, просто люди не считают нужным лезть в нашу жизнь. А с желтой прессой, пожалуй, я могу вспомнить всего пару случаев.

Мы с Андреем поехали смотреть дома. Заканчивался контракт и наш – хозяин хотел продавать. Так что за день надо было отсмотреть пять домов подряд и каждый раз раздеваться, разуваться. Я поехала в спортивном костюме и обула кроссовки мужа, чтобы не зашнуровывать, не расшнуровывать. Они мне велики: сунуть-высунуть ногу – удобно же. В общем, мы попали в небольшую аварию. Пока разбирались, приехали папарацци и нас сняли. Уже зная на собственном опыте, что и как может раздуть пресса, я предложила Андрею написать на нашем официальном сайте информацию. Мы успели первыми, и им уже нечего было придумывать, кроме... моей одежды. Костюм, пуховик и кроссовки. Я думала, меня сожрут, досталось и в России – каждый снова счел нужным ткнуть пальцем в мой стиль. Не знаю, как другие люди смотрят дома, мне казалось странным делать это в вечернем наряде. Оказалось, что, видимо, этого от меня и ждали. Меня разбирали по косточкам, как будто я вышла на прием к английской королеве, как минимум.

Кстати, о королевской семье. Нас звали наши друзья на ужин с принцем Чарльзом. Мой бывший муж отказался от этого. Спросите меня, почему? Я никогда не отвечу на этот вопрос. Спросите меня, жалею ли я, что не пошла туда одна? Да, честно, жалею, но я была женой моего мужа и шла на поводу у его желаний. Сейчас я не представляю рядом с собой человека, который может мне запретить сделать то, что я хочу. Я столько раз говорила «нет» на интересные предложения, столько всего не увидела. И ведь важен не прием, это как раз ерунда, и не так важен принц, но посмотреть изнутри Букингемский дворец не как турист, а как приглашенный на прием гость – это то, что не купить за деньги. Определенная подача обеда, определенный этикет, определенное обслуживание. Это то, о чем пишут в книжках. И такое бесценно увидеть своими глазами. Поэтому я так жалею сегодня, что говорила когда-то «нет», руководствуясь не собственными желаниями.

Ярмарка тщеславия

Лондон – постоянная череда событий, раутов и мероприятий. Почти сразу же по приезду нас подтянул к себе клуб журнала «Сноб». Мы познакомились с Тимоном Афинским, который им занимался, он-то и предложил нам туда вступить. Андрей, конечно, отказался – он вообще никогда не любил светские мероприятия. Тимон настаивал хотя бы сходить посмотреть, чем дышит и живет «Сноб», так нас зазвали на мероприятие – год клуба «Сноб» в помещении Тауэрского моста. Андрей сначала снова отказался, но тут уже вступила я, буквально умоляя пойти. Ну это же невероятно интересно, когда еще такое увидишь! Уговорила. И вот представьте: ночь, Тауэрский мост в огнях, всюду платья и роскошь – в «Снобе» тогда денег не считали. Андрей, как обычно на таких мероприятиях, забился в угол, а я пошла знакомиться с людьми. Вдруг поворачиваюсь – мой муж стоит и разговаривает с кем-то. Я, конечно, очень удивилась – его было практически невозможно заставить общаться с незнакомыми людьми. Оказалось, это был Женя Чичваркин – скандально известный владелец «Евросети». Надо признаться, что оделся он наперекор всему дресс-коду, особенно я запомнила разноцветные ботинки. Он был с женой Тоней и со своими детьми. После недлительного общения я поняла, насколько Тоня умный, открытый, честный человек – такая настоящая русская женщина. Преданная, глубокая и искренняя. От нее не услышишь похвалы, если ее не заслуживаешь, она всегда скажет, что думает. Я люблю таких людей. Я тогда, честно говоря, вообще ничего не знала ни о «Евросети», ни обо всей ситуации с Чичваркиными. Только потом Андрей рассказал мне, почему Женя уехал из России.

И вот, собственно, благодаря «Снобу» возникли многие интересные знакомства и отношения в нашей жизни. Тимон познакомил нас с крутым тренером по поло, который работал с английской сборной, и мы все вместе занялись этим видом спорта. Это был для меня удивительный опыт. Ты скачешь на лошади и играешь клюшкой. Это же Англия – суперисконная Англия! Плюс ты выезжаешь за город, где есть зелень и воздух. Да и спорт сам по себе очень красивый. После игры все обязательно жарили сосиски на костре и ели. Так мы и познавали Англию – настоящую, не туристическую, со своими традициями, которую просто так не найдешь. По таким моментам я до сих пор очень скучаю.

Впрочем, не по всем. Однажды я попала на Women's Day во время

скачек, когда все женщины приходят в невероятных шляпах, соревнуясь в их экстравагантности. Естественно, я тоже долго к этому готовилась. Прошли с подругой на наши места, посмотрели, как мимо проехала королева. Вокруг роскошь, наряды, бриллианты, собрались сливки общества. Я наслаждалась этим вечером с друзьями: Андрей как раз был в сборной и не ходил за мной мрачный, нудя, что уже пора домой. Я была предоставлена сама себе и буквально впитывала новые для себя традиции, культуру, юмор. И вот постепенно ближе к вечеру картинка менялась. Днем – все чопорные, с задранными носами, и тут я вижу ближе к вечеру, как у дам шляпки уже съехали ближе к бедрам, мужчины потеряли цилиндры, кто-то вообще валяется в кустах. И это великосветское общество! Удивительно, но все рауты всегда заканчивались в Британии одинаково, почему-то all inclusive удивительным образом действовал на гостей. А говорят еще – русские много пьют!

В какой-то момент у нас появились очень разные круги общения в Лондоне. Первый сформировался благодаря «Снобу», плюс «Арсенал». Спасибо клубу: у нас был открыт доступ на самые известные премьеры, кино – и театральные. Так, мы попали на «Гарри Поттера». Это была самая длинная в мире красная дорожка за всю историю премьер – даже попала в книгу рекордов Гиннеса. Люди жили в палатках, чтобы встать первыми и сфотографировать звезду или попросить автограф. Наверно, тогда я поняла, какой властью обладает футбол в Британии. Ни одна категория звезд, я уверена на 100 %, ни певцы, ни киноактрисы, ни театральные актрисы, ни правительство, ни сама королева не будет знаменитостью такого уровня, как футболист. Они небожители. И к нам совсем другое отношение. Пока мы шли по этой бесконечной дорожке, с Андреем хотели сфотографироваться все. Вы только представьте. Премьера последней части «Гарри Поттера», миллионы фанатов книги по всему миру ждут этого грандиозного события, считают дни, мечтают хотя бы из далека увидеть любимых героев, а в этот же момент актеры из «Гарри Поттера» подходят к Андрею и говорят: «Можно с вами сфотографироваться?» Невероятно!

Или я помню, как хотела попасть на премьеру «Сумерек» в Лос-Анджелес и через консьерж-службу узнавала о билетах. Мне выставили цену на показ и afterparty в 20 с лишним тысяч долларов за один билет. Естественно, я отказалась. Через некоторое время PR-служба «Арсенала» сделала нам билеты на премьеру в Лондоне бесплатно – только идите, и мы опять же шли по красной дорожке со всеми звездами фильма... Будь я любительницей «селфи со звездой» собрала бы коллекцию мировых

знаменитостей.

На самом деле едва ли не самым сложным в Лондоне было попасть не в кино, а в театр. Мне было нелегко к этому привыкнуть, поскольку в Петербурге с этим нет проблем. Мне в голову не приходило, что покупать билеты надо за девять месяцев до спектакля. Но именно так. Планирование – прежде всего. Однажды я позвала всех на день рождения сына. У меня набиралось три группы – русские друзья, весь класс Артема и наша команда. Как и положено в Англии, за два месяца до даты я отправила оповестительный e-mail с приглашением на день рождения, который праздновали 17 декабря. И вдруг в этот же день, но в ноябре, начал звонить телефон – Юля, а где праздник? Мои русские друзья, получив приглашение в октябре, были уверены, что торжество в ближайший месяц, так что 17 ноября собрались в указанном месте.

Так же и с театром. Билеты покупались заранее. К этому тоже надо было просто привыкнуть. Конечно, некоторые из них пропадали, но вариантов все равно не было. Если только брать у перекупщиков в три раза дороже. Возможность приобретения и градация билетов – тоже целая система в Лондоне. Андрей, как игрок «Арсенала», был клиентом определенного банка, который, в свою очередь, был партнером «Ройал Опера-Хаус», так что им давалась возможность приобретать лучшие места для клиентов первыми. Как только билеты поступали в продажу, их сначала предлагали нам, а потом друзьям театра – это люди, которые много лет состоят его членами и платят каждый год взнос. Ты должен быть кем-то особенным, чтобы просто купить билеты на хорошие места. Только после всего этого билеты могут приобрести обычные зрители. То же самое с абонеентами на футбол – не билетами, именно абонеентами. Ни за какие бешеные деньги их не купишь. Ты должен стоять в очереди и ждать, когда человек умрет, освободив абонемент. А если он передал его в свою семью? И от этой завуалированной кастовости никак не спастись.

Каждый год в «Альберт-холл» приезжал «Сирк дю Солей». Как достать билет в эти бархатные ложи? Еще одна особенность. Ты не можешь просто так купить лучшие места и просто пойти на выступление – перед спектаклем обязательно будет ужин или бутылка шампанского в ложе. Без этого никуда. Футбол, театр, поло – везде будет застолье. Меня сильно раздражало, что все происходящие события обязательно связаны с банкетом. Ты можешь туда не ходить или не хотеть и не любить шампанское, но все равно должен за это заплатить. И так во всем. Навязчивые предложения, от которых невозможно отказаться. Впрочем, гораздо интереснее другие истории. Сидя на таких местах,

ты обречен быть замеченным, а это неоднократно приводило к самым невероятным знакомствам. Так, однажды мы с Андреем попали за кулисы «Ройал Опера-Хаус»: мужа узнали и предложили в перерыве познакомиться с труппой. Он даже рот не успел открыть, чтобы сказать «нет» как я уже согласилась, опередив его в ответе. До самого антракта он ныл: зачем нам это надо. Я же не понимала, как можно отказаться побывать за кулисами королевской оперы – туда билеты достать и то сложность! Бывали мы и за кулисами Альберт-холла, когда пошли знакомиться с труппой балета на льду «Золушка». У меня в голове не укладывалось, что это происходит со мной, когда я ступила на сцену Альберт-холла – это воспоминание на всю жизнь!

Каждый такой выход был заодно поводом встретиться с друзьями.

Еще одно интересное наблюдение. В Лондоне на выступления российских звезд я ходила едва ли не чаще, чем была на них в России. И там особенно было видно, как люди, которые утверждали, что не скучают по России, на самом деле тоскуют по родине. На концерте Земфиры, помню, яблоку было некуда упасть. Вот только почему-то выбран был не самый лучший зал и с ужасным звуком. И даже несмотря на это никто не ушел, она взорвала публику, у нее просто сумасшедшая энергетика.

Не менее сумасшедшая энергетика была и на концерте «ДЦТ», только лично для меня со знаком минус, хотя я их очень люблю. Это был единственный раз в жизни, когда я ушла с выступления. Там было столько крови и политики, такой жестокий видеоряд, что принять это было невозможно. Я понимаю, Лондон – это адекватная публика для подобных радикальных выступлений, но лично я такое не люблю. Первый раз такое со мной было. Обычно я всегда сижу до конца, особенно на спектаклях. У меня ощущение, что даже если два человека из зала выйдут, то можно сбить актера и разрушить атмосферу.

Кстати, забыла – еще одно памятное знакомство случилось тоже на вечеринке «Сноба» в Тауэрском мосту. Мы уже собирались уходить, вдруг вижу, к нам решительной походкой идет женщина. Причем издалека идет, Тауэрский мост же длинный. Невысокая, очень хорошо одетая, с какой-то брошью Шанель, худая, подтянутая. Она подошла к нам, протянула Андрею карточку: «О, это к жене». Так мы познакомились с Гузель, которая работала в самом, пожалуй, известном магазине Лондона – Харродс – в отделе персонального шоппинга. Мы поговорили, распрощались и ушли. Потом она рассказывала: «Я знала, что вы приехали в Лондон, но не могла решиться и подойти к вам. Аршавин, футболист!

И мы уже уходили, но я сказала мужу подождать, и развернулась, пока было такое решительное настроение!» Что такое персональный шоппинг? Это значит, что тебя приглашают на препродажи новых коллекций и закрытые распродажи. А придя туда, ты встречаешь всех знакомых или, если никого не знаешь, заводишь эти самые знакомства. Мне иногда казалось, что Харродс – это место встречи для русских в Лондоне. Благодаря Гузель, у нас появился огромный круг общения, благодаря ей же я позже знакомила своих друзей с ним, за что они были мне страшно признательны. И вот тут я не могу не коснуться еще одной темы и развенчать один миф.

Я уже говорила, что мы не жили, катаясь как сыр в масле, и не тратили деньги направо и налево. Да, конечно, мы ездили отдыхать и делали какие-то покупки, но это скорее было необходимостью. Иногда Андрей делал дорогие подарки, как с теми босоножками Vicini, которые я никогда не забуду. Но в целом, у нас была обычная семья. Сталкиваться с предубеждением и ожиданиями приходилось постоянно. Еще в Питере к нам однажды приехала съемочная группа. Мы тогда снимали квартиру. Я открыла им дверь, думаю – куча оборудования – точно к нам, а они смотрят в открытую дверь и говорят: «Ой, мы ошиблись. Мы Андрея Аршавина ищем». Я: «Нет, вы не ошиблись». Они так и застыли. Мы жили в хрущевке, в двухкомнатной квартире. Мебель была из ИКЕА, раскладной диван, стык которого упирался ровно в позвоночник. Оператор просто не мог поверить, что семья известного футболиста здесь живёт «а где же дворец?». Причем так мы жили довольно долго, пока не родилась Яна.

На самом деле, квартиру мы купили, когда я была еще беременна Артемом – не виллу, не особняк, не пентхаус, просто квартиру. Я помню прекрасно, как лезла беременная на стройку, карабкалась без лифтов. Ремонт мы начали уже после моих родов. Надо сказать, мы с Андреем никогда не ругались насчет интерьера, удивляя подрядчиков тем, как точно я попадаю в его вкус. Мне было очень важно сделать квартиру такой, чтобы ему хотелось туда возвращаться, чтобы она ему нравилась. Я создавала уют для своего мужа, тщательно подбирая все. Когда он ушел от меня и достраивал сам, без меня, дом, то все-таки вынужден был признать, как много я на себя брала обязанностей, как много тащила. Лучше поздно, чем никогда.

Переехали в новую квартиру мы уже с Яной. У нас росли дети, и мы думали о том, что им нужно хорошее образование, что им надо будет где-то жить, так что и дальше вкладывали деньги в их будущее, а не в шмотки. Наверно, глядя на светскую хронику, люди по-другому представляют себе

жизнь известных футболистов. Не буду говорить, что они не правы, это у нас в семье было по-другому. Заказать частный самолет и им полететь, зачем? Или перелет бизнес-классом с детьми – 10 000 долларов, перелет эконом-классом – 1 500. Наверно, в масштабах зарплаты Андрея – это смешно даже обсуждать. Помню, что доходило до смешного: летим с матча домой, подходим к стойке, только я иду в эконом, а он проходит в бизнес-класс по билету, купленному ему клубом. Или еще в самом начале наших отношений Андрей однажды, искренне недоумевая, поинтересовался: «Масяня, зачем тебе третья пара сапог, у тебя же есть две!» Теперь представьте на секунду, что это говорит один из самых высокооплачиваемых футболистов России!

В общем, позволять себе тратить больше денег мы стали только тогда, когда переехали в Лондон. Было забавно слышать вопросы, когда мы общались с разными людьми во время светских раутов: «Куда ты летала на шоппинг? В Милан?» Я с улыбкой отмалчивалась.

Когда мы только познакомились с Гузель, я была в красивой и дорогой куртке, и вот она, оглядев меня, сказала: «Боже, какая у тебя красивая куртка». «Да, Valentino, Андрей подарил, мы вместе выбирали», – сказала я гордо. Эта куртка была у меня одна, что сложно было не заметить. Через месяц Гузель не выдержала и спросила: «У тебя нет больше других курток?»

Если честно, меня никто не ограничивал, кроме меня самой – счета у нас были общие, и Андрей не проверял мои траты. Я часто ездила в Париж. Жить в этом отношении в Лондоне очень удобно – ты всегда близко от всего. Я брала Артема, мы садились в утренний Евростар на самые недорогие места и в 10 утра были в Париже, гуляли там целый день, дышали, а в 9 возвращались домой. Иногда ко мне присоединялись подружки, и тогда прогулки по Парижу превращались в коллективный шоппинг. Как сейчас помню, в одну из таких поездок, мы зашли в магазин, где мне понравилась куртка. Боже. Она была просто невероятной. Из тончайшей кожи с огромным-огромным воротником из шиншиллы. Стоила 15 тысяч евро. С точки зрения доходов Андрея – копейки. Наверно, если бы я ее купила, то Андрей бы этого даже не заметил. Но мне было важно такие покупки совершать с ним. Я позвонила:

– Зачем она тебе? – спросил он.

– Ну, просто она такая...

– Купи. Я так люблю твои глаза, когда ты радуешься обновкам.

Почему я его спросила? Он кайфовал от этого, и мне было важно, чтобы он понимал, что это он мне дарит эту вещь, что это его возможность

показать, что он мой мужчина. И знаете что? Я не купила ту куртку. Я пошла в магазин, померила ее еще раз и подумала: «15 тысяч. Сколько я ее раз надену? Зачем?» Не так давно один человек мне сказал, что жена от любовницы отличается тем, что любовница думает только о себе, а жена – о будущем семьи. Я думала о том, что у нас двое детей, и 15 тысяч важнее потратить на них, чем на куртку. Сегодня я думаю, что в жизни стоит быть большим эгоистом и думать иногда и о себе.

Так происходило довольно часто. У нас была знакомая, которая работала в Лондоне в Hermes. Вообще, это тяжело подружиться с кем-то оттуда, им запрещено водить близкие знакомства с клиентами, и все из-за безумия вокруг этих сумок Birkin. Повторюсь, в «Арсенале» вообще не было безумных WAGs, помешанных на шмотках и уж тем более – на этих сумках. Мне это тоже было безразлично. Однако однажды, когда мы зашли зачем-то в магазин, эта женщина сказала, чуть ли не шепотом: «У меня есть сумка цвета этого сезона – киви».

Что это значит? Это значит, что тебе очень повезло – сумок в таком цвете выпущена ограниченная партия, и таких больше никогда не будет – надо брать! Люди, когда им говорят, что есть сумка, даже не спрашивают, какого цвета, просто забирают и все. А иначе в очередь на два года. Она мне показала эту сумку и спрашивает:

– Нравится?

– Очень нравится, но брать не будем.

Мне кажется, она даже не поняла, что я ей ответила, настолько это было нереально услышать в магазине Hermes.

– Ты что, сошла с ума? Тебе цвет не понравился? – пыталась она найти хоть какое-то оправдание моему безумному, по ее опыту, поступку.

– Цвет хороший, но зачем она мне? У меня уже есть несколько.

– Юля, Биркин много не бывает!

Тут вдруг Андрей из-за спины говорит:

– Берем!

В общем, дальше творилось нереальное. Андрей пытался купить мне эту сумку, а я отбирала у него карточку, чтобы он ее не купил. Эту сцену еще долго со смехом вспоминали в магазине, а учитывая, что охранниками в этот день были болельщики «Арсенала», то очень скоро половина Лондона об этом говорила.

Конечно, как многие женщины, я любила красивые вещи и дорогие украшения, но важнее всех вечеринок, всех дорогущих сумок и обуви мне была моя семья. Да. Мне нравилось периодически появляться в обществе и наблюдать за его жизнью, но я с большим удовольствием проводила

время со своей семьей и друзьями. Куда приятнее мне был наш тесный мирок.

Самые близкие люди

Именно благодаря Гузель я познакомилась с людьми, которые очень скоро стали мне самыми близкими и сыграли в дальнейших событиях очень большую роль, вытягивая меня из депрессии и спасая мою жизнь.

Гузель пригласила меня на презентацию ювелирного бренда Boucheron. Андрей, как обычно, никуда не хотел идти, а мне было очень интересно. Мы мало выходили в свет, и для меня это было каждый раз чем-то необычным, приносило новые знакомства. Мне нравился Лондон, и я хотела видеть, чем он живет, какой он в разных его проявлениях. Андрей же не полюбил Лондон и с первого момента мечтал вернуться обратно в Питер, сторонился общества.

В общем, я решила выйти хотя бы на часок одна. В этот момент закапризничала Яна, она не хотела меня отпускать и села с нами в машину прямо в домашней одежде. Мы просто надели сверху сапожки и пуховик, решили, что она на машине со мной доедет, потом я пойду, а Андрей с дочерью вернется домой. Когда мы добрались, Яна продолжила капризничать и ни в какую не отпускала меня. Мне казалось, что ничего странного не будет в том, что мы пойдем вместе с Яной, и я привела ее на вечеринку. Ладно бы у нее было платьице какое-нибудь нарядное... Конечно, на нас смотрели как на очень странную парочку. Вокруг элегантно одетые женщины, представительные мужчины, а у меня ребенок в пижаме рассматривает дорожные украшения и страшно радуется, а потом громко еще говорит: «Шампанское». Так мы познакомились с Витой и Галей, которые стали моими самыми близкими подругами и крестными моих детей. На самом деле их в первую очередь очаровала Янка своей непосредственностью и тем, как она требовала шампанского на весь зал. Мы заговорили, слово за слово, и они пригласили меня на елку в отель Cavendish – она проводится из года в год и, действительно, одна из самых лучших в Лондоне. «Придешь?» Я попыталась было отказаться, но они настояли. Мы проболтали весь вечер, и одна из девочек, узнав, что мы без машины, предложила нас подвести. Выходим, идем с водителем, и когда я увидела ее машину, то чуть дар речи не потеряла. У нее был... «Роллс-Ройс Фантом». Я просто не поверила. И не поверила не потому, что увидела «Фантом» – в Лондоне это не самая редкая машина. Просто девочки вели себя так просто, так по-доброму, как не ведут себя обладатели таких машин в России, с которыми меня сводила жизнь.

Никаких заскоков, никакого пафоса, никакого презрения к ближним. Андрей, который встречал меня на улице, был в легком шоке от нашего королевского прибытия. Отпустил девочек одних, а они вернулись в роллс-ройсе.

Постепенно мы стали очень близкими друзьями. Вита была первой, кому я позвонила, когда узнала про Андрея. Самое интересное, что в этот момент она была рядом с Галей, и та не могла поверить в случившееся. Потом уже, спустя много времени, когда я могла шутить на эту тему, они вспоминали, что Галька шепотом сказала: «Кто эта сумасшедшая, которая не испугалась перейти ей дорогу? Она же под каток попала». Но моя подруга ошиблась... Как и в детстве, когда я отступила под напором новой жены отца и предпочла не спорить с ней, уйти в тень, так и тут именно я отступила, не стала бороться. Впрочем, моим подругам вообще поначалу казалось, что я себе на гормональном дисбалансе все выдумала, настолько сложно было поверить в происходящее.

Мы все вместе регулярно куда-то выходили. Каждый год в Лондоне проходит «Русский балет». Два сезона подряд приезжала Ульяна Лопаткина. Пошли все мои подружки и один Андрей. У нас было две ложи, и нас было видно со всех сторон в театре. Было очень смешно наблюдать за Андреем – единственным мужчиной в нашей стайке, и мы подшучивали над ним весь вечер. Потом какая-то из российских газет написала, что балет нас мало интересовал, мы были увлечены собою, нарядами, а бедный Андрей не знал, как с нами всеми справиться. Журналистам всегда надо что-то выдумать, о нас и выдумывали.

Кстати, именно в Лондоне я познакомилась с невероятной женщиной – Галиной Волчек. Стоило для этого уехать на другой конец Европы. Однако как это ни странно, в Лондоне такие вещи гораздо проще осуществить. Театр «Современник» приехал на гастроли, давали всего шесть спектаклей, и билеты невозможно было достать. У меня спрашивали все мои друзья, по тысяче раз, безрезультатно. При том, что спектакли шли на русском языке с переводом бегущей строкой! И вот перед одним из спектаклей мне сказали, что будет возможность познакомиться с Волчек в антракте. Мы с Андреем купили букет цветов, и я собралась уже идти к Волчек в ложу, как вдруг Андрей начал, как водится, уходить в отказ, может быть, от стеснения. Естественно, я настояла – не могла упустить шанса встретиться с кумиром. Поднимаемся по лестнице, а навстречу нам Даша Жукова: «Вы к Роману?» Мы: «Нет, мы, вроде, не к нему». «А, ну, ладно». Когда открылась дверь в ложу, мы поняли, что все-таки к Роману Аркадьевичу. Кроме Абрамовича, чья компания была спонсором гастролей

театра, там был его партнер по бизнесу, Галина Борисовна и еще много разных людей. «Это Андрей Аршавин – футболист, а это его жена Юля», – представили меня Волчек. «Юлию я знаю, можете не представлять». – «Меня?» – «Да. Вы мне симпатичны, вы такая очаровательная». Мне тогда показалось, что у меня земля из-под ног ушла – так приятно стало. Мы очень классно пообщались, и она оказалась ровно такой, какой я себе ее представляла.

После окончания гастролей, артисты «Современника» решили устроить для Романа Аркадьевича сюрприз и подготовили капустник. Проходить он должен был в его ночном клубе Under the Bridge на стадионе «Челси». Нас с Андреем тоже туда позвали, помня наше отношение и любовь к театру и Волчек. Однако даже больше, чем выступление артистов, меня поразило гостеприимство Романа Аркадьевича, который лично, не дожидаясь официантов, приносил воду своим гостям.

Была забавная история, связанная с «Челси». Бронислав Иванович обещал передать мне две футболки для благотворительного аукциона в школе. Это такая золотая жила для школ, потому что самое крутое, что продается на всех аукционах, это экипировка футболистов. Я поехала к нему домой и никак не могла найти адрес. Смотрю, какой-то парень стоит, спрашиваю: «Извините, а где вот этот дом?» – «Кого вы ищите?» – «Бронислава» – «А вы, наверное, Юля. Тогда это я». Я его никогда не видела вживую, и на экране он мне казался громилой, как в регби. Оказалось, такой простой парень, и совсем не огромный.

Еще более знаменательным было знакомство с Марадоной. Поскольку я люблю теннис, то мы постоянно ходили на турниры в Лондоне. «Арсенал» давал билеты рядом с кортом за спиной тренера. Это такие коробочки, и к нам посадили Марадону. Он очень экспрессивный, эмоциональный, тут же стал обнимать и целовать Андрея, говорить, что он – его продолжение, чудо, самородок, и он его чувствует. Это случилось на моих глазах, я тогда очень гордилась своим мужем. В другой раз пришел Криштиану Роналду и сел со мной рядом. Дело в том, что я очень долго просила Андрея, чтобы он мне привез футболку Роналду – поменялся после матча. На домашней игре в Москве Андрей подошел к нему, а Криштиану не захотел меняться. Андрей тогда сказал, что больше просить не будет.

И вот Роналду, который отказал моему мужу, рядом. Я смотрела на него и думала. Нет, не о футболке, о количестве геля на его волосах. Мало того, этот гель засох и осыпался на его кожаную куртку хлопьями. При этом Криштиану сидел, ни с кем не здороваясь, холодный,

неприветливый, и это было очень странно, ведь рядом с ним находились люди, даже более знаменитые, чем он. Что выпендриваться-то?

Что касается Романа Аркадьевича, то я вообще видела от него только хорошее. Все наше общение – это какие-то приятные вещи с его стороны. Он очень нам помог, когда мы прилетели в Марибор на игру сборной со Словенией – ту самую, где наша команда лишилась путевки на чемпионат мира 2010 года. Это был один из самых ужасных стадионов, что я видела – двенадцатитысячник, грязный, разбитый, страшный, необустроенный. Когда мы поднимались на трибуны, мужики справляли нужду прямо себе под ноги. В гостинице – самой приличной – стоял стойкий запах советский еды из пансионата, а докторскую колбасу в магазинах по-прежнему заворачивали в бумагу. В общем, я хуже выезда не помню. Мы туда ехали на 90 % за победой. Никто даже не думал, что мы можем не выиграть, не пройти дальше.

Днем мы пошли поесть в единственный приличный ресторан и встретили там Романа Аркадьевича. Он предложил отвезти нас в Лондон: «Я понимаю, что после игры вам лететь домой, а сборная полетит на самолете сначала в Москву. Я вам помогу». Мне неудобно, начинаю отказываться. Но после игры настроение было такое, что хотелось скорее домой, в Лондон, и спасибо Роману Аркадьевичу, что он о своем предложении не забыл. Мы с Андреем и Артемом с его помощью сразу улетели в Лондон после игры, а она была ужасной. Я помню, что весь второй тайм наш сектор повторял только одну фразу: «Сейчас, сейчас, сейчас Андрей что-нибудь придумает. Сейчас Андрей что-то сделает. Он у нас всегда так. Он тихо-тихо. Сейчас... Сейчас...». Андрей был единственной надеждой болельщиков, он должен был что-то сделать, все исправить, все наладить, но он не придумал, не исправил, не наладил, а сборная не вышла на чемпионат мира. Было так противно, когда весь стадион скандировал: «Fuck you Russia!» Более неуважительного поведения фанатов на играх сборной по отношению к другой стране я не помню. Выход со стадиона и дорога до аэропорта, как в тумане, в аэропорту – полный дурдом. Я думаю, это единственный раз, когда, да простит меня эта страна, аэропорт Марибора увидел такое количество частных самолетов. Мы вернулись домой зализывать раны. Андрей дико переживал. Мне впервые было так страшно за мужа: он настолько был убит этой ситуацией, что я боялась, что он уже никогда не соберется. Его вырубил из жизни на месяц точно. После тренировок в «Арсенале» он возвращался домой, ложился в кровать и просто смотрел в потолок, не общаясь ни с кем, кроме меня и детей.

Человек, который разбирается в игре, понимает, что в футболе очень много психологии. Мне кажется, что у нас не хватает командных психологов. Если вы спросите меня, обывателя, я могу объяснить, почему они проиграли. Сборная России на тот момент не смогла психологически быстро перестроиться в другой статус. Выстрелить на чемпионате Европы, когда соперники играли открыто, ничего не зная о нашей сборной, – это одна история. Когда ты перестаешь быть темной лошадкой, то с тобой играют по-другому, и с командой надо было работать не только в физическом плане, но и в психологическом. Я понимала, почему Андрей так сильно переживал. На него сгрузили столько ответственности за все, что там происходило, – и ему одному пришлось это тянуть. На него все рассчитывали, и он не выдержал. Когда взваливают неподъемную тяжесть, безумно давящую со всех сторон, хочется впасть в детство и сказать: «Стоп, хватит!».

И после этого помойка, вылитая на футболистов. Каждый раз после проигранных матчей появляются какие-то немыслимые кальяны и придуманная пьянка. Какое спиртное? Парни играют на бешеном адреналине. Я – человек, который был внутри команды, буду за них до конца. Огромное количество негатива, которое после проигрышей посылается на ребят, никогда не проходит бесследно. Просто мало кто об этом знает и задумывается. И что такое футбольный век? Это все так быстро проходит. Если ты менеджер, бизнесмен или руководитель компании, у тебя есть право на ошибку. Вся жизнь еще впереди, ты можешь здесь провести плохую сделку, а потом исправить. Спортсмен в своей жизни, притом что он жив-здоров, очень ограничен временем. Так называемый возраст Христа, 33 года, для футболиста – уже зрелость. И то, что не сделал в 25, ты не сможешь исправить никогда. Чемпионаты Европы и мира проходят каждые четыре года. Если игрок не использовал свой шанс, он его лишен. Именно для того, чтобы нивелировать это психологическое давление, нужна психологическая работа. И так важна! Профессиональный спортсмен с самого начала заточен только на победу. Вся его жизнь – это упорное восхождение за высшей наградой. Так что когда проигрывает команда, конечно, болельщики очень переживают, но это не сравнить с эмоциями самих спортсменов.

Впрочем, и болельщики бывают разные. Одним важна красота игры, они всей душой за команду. Для других это способ – вылить свою агрессию, напиться, подраться. Однажды я поехала на игру сборной против Финляндии и по своему обыкновению оказалась в эпицентре заварушки. Что такое Финляндия для Питера? Как на дачу съездить. Так что

поддержать сборную приехала половина Питера. Мы с детьми тоже были там. Приехали накануне и остановились с друзьями в домиках на природе недалеко от Хельсинки. Только подъехав, я поняла, что, кажется, будет весело. Из соседнего домика выскочила толпа пьяных русских. Причем наши приключения начались еще раньше. Мы ехали автобусом – там собрались все наши питерские друзья. И вот на границе мне забыли поставить какой-то штамп, так что на втором посту всех развернули обратно из-за меня. «Что-то будет!» – подумала я, уже мысля исключительно футбольными приметами.

Так и было. Вечером парни из соседнего домика решили, что только выпивки им мало и нужна драка. А тут мы приехали целым автобусом. И там тоже взрослые мужики, которые долго терпели, но в какой-то момент не выдержали и вышли «поговорить». Драка вышла колоссальная, злая, стенка на стенку. Вокруг на многие километры ни души: ни полиции, ни больницы. У меня дети в домике с няней. Во время передышки я не выдержала и вышла.

– Ну что? Вы сюда зачем приехали?

– Слышь, вали отсюда, пока не зацепили. – Заорал мне какой-то пацан из толпы.

– Вопрос: вы сюда на футбол приехали?

– Ну да!

– Отлично. А я жена капитана сборной России по футболу Андрея Аршавина. Расходимся или я звоню сейчас охране сборной и совсем скоро здесь будет вся полиция Финляндии?

Я, естественно, блефовала. Вдруг голос опять:

– Лицо свое на свет покажи, не видно, – и через мгновение. – Правда, она.

Короче, драки больше не было. Потом, конечно, я долго думала, зачем я вообще туда полезла, зачем мне это было надо. Наверно, такой характер, что за себя заступаться не очень умею, а вот за близких готова в огонь и в воду.

Лондон дал мне свободу

Несмотря на то, что я очень люблю Лондон, я точно знаю все его плюсы и минусы. Тем более что в первый же приезд столкнулась скорее с последними.

Я честно не знаю, как люди едут в эмиграцию. Если у тебя много денег, ты ничего не делаешь, это одна история, – какая разница, где жить с деньгами. Если человек ищет работу и ему надо самому устраивать свой быт, то в Лондоне это очень тяжело, гораздо сложнее, чем в России. А по поводу того, что там же все улыбчивые и вежливые... Кто сказал, что это взаимосвязано? Мне гораздо комфортнее оттого, что человек тебе улыбается, потому что ты ему нравишься, и спрашивает, как дела, потому что правда этим интересуется. Там же тебя спрашивают, но ответ никого не интересует. Плюс ко всему, очень много агрессии.

Тебе может нахамить таксист, только потому, что ты не очень хорошо говоришь по-английски. Они не делают скидки на то, что ты не из Британии.

Более того, англичане очень по-разному относятся к себе и приезжим. Предъявляют совершенно разные требования. В какой-то момент мы решили узнать, во сколько нам обойдется няня-англичанка – 60 фунтов в час. Помимо этого, ты еще оплачиваешь ей час ланча, отпуск, выходные – все. Я не спорю, что это нормально, но почему тогда они сами платят филиппинке восемь фунтов в час и никаких ланчей? Разве это не попрание прав человека?

Мы столкнулись с разного рода формальностями, которые не были близки нашему менталитету. Даже через пару лет нашей жизни там, некоторые вещи удивляли. Выбирать дом нам помогала англичанка по имени Хилл. Она была в шоке от того, насколько я не тщательно подошла к этому вопросу. Из вежливости я могу походить по комнатам, но точно знаю с порога, подходит мне дом или нет. Он может быть дворцом из золота, но я не смогу там находиться: «Спасибо большое, мы идем дальше». Она не понимала, а я не понимала в свою очередь, почему, чтобы найти жилье в Лондоне, надо пройти семь кругов ада. Там все обязательно делается через адвоката. Вдруг бедняги без работы останутся? У хозяев есть адвокат и у клиентов. Вот составили договор, послали тем. Они меняют пункты, посылают обратно. Он может так долго летать – почасовая оплата, все замечательно. А в суде? У меня не было слов.

Я понимаю, это традиции, но насколько же можно усложнить людям жизнь! У тебя есть адвокат, солиситор. Он принимает от тебя всю информацию, ему ты рассказываешь все в мельчайших подробностях. Она делает из этого конспект и рассказывает его барристеру, который представляет тебя в суде. В суде солиситор не может говорить с судьей, может говорить только барристер. А теперь вы представьте. Ты все рассказал. Она законспектировала. Но не забывайте, что за этот конспект и за то, что она просидела и законспектировала, ты ей заплатишь почасовую оплату. Дальше она пошла, пересказала дело барристеру. Ты и за это платишь. Мы пошли в двойной рассказ. В суде, естественно, возникают вопросы. И я сидела и наблюдала идиотическую картину. Сидит судья, задает вопрос барристеру, барристер поворачивается и спрашивает у солиситора, тот ему говорит, барристер говорит судье. Традиции. И с ними не поспоришь. Это можно только принять.

Такие же традиции в медицине, с которой мне там пришлось столкнуться. У тебя, например, сломана нога. Ты понимаешь, что тебе с этим не надо идти к окулисту. Но, видимо, англичанин не знает? И чтобы он нечаянно не пошел к другому доктору, в их медицинской схеме прописано, что все только через терапевта, а уже он отправит тебя к нужному врачу. И вот за это: «А, вы сломали ногу, тогда вам нужно пойти туда», – ты заплатишь минимум 100 фунтов.

Они придумали сотни непыльных профессий и формальностей, помогающих получать деньги за каждый твой шаг. При этом зачастую хорошо зарабатывающие люди будут экономить на необходимом, что совершенно чуждо нашему менталитету. Человек приезжает на «Бентли», а потом долго выбирает в ресторане меню – взять ланч за 15 или 18 фунтов? Или в нашей школе, где обучение стоило около 18-ти тысяч фунтов, родители обменивались туда-сюда 50 имейлами, чтобы решить, сколько собрать на подарки учителю – 20 или 25 фунтов. Мне это надоедало, и я дарила то, что считала нужным сама, а потом слушала, что приехали русские и избаловали учителей.

Но помимо таких странностей, усложняющих тебе жизнь, существует большое количество милых вещей, которые ее облегчают. Нас очень порадовали возможности для детей. С самого первого класса они приобретают огромное количество друзей. Ты не можешь пригласить на праздник или день рождения одного-двух детей – только весь класс, и конечно, совместные забавы объединяют. У нас всегда собиралось очень много детей, ведь помимо школы, приезжали и семьи из футбольного клуба, и наши друзья из русской диаспоры. Получалась сборная солянка

из трех частей. Причем зачастую приходили даже те, у кого не было детей. Одноклассники Артема были в восторге от возможности сфотографироваться с Ван Перси, например, или с Сеском, Самиром, Гаэлем Клиши.

При этом было забавно, что, несмотря на то, что футбол в Англии – культ, а у Артема папа – футболист, сыну эта игра была безразлична. Он любил путешествовать, летать, с радостью всегда ходил на футбол, но только для того, чтобы «помахать папе», и все! Дни рождения с футбольной тематикой Артем ненавидел. Он хотел побыть с друзьями, любил это время, но все, что касалось футбола, для него было каторгой. Помню, что на один из этих дней рождений пришла я. Обычно приезжаешь, сдаешь детей и уезжаешь, у них с этим четко, а тут был праздник, на котором остались и родители. Дети стали играть в футбол. Закрытая площадка, и я ору по-русски:

«Артем, твои ворота в другой стороне! Мяч руками не трогать! Куда ты, это не твои ворота!» Он по-русски меня не очень понимает, и я ору то же самое по-английски. Стоят папаши и уже плачут от смеха: «Юль, мы реально думали, что твой ребенок, который объездил почти все стадионы мира, должен правила футбольные как минимум знать».

Или первое родительское собрание. Оно выбило нас с Андреем из колеи. Мы получили 150 писем, что, где и как. Пришли, а нас встречают подносы с вином. Родители встретились, и хорошенько «наобщавшись» вином, полчаса потом слушали, что происходит в классе. При этом никто не обсуждал, как учится каждый ребенок. Это все только индивидуально. На собрании говорили о том, что происходит в школе, какие планы на будущее. И все. Родители могли все вместе и в ресторан сходить, с танцами и песнями, а сдружившиеся родители – это сдружившиеся дети, и мне это было приятно и близко, потому что для детей очень важно общение со сверстниками.

Еще одна приятная особенность Британии – почта. Вы помните, когда писали письмо на бумаге? Или отправляли открытку? Я последний раз это делала, наверное, когда была маленькой. Сколько вы получаете сегодня, скажите честно, писем по почте? В Лондоне ты получаешь письма каждый день. В «Арсенале» был человек, который помогал всем иностранным игрокам с административными вопросам. Его звали Пол. Помню, Андрею прислали штраф за превышение скорости, и он взял права и на наших с мужем глазах запечатал в конверт. Андрей оторопел:

– Что ты делаешь?

– Я их сейчас отправлю по почте.

– Права отправишь по почте? А если они потеряются? По какой почте ты их собрался отправлять? Это же документ! Нет!

Оказалось, и правда. Все документы можно просто отправить по почте, в Британии письма не теряют, и можно не волноваться за сохранность их содержимого.

Хорошая традиция, может быть странная в нынешний скоростной век интернета, но хорошая. Именно по почтовому ящику в Англии можно понять, сколько ты отсутствовал. В первый день по возвращении тебе надо было разгрести всю почту: счета, приглашения, письма из школы, из магазинов, открытки. В любой лавке обязательно будет отдел с открытками, потому что это основное, что нужно подарить на любой праздник. Такие вещи приятны, хотя и необычны для XIX века.

Наверно, были какие-то вещи двух разных культур, которые нам казались странными. Тем не менее взаимообмен традициями происходил у нас ежедневно. Тот же Пол мне однажды сказал, что более дотошных подопечных, чем я, у него не было. Я настолько старалась разобраться в отношениях и в жизни Британии, что задавала тысячу вопросов, и ему приходилось искать ответы и находить решения. Однажды он признался, что благодаря мне узнал о Лондоне, несмотря на то, что родился и вырос там, гораздо больше, чем за все прошедшее время. Мне нравилось такой обмен информацией и такое взаимопроникновение культур. Ладно. В основном, нравилось.

Я узнавала много нового, обростала знаниями. Лондон – кладезь современного искусства: аукционы Sotheby's, Christie's и огромное количество выставок.

Мы переехали как раз во время Фриза, ежегодной ярмарки. Весь Лондон в это время сам превращается в произведение современного искусства. На нас сразу посыпались приглашения на множество культурных мероприятий. Правда, сейчас у меня это событие скорее ассоциируется с огромным количеством халявщиков, которые приходят поесть и выпить за чужой счет. Тогда же я была полностью вовлечена в поток светского блеска. Нас пригласили на одну выставку, и мы ошиблись домом. Зашли, а там тоже перформанс, и нам рады – оставайтесь, ешьте, пейте, смотрите, и так можно передвигаться из галереи в галерею.

Я подружилась с аукционным домом Sotheby's, была постоянным гостем на их мероприятиях, даже трогала картину с бутылкой «Кока-колы» Херста, стартовая цена которой перед аукционом была 20 млн. долларов. Эти дорожные экспонаты постоянно мелькали перед моими глазами, и со временем во мне созрело желание разобраться, стало невыносимо

ходить на эти выставки и стоять спиной к картинам с бокалом шампанского в руках. Я пошла на курсы в Сотбис «История современного искусства». Каждая лекция – новая тема, но получилась, что я пошла за курсами по искусству, а получила курсы по современной жизни. Мне показалось мало, и я прошла еще один курс при институте. И каждый раз везде я задавала только один вопрос: «Вы можете мне гарантировать, что сегодня, купив картину за 20 млн, я через пять лет хотя бы не потеряю в цене?» Ни один специалист по современному искусству не дал гарантии, потому что завтра может прийти другой авторитетный знаток, который скажет, что «король голый».

Лично для себя я поняла, что современное искусство – это в основном пиар как олицетворение всего современного мира. Все стремятся удовлетворить неумные потребительские аппетиты нашего общества. Будь то культурный или материальный заказ. Сейчас все можно продать, начиная от зубочистки и закачивая человеком, и иной раз зубочистка стоит дороже человека – все зависит от того, насколько умелый продавец. Порой вся эта культурная жизнь напоминает мне бесконечную игру в казино. Выйдет или нет, удастся что-то втюхать кому-то с деньгами или нет.

У меня с детства существовал определенный порог, который я не смогу никогда переступить. Я видела очень много наркотиков, когда была подростком, но сама никогда их не принимала. В раннем возрасте я посмотрела фильм «Игла» с Цоем, испугалась и запомнила этот страх на всю жизнь. Для меня наркотики – табу. Такое же отвратительное брезгливое ощущение у меня было и в казино, при все том, что многие мои друзья туда ходили. Мы с Андреем ужинали, они играли. И вот на моих глазах люди сходили с ума, теряли контроль, глаза налились кровью. Адская картина потеря себя. То же самое впечатление у меня в результате осталось и от арт-тусовки – толпа паразитов, которые прицепляются к богатым людям, желая урвать свой кусок удачи, иной раз в этом порыве теряя человеческий облик.

Как здравомыслящий человек я несомненно видела все минусы жизни в Лондоне, но в то же время я замечала огромное количество плюсов, и я наслаждалась городом. Принимая его таким, какой он есть. Я очень благодарна Лондону – за встречи, за знакомства и новую жизнь. Лондон на время стал моим домом и дал возможность посмотреть на мир с другой стороны. Я начала проще относиться ко многим вещам. Мне стало все равно, что обо мне подумают окружающие. Я изменилась.

Это город, с одной стороны, полный условностей, с другой – совершенно свободный. Сегодня я могу в любой одежде зайти куда угодно

и мне абсолютно не важно, как на меня посмотрят. Ты можешь прийти в ресторан и встретить какую угодно знаменитость. Когда мы приехали, нам показали одно место, где всегда 100 % ужинает какая-то звезда. Естественно, мы туда пошли. Интересно же – кто там будет? Мы два раза приходили – никого не было, и тогда я сказала мужу: «Правильно, как мы можем встретить тут кого-то, если на сегодняшний день в этом ресторане звезда – ты. Без шансов». Кстати, потом мы познакомились там с Фабио Капелло, еще до того, как он стал тренером сборной. Я тогда, увидев его, долго уговаривала Андрея подойти и поздороваться. Он решил, что не стоит этого делать. Фабио подошел сам. Может быть, подойди Андрей первым, потом не сидел бы на лавке в сборной?

Через какое-то время жизни в Лондоне я поняла, что встретить там любого знаменитого человека в любом месте – не проблема. В маленьком итальянском ресторанчике через дорогу от моего дома, где на ужин собирались милые старушки, главными возмутителями спокойствия, которые оставались за полночь, были мы с подружками и Джордж Майкл с друзьями. Так регулярно и встречались там за соседними столиками. Правда, кто он такой, мне рассказали как раз подруги. К нему никто никогда не подходил ни за автографом, ни за селфи. Не потому что не узнавали – просто уважали частную жизнь человека. Одно дело прийти на публичное мероприятие – там быть на виду твоя работа, другое – сидеть с друзьями в кафе. Впрочем, однажды мы нарушили это правило – не трогать людей за обедом. Моя подруга – большая поклонница Пенелопы Круз и Хавьера Бардема – увидела их за соседним столом в ресторане. Она очень хотела подойти, но я ей запретила – воскресенье, обеденное время, они всей семьей с детьми и друзьями – мы просто не имели права их беспокоить. Уже вышли из ресторана, смотрю, моя подруга места себе не находит. «Ладно, – говорю я ей. – Вот магазинчик с цветами. Давай купим букет, вернемся, и ты ей его подаришь». Она забрала все белые розы – это был огромный букетище цветов, который не помещался в руках. Эльвина подошла к столику Пенелопы и, страшно извиняясь, что потревожила, подарила ей эти цветы и сказала, что восхищается ею. Пенелопа расцвела в улыбке, так искренне и по-настоящему поблагодарила и добавила, что таких букетов ей никогда не дарили! А я наблюдала и думала, что вот в этот момент перед моей подругой стоит не кинозвезда, а обычная женщина, которая выбралась на воскресный обед семьей. На красной дорожке она в маске звезды – далекой, притягательной, недостижимой, а на деле это все работа тех самых пиарщиков. Тут же в ресторане сидела настоящая Пенелопа – обычная женщина, для которой

букет роз – повод для радости!

В какой-то момент жизни ты понимаешь, что стал своим в городе, когда уже можешь показывать его своим друзьям. Показывать то, что не написано в туристических книжках. Например, у нас в Хампстеде стояла тележка, как в «Гостях у сказки». И внутри просто две конфорки, на которых жарят блинчики. Ей 50 лет, по-моему, этой палатке. Андрея там обожали, и постоянно кормили блинчиками. Ребята-французы, которые ее держали, болели за «Арсенал», и мы туда ходили во время прогулок.

Или история, как мы поехали на рыбный рынок Billingsgate Market. Он работает с половины пятого до восьми утра, в зависимости от того, когда кончается рыба. Там практически нет обычных покупателей – в основном, закупщики магазинов и ресторанов. И конечно, там все в 10–20 раз дешевле, чем в магазине, при этом свежайшее – устрицы, лобстеры, рыба. Мы, узнав о рынке, встали в 4 утра и поехали. Когда были с Андреем там первый раз, у всех продавцов на рыбном рынке, а это такие английские мужики в резиновых сапогах и огромных фартуках, был шок. Они чуть ли не пальцем в него тыкали – правда ли Аршавин. Не могли поверить, что футболист может приехать на рыбный рынок в 4 утра, и я рядом в уггах, которые промокли и, естественно, провоняли рыбой. При этом ребята хоть и суровые, но доброжелательные, кажется, это были болельщики «Вест Хэма» в основном, но проблем не возникало ни разу. Мы тогда потеряли контроль и привезли домой коробку огромных крабов, коробку лобстеров, коробку рыбы. Все было коробками. Но мы по дурости не знали, как их хранить и сгрузили всех крабов и лобстеров в ванну. Они очень быстро сдохли – их же надо хранить в морской воде или на льду. В общем, запах в доме стоял тот еще.

Что еще? Мне нравится, что в Британии пожилые люди не стеснены условностями и рамками, они путешествуют, наслаждаются жизнью. У нас, к сожалению, возраст пенсии – это конец всего. Для них жизнь не заканчивается ни в каком возрасте и скорее было дикостью, что я, молодая, могу себе позволить ресторан. Молодежь со стаканом кофе должна по улице ходить.

Забавная история. Муж летел в Швейцарию, когда шло голосование за проведение чемпионата мира по футболу 2018 года. Туда слетались представители всех стран, которые участвовали в этой борьбе. И главным нашим конкурентом была Великобритания. В числе прочих от России летел Андрей. Он зашел в самолет и увидел в соседнем кресле премьер-министра Британии. Как часто вы видели наших чиновников такого ранга вот так – в самолете в соседнем кресле с вами?

Эта свобода жизни, свобода выбора, свобода отношения к себе и другим – они дали мне совершенно иной импульс, зарядили меня, за что я всегда буду благодарна Лондону.

Как открыть для себя Майами

Еще с одной парой, которая потом стала нам близкими друзьями, мы познакомились на отдыхе в Майами. Рома и Марина – ребята из Москвы. Мы с Андреем впервые полетели в Америку. Приземлились, идем на паспортный контроль. Андрея спрашивают: «Чем вы занимаетесь?» – «Football player». Пограничник посмотрел на Андрея и как начал ржать: «Да какой ты футболист?!». И с таким пренебрежением продолжил: «Соккер что ли» В Америке футбол – это только американский футбол, игроки – просто гиганты, это самая почитаемая игра там, а европейский футбол, то есть по-американски соккер, для них спорт второго сорта. После Лондона, где на игроков все молятся, услышать такое пренебрежительное отношение было не очень приятно.

Начало было не самым вдохновляющим. Сели в такси и просто в ужасе смотрим, а вокруг такие хрущевки стоят, обшарпанные стены. «Боже, куда мы попали?», – думаю. Если бы мы тогда остались вдвоем, то разочаровались навсегда. Хорошо, что жизнь свела нас с Ромой и Мариной. Первые дня три мы просто лежали на пляже. Пытались куда-то выйти, но каждый раз это превращалось в разочарование.

Пришли в модный ресторан. Я в жизни не крашусь – просто не умею. Только на съемки, на мероприятия, и только у профессиональных визажистов. Поэтому, естественно, в отпуск даже косметику не беру. И вот делаем заказ. Андрея попросил пива, я – вина.

– Паспорт.

– В гостинице.

– Вы шутите?

– А вы шутите?

– Вам сколько лет?

Мы с Андреем переглянулись.

– У нас двое детей!

– Да вы брат с сестрой.

Короче, официант нам не налил ни капли, после этого случая нам пришлось постоянно ходить с паспортом. В клуб войти – проблема, заказать бокал вина – проблема. А потом папарацци узнали, кто отдыхает в этой гостинице, и спокойная жизнь закончилась. Тогда-то мы и узнали, каково это быть под постоянным прицелом – в Америке фотографии позволяют себе куда больше вольности, чем в Лондоне. Мы лежали

на пляже, а вокруг нас располагалось 50 камер, не из-за угла, – просто вокруг лежака. Полукругом в нескольких метрах. Мы думали, ладно, день, два – нащелкали же. Но нет. Мы идем куда-то, они за нами. Сидим где-то, они рядом. Американцам «соккер», конечно, был неинтересен, но английские газеты все покупали с радостью, а значит, надо было делать бизнес, и папарацци шанс не упустили.

На том же пляже отдыхали Рома и Марина с очень веселой компанией друзей. Я завистливо посматривала в их сторону. Я вообще люблю знакомиться с людьми, проводить весело время за шутками и разговорами. Андрей, как обычно, в отказ – неприлично, зачем мы будем знакомиться? А меня достали фотографии, и хотелось простого общения. Тем более, видно было, что ребята здесь не первый раз, все знают и понимают. «Как вы так отдыхаете? – спрашивают, и ну давай шкурками от бананов в папарацци кидаться. – Оставьте их в покое, дайте людям отдохнуть». Фотографам что шкурки от бананов, что огрызки – все равно, только спасибо за лишний кадр скажут. Мы не выдержали и ушли к бассейну, на закрытую территорию отеля, куда фотографов не пускали. Я сидела на бортике бассейна, Андрей плавал. Вдруг подошла девушка в очках и в легком пляжном платье, села рядом и заговорила. Андрей узнал ее первым, и как обычно, из-за страха общения уплыл, я долго вглядывалась, не понимая, с кем говорю. Тут девушка сняла очки – Жанна Фриске, простая, легкая в общении. Слово за слово – разговорились. Оказалась, что она отдыхала как раз в компании тех веселых ребят, и они ей рассказали, как нас донимают папарацци – вот Жанна и решила помочь. В этот же вечер они нас пригласили на ужин. Ребята показали нам другой город Майами. Оказалось, что там для всего есть свои места. Где-то надо только ужинать, где-то обедать, а приди туда на ужин – разочаруешься. И вот тогда все наладилось. Спасибо им. Это вообще очень важно, с кем ты отдыхаешь. От этого часто зависит – понравится ли тебе новое место или нет.

Особенно забавно было попасть на концерт Галкина. Пришли туда, а там просто какой-то Брайтон-Бич – вокруг только русская эмиграция, и было ощущение, что тебя запустили в машину времени на 20 лет назад. У меня от этих людей возникло ощущение питерского БКЗ «Октябрьский» – там тоже такая постоянная публика.

Кстати, забыла рассказать о самом сумасшедшем концерте – такого я больше никогда не видела в своей жизни. Я как раз была беременна Артемом на последнем сроке, и думала, что рожу от смеха. Мы пришли в БКЗ. Туда ходят только те, кто в Санкт-Петербурге родился и вырос в 155-

м поколении, там ничего не меняется и всегда все по плану: начало вовремя, как положено, после каждой песни похлопали, браво покричали. А тут концерта нет 10 минут, 20 минут. Полчаса опоздания. Наконец, погас свет, вышел Кузьмин и начал петь: «Я не забуду тебя никогда» и вдруг развернулся на середине и ушел за кулисы. Причем пока пел, после каждой фразы делал так: «Ы-ы-к». Вышел снова и начал петь ее же заново. Зал долго соображал, минут 20–30, что Кузьмин в дрова. Он чуть не падал со сцены. Все, конечно, были возмущены, а мы с друзьями так хохотали, что хотели, чтобы концерт никогда не заканчивался. При этом он еще что-то пил из чашки, которая стояла рядом, и это была явно не вода, так что концерт, наверное, мог длиться часов 10, если бы наша питерская интеллигенция не взбунтовалась. Потом Кузьмин через прессу извинялся, когда протрезвел, говорил, что никогда такого больше не будет. Желаящим даже деньги вернули за билеты, но мы не стали этого делать – потому что это был самый необычный концерт в моей жизни.

Но о Майами. Это город все-таки странный, помешанный на культе тела. Идешь по береговой линии, смотришь и думаешь: «Они что, к одному хирургу ходят?» Там пластику сделать – как у нас маникюр, и все под одну гребенку. В какой-то момент мне стало страшно на этом пляже, казалось, что у кого-то на солнце кожа лопнет или силикон потечет. Наших же видно было издали – всегда с утра приходили на пляж как на праздник: красная помада, боевой раскрас, каблуки. Но что хорошо в Майами, все это не имеет значения: можешь красиво одеться, а можешь прийти в шлепках, может накраситься, а хочешь – забудь о косметике – всем все равно. Там люди умеют расслабляться, и ты чувствуешь это. Для них не имеет значения, по большому счету, как ты выглядишь, главное – какой ты.

Дар ангела

В 2012 году наша совместная жизнь закончилась. Андрей сказал, что уходит от меня. Он жил в Питере с другой женщиной, но при этом периодически появлялся в Лондоне. Он либо устраивал мне скандалы, либо заставлял поверить, что вернулся. Я была беременна, и постоянно вспоминала наши прожитые годы. Эти счастливые воспоминания после того, как Андрей объявил, что уходит, были невыносимо болезненными. А не вспоминать не получилось. Погружаться в наши любовь, благополучие и спокойствие было невыносимо, даже не потому, что это хотелось вернуть, а потому что я не понимала, как же все закончилось так печально, не знала, что ждет меня дальше. Вот в своих мыслях я еще с Андреем в Майами или мы гуляем с детьми в парке, или празднуем Новый год, радуемся моей беременностью, а вот Андрей в Питере с другой женщиной и я, раздавленная его издевательствами, собираю себя по частям.

В тот год я говорила об Андрее 24 часа в сутки. Сначала с психологом, потом обсуждала с подругами то, что сказал психолог. С каждой по очереди. И поскольку грузить каждую из них своими проблемами с утра до вечера я не могла, то вечером еще разговаривала с друзьями из России. В доме был плохой прием, поэтому я выходила на улицу и набирала тетю Лену – жену моего близкого друга и стоя на углу улицы два часа, а то и четыре часа говорила с ней. Так продолжалось месяцами. Спасибо, что они это выдержали. Мне надо было тогда выговариваться... День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем он то возвращался, то уходил, то был нежным и ласковым, то злым и жестоким. И носить это в себе сил у меня не было.

Я постоянно молилась за него, за детей, за еще неродившегося Арсения, за нашу семью. Иногда мне казалось, что мои молитвы услышаны и все наладится. Но его возвращение всегда было временным, а дальше становилось все хуже и хуже. Я сама виновата, что не разорвала сразу этот круг – не закончила даже видимость этих отношений между нами.

На чемпионат Европы 2012 мы с детьми не поехали, там была любовница Андрея. Потом пара журналистов мне рассказывала, что думали, стоит ли об этом написать, но решили, что нет. Они тоже не верили, что мы не сойдемся буквально через пару месяцев.

В общем, Андрей отправился на Евро, а я с детьми и сестрой – в Италию. Ксюше тоже нужна была передышка – маме как раз сделали

операцию по удалению раковой опухоли, и сестра много времени провела с ней в больнице. Я взяла на себя всю организацию – поиск врачей, клиники, оплату, Ксения помогала с уходом и присмотром. Я ей благодарна за это, потому что ни физически ни морально с ребёнком в животе и с мужем в загуле не справилась бы с этим.

С Ксенией вообще рядом очень комфортно. Она, наверно, самый близкий мне человек. С ней хорошо даже просто помолчать. У меня же часто так бывает – я ухожу в диалог сама с собой и пропадаю, Ксюха может провести рядом пять дней и никогда на это не обидится. Это реально человек, который понимает, кто такая я. Такие люди рядом очень важны. Надо признаться, я очень ею горжусь. Она сама добилась всего. У нее мегакрутой английский язык, и она начинала, работая с туристами в Питере, в сувенирных лавках, на экскурсиях, а потом подала документы и сама пробилась работать на Олимпиаде. Сейчас очень хочет работать на нашем чемпионате мира 2018 года, надеюсь, что у нее получится. Что удивительно, она никогда не просила меня помочь ей. Ни в чем.

Мы хотели лететь в Позитано. Я там никогда не была, да и по большому счету мне было все равно, куда ехать. Посмотрели, все отели забронированы. Вита тогда сказала: «Езжайте в Амальфи, это рядом с Позитано». Так и решили.

Это была неожиданно очень хорошая поездка. По разным причинам.

Абсолютно точно, в Италии я еще не до конца понимала, что мой муж уже не вернется. Тем более что он мне постоянно звонил, несмотря на то, что под боком у него была другая. Так что я еще мыслила категориями «семья», в моей крови было думать о нем и создавать для него удобную жизнь. Я закупила в Италии кучу макарон, которые нравятся Андрею и которые так трудно было найти в Лондоне. Меня пытались остановить: «Юль, вы больше не живете вместе, зачем ты это делаешь? Хватит». Но я купила. Он их, и правда, потом все съел, когда никак не уходил из моей жизни...

Будучи в Италии, мы побывали в городе Равелло, где в кафедральном соборе хранится бутылочка с кровью великомученика Пантелеймона. Это святой, который защищает больных. Мы с сестрой молились о маме, за ее здоровье, и она победила рак – в тот момент она как раз восстанавливалась после операции. Можете не верить, я верю!

Там же, в Италии, случилось маленькое чудо, и у меня были тому свидетели.

Лежим с сестрой на пляже – я почти не спала и рано туда уходила, пока все были в кроватях, а тут она пошла за мной. Читает путеводитель

и говорит:

– А ты вообще знаешь, в каком городе мы находимся?

– Нет, – мне так было все равно в тот момент, в голове только то, что происходит в моей семье.

– Ты знаешь главную реликвию и достопримечательность этого города? – настаивает сестра.

– Нет.

– Это мощи святого Андрея Первозванного.

У меня мурашки побежали по телу. Это же чудо: из всех городов Италии выбрать именно этот, быть притянутым им. В этот же вечер мы поехали в храм. Ни одного служащего. Где лежат мощи? Не понимаем. Я в какую-то решетку заглядываю, мечусь. Вдруг подходит старичок с седыми волосами и начинает мне что-то говорить по-итальянски, и я, ни слова не зная на этом языке, на подсознательном уровне понимаю, что мощи в отдельной часовенке, там ступеньки вниз и постамент Андрея Первозванного, огороженный заборчиком. За заборчиком стеклянный люк, где хранятся мощи. То есть ты не можешь их ни увидеть, ни потрогать. Их достают на день его памяти и по каким-то большим-большим церковным праздникам. Тогда же раздают паломникам освященную на мощах мирру на ватке.

Мы зашли туда, вдруг опять этот же старичок. Откуда он взялся? Мы такой круг обходили, спускались, бродили, а он тут – стоит и наблюдает за мной. Я подошла к этой решетке, к этому заборчику, мы там постояли, что-то проговорили про себя, помолились. Вдруг он открывает эту решетку и говорит: «Зайди», – по-итальянски. Я зашла, прислонилась к этому люку, встала на колени с детьми, мы это люк потрогали, постояли, помолились, сказали ему большое спасибо, вышли. Стоим снова около этой решетки, а он наблюдает за всем, что я делаю. Подходит снова, говорит: «Иди сюда». Я иду за ним. Мы обходим вокруг постамента, с другой стороны стоит стол с прекрасной шкатулкой. Он открывает и достает оттуда череп Андрея Первозванного, и говорит, я снова все понимаю: «Прикладывайся». Мне казалось, что у меня в голове был переводчик. Он говорит по-итальянски, но я знала, что он от меня хочет, я отвечала ему по-русски, но он тоже меня понимал. Я даже передать не могу, что это было за чудо. Эти мощи просто так не открываются никогда и никому. Мы приложились, на прощание он подарил нам пакетики с этой миррой на ватке и пропал. Больше я его не видела. Он как появился тогда из-под земли, так и куда-то испарился. Я не знаю, кто это был. Может, ангел? Ангелы же не приходят просто так, они чувствуют настоящую искреннюю

боль.

Я привезла домой эти пакетики. Андрей как раз вернулся в Лондон, и я ему протянула их, а он вдруг завопил: «Убери подальше эту гадость», – стал отбиваться и кричать на меня. Теперь я понимаю, что он просто не заслужил этого дара свыше. Каждый сделал свой выбор. Я молилась за Андрея, просила помочь ему и помощь пришла, а он ее отверг.

Кстати, еще одно – он перестал приходить в наш с детьми дом только после того, как я освятила его. Практически сразу я получила сообщение: «Я принял решение. К вам домой больше ходить не буду, детей буду встречать только на нейтральной территории». То же самое было позже в Питере. Понимайте, как хотите...

Жизнь в параллельной реальности

Как вы уже знаете, чемпионат Европы для сборной закончился плохо. Слова «ваши ожидания – ваши проблемы» Андреем были произнесены. Начался скандал в прессе, фанаты были злы и разочарованы. Я вытаскивала Андрея из депрессии разговорами по телефону часами. Днем. Ночью. Когда угодно. Потом он улетел отдыхать. С другой. И пропал опять. Просто пропал. Пока он был в отпуске, серьезно заболела Янка. Я не выдержала и написала: «Ты знаешь, у нас дочь болеет». Он ответил: «Ну, если случится что-то страшное, ты мне напишешь». И все. И ни разу не поинтересовался, выздоровела она – не выздоровела. Мне интересно сегодня, почему я все это терпела?

Тогда я, кстати, часто вспоминала слова священника, который приходил ко мне в Питере, когда я попала в больницу беременная Арсением. Он говорил, что подарки Бога либо принимаешь все, либо не получаешь ни одного. Когда он это говорил, у Андрея было незыблемое место в сборной, его обожали фанаты, и вот после Евро – на него обрушилась критика, фанаты его освистывали, и его будущее было под вопросом. Он должен был либо переподписать контракт с «Арсеналом», либо ехать в другой клуб, и по большому счету это был его последний большой контракт. Он ждал до последнего и остался на лавке в «Арсенале», просто потому что плыл по течению. «Я его переподпишу 31 августа. Ты же знаешь, у меня все в последний момент». Я сейчас могу понять, о чем он говорил. 31 августа – последний день закрытия трансферного окна. Это не он, Андрей Аршавин, примет решение, куда пойти играть, а это 31 августа все расставит по полочкам. Наступило 31 августа. И ничего за Андрея Аршавина не решило. Он никуда не перешел. Да и в сборную его вызывать перестали. Вот как это можно было объяснить? Тогда, в больнице, рыдающая и раздавленная, я думала, что священник бредит. Потом я раз за разом возвращалась к этому разговору внутри себя. Он был прав: то, что строилось семьей, всеми вместе, только так и могло существовать дальше.

Андрей вернулся в Лондон из отпуска и приехал к детям. Меня дома не было, только няня, Артем и Яна. Он постарался уехать до моего возвращения, но все равно мы столкнулись на выходе. Я помню, что у него был такой виноватый взгляд! Он тут же надел маску безразличия, открыл окно машины и сказал мне: «Я буду жить в гостинице!». «Хорошо», –

ответила я. Всего через пару дней ему это явно надоело, и он решил вернуться домой под предлогом, что мне беременной нужна помощь. Я и тут согласилась с его решением. Андрей попросил подготовить ему другую комнату, но по факту мы спали в одной кровати, и 24 часа в сутки снова проводили вместе. Он снял себе отдельную квартиру только через четыре месяца, уже после рождения Арсения.

Особенно сложно было в тот момент, когда мы остались вдвоем – дети улетели на три недели каникул с моей сестрой. Это был ад – в том плане, что ты живешь с еще любимым тобой человеком, у тебя в животе его ребенок, но подойти к нему ты можешь только тогда, когда он это разрешает или захочет. Он играл со мной, как кошка с мышкой, – отпустил, поближе подпустил, оттолкнул, снова подтянул к себе. И конечно, каждую секунду давал мне понять, показывая, кто в доме хозяин. Он мог сесть напротив, положить ноги на стол и начать переписываться с другой женщиной, громко в голос смеясь, а потом встать и сказать: «Пошли, погуляем». И мы гуляли по пять часов по Лондону, держась за ручку. Посередине прогулки он мог отодвинуться от меня и пойти вперед с пренебрежением, показывая, что он не хочет быть рядом. Если я говорила: «Я поеду домой», – он меня не отпускал.

Особенно показательно его поведение было на концерте Мадонны. Галя мне дала билеты на концерт Мадонны в Гайд-парк под открытым небом. Я уже была с огромным животом, но очень хотела пойти. Андрей собрался со мной и вдруг сказал:

– Мы пойдем с обычного входа, не с VIP.

– Почему?

– С VIP будут стоять журналисты, а я не хочу, чтобы нас вместе фотографировали.

Как такие вещи может произвести человек, который только что проснулся с тобой в одной кровати, ребенка которого ты носишь, у которого с тобой уже есть двое детей? Может быть, виноваты гормоны, но я потеряла чувство реальности. Я жила в двух параллельных вселенных, и перестала понимать, где Андрей настоящий, а где нет. Каждые пять минут его настроение менялось.

Мы пришли на концерт Мадонны, и сидевшие рядом люди начали с нами знакомиться. «Мне сказали, что вы какой-то известный футболист, у вас фамилия на А, кажется. Я тоже известный человек, загуглите, мое имя в списке „Форбс“», – засмеялся наш сосед. Андрей начал с ним разговаривать, но когда подошел момент представить меня, он изменился в лице. Мне было интересно, что он сделает. Кто я? Беременная

приятельница? «Это моя жена», – сказал Андрей с таким пренебрежением, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Впрочем, моя легкость в общении сделала свое дело – мы как-то очень мило разговаривали, и в результате наш сосед по местам предложил перейти в другую VIP-зону, ровно перед сценой, где были все звезды – Кайли Миноуг, Джордж Майкл, какие-то актеры. По мере того, как мне становилось все интереснее и со мной общались все больше, Андрей уходил все глубже в свой телефон и злился.

После концерта мы зашли в ресторан, чтобы переждать пробки. Там столики расположены так, что если ты садишься в угол, то выйти невозможно. Андрей запер меня, достал телефон и начал переписываться со своей любовницей, громко смеясь и что-то комментируя. Будто мстил за мое хорошее настроение.

– Можно я пойду домой? – не выдержала я, вся в слезах, уже без сил. – Отпусти меня, у меня ребенок в животе.

– Нет. Ты, будешь здесь сидеть. Я так сказал.

Особенно тяжело было, когда пришло время планировать кесарево. Мы пришли в больницу, и вдруг он начал орать: «Ты будешь рожать тогда, когда я сказал». Я одна, никого из близких рядом нет, он уезжает на сборы – не дай бог, что случится. Конечно, мне было удобнее назначить кесарево на момент, когда хотя бы сестра вернется. Он не слушал: «Я сказал, ты будешь рожать тогда, когда я сказал!»...

Конечно, мне сделали кесарево, когда того требовали обстоятельства, а не он. Андрей прилетел на следующий день, написал сообщение: «Когда мне можно приехать в больницу?» До этого ему ничего не мешало прийти в роддом, когда угодно, зайти ночью, разбудив весь медперсонал. Я ответила: «Когда хочешь, тогда и приезжай. Это твой третий ребенок. С чего ты начал задавать вопрос, когда можно в больницу?» Я получила восемь или десять сообщений с разницей в 20 минут: «Что? Когда? Как можно?». Сегодня я понимаю, что это была паника. Надо было отвечать за свои поступки – пришло время заглянуть в глаза ребенку, над которым ты издевался все это время: и над ним, и над его матерью. Это сложно. И страшно. Он-таки пришел. Взял сына на руки и ушел в другой конец палаты. Я слышала его разговор с ним. Андрей просил прощения, а потом положил сына в люльку рядом со мной, лег на диван и вырубился на два часа.

Выписали нас быстро, что, в общем, хорошо: лежать в роддоме в Лондоне – непозволительная роскошь даже для богатых людей. Я снова вернулась к привычному быту. Андрей непонятно, жил с нами или нет,

я занималась хозяйством и детьми. Арсений родился здоровым ребенком, но сердце у меня было не на месте, я понимала и знала, сколько ему пришлось пережить еще до рождения. Единственный человек, который мог меня успокоить, – моя педиатр из Питера Джамиля Гиреевна. К британской медицине у меня доверия не было – они в роддоме даже рост ребенка после рождения не удосужились замерить. Джамиля сделала визу и прилетела сразу после рождения Арсения на несколько дней, чтобы убедиться, что все хорошо. Я горжусь, что в моей жизни есть такие люди. Искренние отношения не купишь ни за какие деньги. Как и честность. Несколько дней в нашем доме привели ее в ужас. Мы сидели с Джамилей на кухне и вдруг сверху, практически на нас, посыпались вещи.

– Что это? – спросила она.

– Это Андрей. Он грязные вещи кидает в стирку.

– Не поняла, в какую стирку.

– Ну мне, чтобы я постирала.

– Вы тут все охренели что ли? Что за неуважение? У него вроде бы есть женщина, которая вполне способна ему постирать. Почему ты это терпишь?

Я не нашлась что ответить. Просто не знала. Я привыкла так жить, не понимая, насколько шокирует вообще вся эта ситуация со стороны.

С Арсением оказалось все хорошо, Джамиля улетела, а я осталась жить как жила.

Арсений, кстати, получил свидетельство о рождении в Лондоне. Я хотела назвать сына Александром, но Андрей был против. Мне же страшно нравилось это имя, или Макс, или Даниил. Я хотела пойти наперекор Андрею, но удержали друзья: «Юля, назови, как он хочет. Все обиды пройдут, он еще вернется в семью, пусть будет Арсений».

Я долго не решалась. Примерно месяц одни друзья называли моего сына Максом, другие – Даней, кто-то Александром, а кто-то Арсением. Стало понятно, что дальше так продолжаться не может. Я пошла получать свидетельство о рождении без единой мысли в голове, как назову сына. Сначала ему нужно было получить британское свидетельство, а уже потом в посольстве – российское. И вот клерк меня спрашивает:

– Какое имя?

– Арсений, – голос у меня предательски задрожал. Я была одна, и искушение назвать сына Александром было велико, хотя я понимала, что Андрей обидится.

– А второе?

– Что второе?

– Какое будет второе имя? Вы что хотите, чтобы у вашего ребенка был всего один ангел-хранитель?

– Даниил.

Андрей взбесился даже от такой малости и пошел со мной оформлять Арсения в российское посольство. Пока я заполняла анкету, он, не отрываясь, смотрел, какое имя я запишу, при этом делая независимый вид, будто ему все равно. И моя рука дрогнула. Я написала в графе имя – Арсений.

Чуть позже я крестила детей. Всех вместе. До этого мы никак не могли определиться с крестными, а тут все встало на свои места. У Янки крестные Юра Жирков и Вита. У Арсения – Галя и Леша, муж Виты. У Артема крестная Инка Жиркова и один из наших питерских друзей. Не все присутствовали на крестинах, но записаны именно так. Галя, помню, сразу сказала: «Я буду крестной Арсения». Как иначе? Она его выносила вместе со мной. Я приезжала к ним домой постоянно, став частью кухонного гарнитура, где я сидела за столом, обняв живот руками, и редела навзрыд. Галя ничего не говорила. Не трогала меня. Надо было поговорить – она слушала, надо было помолчать – мы молчали. Я могла поесть, могла заснуть, они с мужем занимались своими делами. Так и жили. Я даже ее не предупреждала о своих приездах, просто садилась в машину и ехала. Я знала, что меня там всегда ждут. Я знаю, что ждут и сегодня.

Крестили в Лондоне. В церкви были только мы с батюшкой. Не потому, что мы ее закрывали, просто был будний день, и никого не было. Андрей приехал, хотя ему это далось тяжело. Альбом с крестин – самый красивый из всех, что у меня есть в жизни, и Андрей очень отличается на фотографиях от себя обычного. У него такое... очень странное лицо. Словно он что-то осознал, словно он проходит через какое-то испытание и понимание, что сделал...

В жизни, между тем, происходило все то же самое. Он приходил и уходил, когда ему угодно. Мне нельзя было разговаривать с ним, мне нельзя было ни о чем его спрашивать. Я выдохнула с облегчением, когда он, наконец, съехал в другую квартиру. Вот только оказалось, что снял он ее за углом в том же районе. Чтобы вы понимали, в Лондоне районы – это такое замкнутое пространство. Там все друг друга знают и можно найти все. Особенно в Хампстеде. И вот на пару недель, пока с ним жила другая, он пропадал, а потом возвращался к нам. Я знала точную дату, когда она уезжает. У меня к этому моменту холодильник был забит любимой едой Андрея. Он приходил сразу после того, как увозил ее

в аэропорт. Однажды утром я не ответила на его звонок, и него случилась паника. Пока он возвращался из Хитроу, он набирал мне раз за разом – у меня было 28 или 30, сейчас не помню, пропущенных вызовов. Он звонил, а я не брала трубку. Это была истерика, что я его не пущу. Сейчас я понимаю, что он каждый раз совершая подлость, думал, что это все. Последняя черта пройдена. Проверял на прочность, и начинал паниковать, думая, что перегнул палку.

На Хэллоуин дети попросили устроить праздник. Я зацепилась за эту идею, чтобы был лишний повод позвать Андрея, окунуть его в домашнюю теплую атмосферу, где будут все свои, где соберутся друзья. Разошлась я не на шутку: украсила дом так, что сбежался весь район. По дому ползали пауки в человеческий рост, летали ведьмы с горящими глазами, повсюду была окровавленная паутина. Дети страшно веселились. Очередь в наш дом за конфетами продолжалась пять часов, няне Рае даже пришлось несколько раз дополнительно бегать в магазин. Но несмотря на такую популярность нашего праздника, моя затея не удалась: Андрей пришел на полчаса и сбежал. Я думаю, что он просто не мог выдержать даже видимости того, что наша семья вместе. Мне было очень обидно, особенно потому, что еще неделю после весь район обсуждал, какой дом у Аршавиных. Мы для них все еще были семьей, и это было больно.

Впрочем, тормоза у Андрея слетели окончательно. Он шлялся по клубам, вел разгульный образ жизни, на Рождественском банкете клуба «Арсенал», куда принято приходить семьями, устроил цирк, снимая каких-то девок.

Под самый Новый год снова прилетела его пассия, так что на праздник к детям он даже не зашел. Ни 31-го, ни первого, ни второго, ни третьего, ни седьмого, ни десятого – детей он так и не поздравил. Пришел ровно тогда, когда она опять улетела. На Рождество я поехала в наш храм, и бабушка, которая там помогает, сказала: «Он был. И первое, что спросил: „А мои приходили?“»

Видимо, только потому, что у глубоко беременной и только родившей женщины мозги настроены на новую жизнь, я не сошла с ума. Правда, именно так думали мои подруги. Помню, как-то ко мне пришла моя приятельница Сабрина, – она еще не знала, что у нас случилось. Я стояла на кухне и крошила салат. Аккуратно так. Кубиками. Сама ей говорю спокойно-спокойно:

– Ты знаешь, Андрей к другой ушел.

– Юль, что происходит? У тебя что, послеродовая депрессия? Как ушел?

И вот она на меня глядит, потом поворачивается к Андрею: тот лежит, развалившись на стульях в кухне, смотрит телевизор. Все как обычно.

– Юль, а что ты делаешь?

– Салат крошу. Ты же знаешь, что Андрей любит, когда все аккуратно и кубиками.

Вот что действительно можно было подумать? Она искренне считала, что у меня психологические проблемы. Это, наверное, и правда так со стороны смотрелось. Все знали, что я родила, а о том, что мы разошлись, никто не знал, пресса об этом не писала. У друзей шок. Они приходили в ресторан, в наши обычные места, и видели его там с какой-то бабой. Или в магазины – то же самое. Опять он с другой. Мне этого рассказывать, по их мнению, нельзя, у меня маленький ребенок на руках. Кому-то он открыто заявлял, что ушел. Они тоже не понимали, как это возможно. При этом рестораны, где он заказывал стол через консьерж-службу, подтверждали все через мой телефон, который был в их базе данных, и я всегда понимала, где и как он проводит время, не желая того. То, что они с его любовницей жили за углом, тоже не облегчало моей жизни. Я выходила на улицу, шла и нос к носу сталкивалась с его пассией у ближайшего «Старбакса». И она умудрялась, вернувшись в Питер, рассказывать о том, какая я «наглая девка» и даже с ней не здороваюсь. Мне это, естественно, рассказывали, а у меня не укладывалось в голове, есть ли у нее вообще сердце, душа, какие-то чувства приличия? Кстати, я никогда не пускала ее в свои отношения с Андреем. Она меня не интересовала. Я не следила за ней, не писала ей. Я просто старалась ее не замечать. Мы были знакомы, но я предпочла и правда делать вид, что ее не знаю, не скатываясь в выяснение отношений.

Из-за детей я начала избегать привычных мест, любимых парков, чтобы не столкнуться там с Андреем, который будет с чужой женщиной и с чужими детьми, понимая, что я никак не могу объяснить это Артему и Яне. Я приходила и брала мясо в лавке, и там удивлялись, сколько же мы можем есть, ведь мой муж уже купил вырезку. Особенно обидно было с елкой. В семье Андрея не было принято ставить живую ель на Новый год. Это именно я его научила так делать, а в Лондоне у нас вообще всегда было две елки. Огромную в гостиную мы заказывали заранее, а маленькую ставили в наыгу спальню и украшали всякими смешными игрушками розового цвета. И вот я пришла за елью к нашему постоянному продавцу, а он на меня смотрит, как на сумасшедшую, и спрашивает, хорошо ли я себя чувствую – ведь Андрей уже забрал дерево домой. «Наверно, я забыла», – пролепетала я ему. Возвращалась домой я, как оплеванная:

он нашу традицию перенес в другую семью и даже не удосужился найти другого продавца. Для него все это было так просто – ходить в наши места, к нашим знакомым, в наши магазины, в любимый парк, не заморачиваясь на поиск новых. Я же каждый раз это проникновение в свое окружение переживала очень остро. Андрей умудрялся даже просить мою скидку в бутиках, когда покупал ей одежду!

Накануне 14 февраля, когда Арсению должно было исполниться полгода, я задала ему совершенно искренний вопрос: «Ты можешь мне объяснить, как так в жизни может получиться, что завтра 14 февраля, День влюбленных, у нас с тобой ребенку ровно полгода, и этот день ты будешь проводить с другой женщиной?» Позже я узнала, что Андрей собирался ей сделать предложение, но что-то его все-таки остановило.

В какой-то момент я жила в иллюзии, что он ко мне возвращается, он со мной, и вдруг наступило прозрение. Он не шел ко мне, а забирал у меня все, что было. В том числе самоуважение.

Если я не подчинялась ему, если начинала задавать вопросы, он грозил вышвырнуть нас детьми на улицу и закрыть карточки. Я не могла и не имела права выйти из-под контроля. Ему очень нравилось жить так – на две семьи. Его все устраивало. Я была все время дома. Дети всегда со мной, и его ждут с любовью. При этом пошел Андрей в другой дом, и там ему тоже рады. Но после родов я стала потихонечку приходить в себя: ушел вес, пришли в норму мозги, и он начал закручивать гайки. Мне устраивали страшные скандалы по любому поводу, я всегда была под колпаком. И дальше по нарастающей. Я могла получить ночью сообщение: «Надень такое-то платье, такое-то белье. Я сейчас приеду». Будто я любовница. Неподчинение было чревато. Мне требовалось чудо.

Перерождение

Меня регулярно спрашивают, что меня спасало в самые тяжелые периоды моей жизни. У каждого свой костыль. И мой костыль – вера.

Я поздно крестилась. Не могу сказать, что осознанно. Так вышло, что моя подруга выходила замуж и хотела венчаться в церкви, а меня пригласила свидетельницей. Я была некрещеной. Это было в первый год наших отношений с Андреем, и я помню, как он уговаривал меня не затягивать с приготовлениями до последнего. Я несерьезно отнеслась к таинству. До такой степени, что поехала на свое крещение даже без креста. «Мы можем его купить в церкви, буквально оловянный, потому что я вряд ли буду его носить, даже не переживай», – говорила я Андрею. Помню, мы купили самый простой серебряный крестик на желтой веревочке. Но во время крещения со мной произошла метаморфоза... Свой простой серебряный крестик я больше никогда не сняла. Веревочка порвалась раз, я ее завязала на узелок, потом еще на один узелок, но она рвалась снова. Когда я забеременела Артемом, то поправилась из-за приема гормонов на 30 кг, и эта веревочка впилась мне в горло. Только тогда я ее заменила на цепочку.

Когда Андрей ушел, вера часто спасала меня в разных ситуациях, давая силы жить, благодаря этой поддержке свыше я не сошла с ума. В самый критический момент я поехала искать чудо к Гробу Господню в Иерусалим. Вы знаете, иногда случается такой миг, что ты уже начинаешь верить только в силы сверху, не надеясь больше на себя. Мне казалось, что скопление этого волшебства только там. Даже не потому, что я верю в Бога. Это была последняя стадия отчаяния. Кто-то в такой миг идет к гадалке, кто-то к шаману, а у меня своя история, и я поехала к Богу – как мне казалось, в самое близкое к нему место. Конечно, в руках у меня была фотография, где мы с Андреем вместе, и в голове пульсировала только одна мысль: «Пожалуйста, помоги».

За эти несколько дней в Израиле и правда многое изменилось.

Свой путь мы с детьми начали с крещения в Иордане. Я не знала, как эта река выглядит, но в моем представлении – она должна была быть огромной, как разливающееся устье, с прозрачной водой, что-то библейских масштабов. Оказалось, что это узкая речка с мутнейшей водой из-за илистого дна, и ты, заходя в нее, вообще ничего не видишь. Впрочем, меня это не остановило. Если ты веришь, ты веришь.

Мы были с Ксенией, Артемом и Яной. С детьми пройти обряд крещения легко – они на руках, быстро опустил в воду и достал, а самой сложнее. Вода ледяная, а надо три раза окунуться с головой, при этом сводит ноги, а вокруг ил и муть – страшно, как на рельсы лечь. Первый раз окунулась, второй, а на третий я поняла, почему младенцы кричат после рождения, каково это, когда легкие обжигает воздух. Мне было не раздышаться. Это был первый вздох новой жизни. Я приехала за одним – с фотографией и желанием вернуть прошлое, – а уехала оттуда с пониманием, что значит верить. Верить – это не просить чего-то определенного по списку как у Деда Мороза перед Новым годом. Верить в Бога значит понимать, что данное тебе им лучше, чем то, что ты просишь. Принимать то, что он дает, с радостью и благодарностью. Это не так легко сделать, фраза «все, что ни делается, к лучшему» – произносится часто, но принимается не всегда. Как выясняется, в результате, всем дается по вере.

Вот и я начала верить по-другому: перестала просить, топтать ногами и капризничать, думая, что я лучше знаю, что мне нужно, – и со мной начали происходить разные прекрасные вещи. Там было очень много каких-то необъяснимых событий.

Я очень хотела увидеть своими глазами частицу креста животворящего. Он находится в храме Гроба Господня. Я спрашивала, как они работают. «Да как, – отвечали мне. – Нет у нас графика работы. Когда откроем, когда не откроем». Мы пришли раз, пришли два, было закрыто, а потом, уже улетела моя сестра, у нас были собраны вещи и всего полтора часа свободного времени, меня дернуло. Я сказала детям: «Нам идти до храма пешком 15 минут. 15 туда, 15 обратно, сходим, вдруг открыли?» И мы пошли. Там было открыто, и не было паломников, мы были наедине со всем, что там хранилось. Еще одно чудо.

Конечно, вера не предполагает – сижу и жду, нужно все-таки что-то делать. Просто почувствуйте эту грань между «хочу и жду» и «хочу и делаю». Это две разные вещи.

Я вернулась с другими мыслями, но нужно было время, чтобы в моей голове все устаканилось. Окончательное решение о том, что делать, было мною принято после того, как я чуть не умерла.

На границе жизни

Суббота. Так получилось, что мы с детьми были одни без няни. Мы все вместе на кухне. «Мама, давай блины», – и мы дружно готовили завтрак: два старших за столом, младший на руках. Артем решил, что хочет блины с черникой, как папа. Я залезла в холодильник. Достала чернику, кинула две ягоды в рот, а дальше буквально за секунду меня скрутило. Я к физической боли отношусь с легкостью, но тут было что-то за гранью.

Последнее, что я помню, как набрала номер – не Андрея, который жил за углом, будто внутри себя понимая, что рассчитывать на него не смогу. Не знаю, откуда что взялось, как этот инстинкт самосохранения сработал, но я позвонила подруге. Ее тоже зовут Юля, у нее тоже трое детей, поэтому она редко отвечает на звонки – чтобы их не разбудить, ее телефон постоянно стоит на виброрежиме. Каким-то чудом, но Юля заметила звонок: «Я умираю, дома никого нет, только дети, пожалуйста, помощи». Когда она приехала, двери ей уже открыли дети. Я была практически без сознания на полу. Младшему было на тот момент семь месяцев, и наверно только поэтому я пыталась еще контролировать свое состояние. Когда приехала Юля, я отключилась. Она позвала еще одну нашу подругу Таню, вызвала скорую. Тогда-то я полностью оценила британскую медицину и поняла фразу: «В Лондоне болеть нельзя». Вернее, тогда я мало что понимала, а вот позже вполне осознала.

Когда Юлька еще будучи в пути позвонила в скорую и описала ситуацию, ей сказали, что приезжать не будут, потому что я в сознании и смогла связаться с ней сама. Приехав ко мне, она вызвала врачей еще раз, потому что я уже практически потеряла сознание, жаль, что не полностью – я то приходила в себя, то снова теряла контроль, но все это время меня разрывало от боли. Я ползала по полу и выла. Я хватала врачей за ноги и умоляла помочь, а они с равнодушными лицами спрашивали, на каком основании я проживаю в Лондоне, как давно, чем занимается мой муж, где он находится, почему я дома одна, вопросы, не касающиеся моего здоровья никаким образом вообще. Если честно, я этого не помню, мне рассказали. Я просто физически от боли не могла ничего понимать, что мне говорят.

В итоге через 40 минут адской боли, каждую секунду из которых я помню, они приняли решение, что отвезут меня в больницу, но на носилках не понесут, потому что выпал снег, скользко, и отвечать за то, что они

поскользнутся и меня уронят, не хотят.

В машину скорой меня отнесли мои подруги. Когда мне вкололи там морфий, стало только хуже: боль осталась та же, но пошевелиться я уже не могла, чтобы хоть как-то ее облегчить.

В больнице мы заново пошли по адскому кругу: меня два часа оформляли, спрашивая все, что уже было записано дома. Только в два часа дня я попала, наконец, в палату и ко мне пришел врач. Он, конечно, пришел, но лишь для того, чтобы сказать, что сегодня ничего не будет, потому что суббота, и УЗИ не делают. «Если до 7–8 часов боль не отпустит, мы ее вскроем, посмотрим, что у нее внутри, и решим», – сказал этот эскулап моим подругам. Они оторопели: «Как вскроете? Мы в 21 веке живем. Вы что, ставите диагноз по методу вскрытия? О чем вы?»

Слава Богу, что в больнице тогда собрались самые близкие мне люди – там были и Вита, и Галя, и Юля, и Таня. Они оперативно принимали решения и звонили, поднимая на уши всех знакомых. Они же приняли решение, что так продолжаться не может, и ждать еще несколько часов и вскрывать – это не метод. Что самое интересное, за столько лет жизни в Лондоне, они ни разу не столкнулись с британской медициной в таком ключе. Одно дело – ОРВИ, другое – срочная операция, да еще и в субботу. В какой-то момент они даже растерялись и в итоге позвонили русскому врачу, который сказал, чтобы меня срочно перевозили в платный госпиталь из этой больницы. За мной заново приехала скорая, уже из другой клиники, вот только эта отдавать меня отказалась: «Мы ей вкололи такую дозу морфия, что не имеем права отпускать. Она в наркотическом опьянении». Если честно, дальше было шпионское кино. Меня выкрали из больницы: когда медперсонал отвлекся, положили на носилки, быстро выкатили и засунули в машину. Я думала, такое только в Голливуде снимают.

Меня отвезли в другую больницу, где, естественно, сразу отправили на МРТ, чтобы посмотреть, что же случилось. Было уже 7 вечера, я потеряла счет часам моей пытки. После МРТ мне, наконец, вкололи что-то, что сняло боль, сделало ее не такой острой – терпимой.

После результатов МРТ врач бегом прибежал в палату. По его словам, меня привезли даже не вовремя, а с опозданием – меня надо было срочно оперировать и промедление было опасно для жизни. После третьего кесарева у меня образовались спайки, так что матка придавила кишечник, и я чуть было не стала инвалидом. Еще б чуть-чуть, и мне бы отрезали часть кишечника.

Я этого в своем забытии не понимала. «Доктор, мне стало так хорошо, у меня прошла боль, может, вы ошиблись? Не режьте меня, пожалуйста,

я вас очень прошу, вы мне сейчас располосуете весь живот, мне еще замуж выходить, нового мужа искать. Пожалуйста, не надо», – в полубреду произнесла я, и услышала голос Андрея: «Если нужно – режьте». Он шел откуда-то издалека. Я слушала этот голос и думала, что умерла. Открыла глаза, и правда он. Оказалось, что Галя позвонила Андрею с просьбой приехать в больницу, так как могли понадобится его подписи на предоперационных документах. В стране я была все еще по его визе, как партнер, и в Лондоне официально он считался моим ближайшим родственником. Но Андрей не захотел ехать: «Я не могу. У меня вечером театр». Тогда Галя рассвирепела, сама поехала к нему, позвонила в дверь и сказала: «У тебя всего пять минут, чтобы одеться и спуститься. Жду в машине». Он лишь поэтому приехал – побоялся ее послушаться, она может быть очень жесткой.

Когда я проснулась после наркоза, там были только мои подруги, Андрея не было. Он уехал, не дождавшись окончания операции. Он, в принципе, не дождался даже ее начала.

Через десять дней я выписалась из больницы. За все это время Андрей лишь однажды привез мне детей. Второй раз не захотел, отказав даже в такой малости. Мои подруги, у каждой из которых есть своя семья, сидели со мной, нянчились все это время. Моя соседка по Хэмпстеду Ира каждое утро готовила и привозила мне ту еду, которую разрешили врачи – после операции я долго сидела на строгой диете. Таня заботилась о моих детях. Другие девочки помогали во всем, практически не выходя из моей палаты. Это было тем более для меня странно, что рядом, недалеко от клиники, жил отец моих детей, с которым мы прожили вместе десять лет. И ему было совсем не интересно, что с нами происходит в этот тяжелый момент.

Таня забрала детей к себе сразу, как только меня увезли на скорой. Они были в страшном шоке – рыдали не переставая, спрашивали, где мама. Она им объяснила, что мама скоро поправится и вернется, так что дети хотя бы пришли в себя. У Тани огромный дом, и Артем с Яной чувствовали себя там как принц с принцессой: успокоились, разыгрались, перестали плакать. Но вот одежды и каких-то необходимых вещей у них с собой не было – Таня забрала детей как есть, было не до сборов. Девочки попросили Андрея привезти нужные вещи. На удивление, он согласился. Приехал. Дети радостно выбежали в нему:

«Папа, оставайся, тут такой большой дом, тебе Таня даст комнату, мы будем вместе!». «Конечно, оставайся, детям так будет лучше», – согласилась Таня. Но Андрей отказался, в ответ предложив их забрать

с собой – туда, где его ждала любовница со своей дочерью. Конечно, Таня не согласилась, да и Андрей не настаивал. Развернулся и уехал. И слава богу. Иначе бы мне пришлось еще им психолога искать: воющую от боли мать увозят в больницу, а папа приводит их к другой тете. Для меня не странно, что он не хотел приехать домой и жить с детьми там или остаться с ними у моей подруги. Нет, он хотел сделать так, как удобнее ему. Впрочем, как обычно.

После этого я начала себя ловить на мысли, что когда кто-то говорил фразу: «Да он вернется», – меня это стало раздражать. Есть, наверное, в жизни точка невозврата. Он год жил на две семьи, и я все чего-то ждала, во что-то верила. По дороге домой из больницы я, наконец, поняла, что началась моя новая жизнь, без Андрея. Других доказательств, что уже пора разорвать наши отношения навсегда, – мне было больше не надо.

Загнанная в угол

Через десять дней после выписки из больницы Андрей пришел, чтобы подарить Яне подарок ко дню рождения, демонстративно подчеркнув, что покупал его без меня. Я никак не отреагировала на этот выпад и очень спокойно попросила перевести на меня парковку. Он отказался. Я снова попросила – я не могла ставить машину около дома, потому что все было оформлено на него. Не говоря ни слова больше, он меня ударил. Я отлетела метров на пять – до сих пор не понимаю, как у меня не разошлись швы. От боли, обиды и унижения я заплакала. Он почти сразу ушел.

Я тогда его пожалела, если бы я вызвала полицию, то это поставило бы крест на его футбольной карьере на всю оставшуюся жизнь. А вот почему я его пожалела после такого, я не знаю.

К тому моменту было понятно, что Андрей, скорее всего, вернется в Питер. С «Арсеналом» дела были совсем плохи. Он не попадал даже в заявку, даже на лавке в числе запасных для Андрея места уже не было. При этом он сам отягощал ситуацию, не показывая тренеру рвения и желания работать. Я пыталась еще по старой памяти донести до него, что он так добьется только того, что футбол совсем уйдет из его жизни: «Ты приезжаешь на базу самый последний, уезжаешь с тренировки первым. На стадион не ходишь. Как на это должны реагировать в клубе, потвоему? Ты делаешь все, чтобы футбола для тебя дальше не было. Если ты любишь свое дело, то почему же так наплевательски к нему относишься? Или ты готов воспринимать футбол в своей жизни, только если играешь в «Барселоне» и всегда Лигу Чемпионов выигрываешь?»

Андрей мог бы продолжить играть в другом клубе, но для этого надо было перестать вести себя как капризное дитя, он должен был собраться и работать, показывая свое желание играть. Он мог сделать это, но «ночная кукушка дневную перекукует». Раньше Андрей всегда советовался со мной по всем футбольным вопросам и мы принимали решение вместе, исходя из того, что будет лучше для него. Мои советы больше не были нужны. Теперь в жизни Андрея была другая женщина, но в семье спортсмена не может быть двух эгоистов. Карьера слишком стремительна и может закончиться в любой момент, поэтому я всегда понимала, что решения, направленные на ее продолжение, важнее моих амбиций и желаний, тем более, что это важно для всей семьи. Мне кажется, там под него никто не подстроился. Его тянули туда, куда было выгоднее не ему как человеку

творческому, а просто из меркантильных соображений и соображений удобства. Как я понимаю, его любовница настояла на возвращении в «Зенит», а Андрей поплыл по пути наименьшего сопротивления. Я же собиралась остаться в Лондоне с детьми. Мы договорились об этом, и его видимо мучил тот факт, что ему больше не над кем будет командовать, что время его диктатуры заканчивалось, а насилие – последний метод воздействия.

Оказалось, что я зря радовалась нашей договоренности. Андрей «передумал» и решил, что мы должны переехать вслед за ним. Он не понимал слов, не слушал меня, когда я спрашивала, зачем мы поедем туда, если он живет с другой женщиной и мы уже давно разошлись. Он мне ничего не объяснял. Я просто должна была подчиниться.

Сегодня я могу сказать одно: если попадаешь в такую ситуацию, как у меня, надо бежать сразу. Пластырь всегда легче отрывать молниеносно, чем выдергивать по одному волоску. Мне не надо было пытаться выстраивать отношения заново. Не надо было давать хотя бы один шанс довести ситуацию до этого. В тот момент я уже это понимала, так что сказала, что мне ничего не надо, мы просто должны, наконец, расстаться.

Тогда снова вмешались мои друзья. Они встретились с Андреем и привели кучу доводов, почему детям надо остаться в Лондоне: что они тут учатся, что они любят этот город. «У меня нет на это денег», – ответил Андрей. «А сколько ты готов давать на детей?», – спросила его Таня. «Вот столько-то. Но ты же знаешь, что этого не хватит», – сказал он моей подруге. «А ты у Юли спрашивал?»

Когда он ко мне приехал, я согласилась на ту сумму алиментов, которые он предложил. Мне было все равно, насколько маленькой будет наша квартира, в чем придется себя ограничить, – это просто должно было закончиться. Андрей же изобретал кучу причин, почему мы должны вернуться, как ему важно, чтобы дети были рядом. Отговорки, просто отговорки. На сегодняшний день он не видел своих детей два года и даже ни разу не спросил, где, как и на что они живут. Это было лишь желание, чтобы я переехала и продолжала существовать под его надзором. Он очень боялся, что у меня может начаться другая жизнь. Без него. Более яркая. Более интересная. Хотя бы более свободная. Больше он не отвечал на звонки моих друзей. Мне же заблокировал карточку, узнав, что я посмела выйти в ресторан поздравить свою подругу с днем рождения. За последний год это был первый и единственный раз, когда я вышла куда-то в люди. «Меньше по ресторанам надо ходить», – сказал он мне.

Тотальный контроль во всем. И в Питере, как я понимала, было бы только хуже. Что я буду там делать? Достраивать дом для его новой семьи и чужих детей? Я знала, что его подруга уже собирается там жить и страшно бесится, что ремонт не одобрен ею – чертежи и макеты все еще присылали мне, ее он тоже ставил перед фактом, что интерьер будет таким или таким. А где мы с детьми будем жить? В старой квартире? Так она ровно напротив базы «Зенита», дом недалеко. То есть мы снова будем нос к носу. Все как в Лондоне, только это еще и город, в котором тебя знает каждая собака.

Решение было принято после школьного спектакля Яны. Андрей приехал раньше и попросил меня сесть в машину, чтобы поговорить. По сути разговора не получилось. Он накинулся на меня, практически разрывая одежду, а сил говорить «нет», находясь рядом с ним, у меня пока еще не было. В глубине души, сидя дома или разговаривая с друзьями, я понимала, что нашим отношениям конец, но рядом с ним я попадала под его влияние тут же и беспрекословно ему подчинялась, ненавидя себя потом за это. За нашу близость.

В общем, на спектакль я пришла, кое-как завязав плащ и прикрывшись им. Сидела, думала, как же жить дальше – в Питере все будет куда хуже. А может, не будет? Наблюдая его в благодушном настроении, я решила понять, что же все-таки меня ждет, и подыграв ему, сказала:

– Я передумала. Ты прав, я переезжаю в Петербург.
– Молодец. Наконец-то. Полтора месяца со мной воевала. Ради чего?
– Я поняла, что была душой. Но в Питере же нет машины. На чем мы будем ездить?

– Все будет. Я куплю тебе машину, – говорит Андрей с самодовольной улыбкой, человек, у которого еще недавно не было денег на оплату школы для наших детей. – Какую ты хочешь?

– Ты же знаешь, я люблю мерседесы, – я набираю в поисковике Мерседес, и он выдает картинку Мерседес CL AMG.

– Ты что? Зачем тебе такая? Ты знаешь, сколько она стоит? – и подумав секунду, – Ладно, будет тебе эта машина.

– А когда я открою дверь, будет ли там стоять Биркин цвета киви? – продолжаю я.

– Будет.
– А когда я открою сумку, там будет колечко?
– Губа у тебя, конечно, не дура. Ты хотя бы до дня рождения потерпи, будет тебе колечко.

И вот тогда я поняла, что это конец. Я буду жить под тотальным

контролем, и пока я в чулочках с подносом буду обслуживать Андрея, не выходя из дома без его ведома, у меня все будет. И это самое все у меня будут забирать при малейшем признаке неподчинения, при малейшем движении брови на смс, которое придет Андрею. Ему очень удобно было бы так жить, а я сойду с ума. Я себя не соберу. Я не подписывалась быть любовницей и не собиралась играть в игры по чужим правилам, которые мне противны. Я не хотела ждать, когда Андрей успокоится, отпустит меня и просто выкинет на улицу.

В свое время на претензии Андрея и жалобы, наш общий друг ему сказал: «Андрей, ты загнал ее в угол. Она не нападала. Ей просто дальше отступать некуда. И она в этом углу не кусается, она по-прежнему без оскала с тобой». Мне и правда дальше было некуда отступать, позади была стена. Я точно знала чего мне ожидать в Питере. У меня вырисовалась четкая картина: я сопьюсь или сойду с ума. Своими поступками я все это время делала только хуже. Когда ты позволяешь человеку двигать твои границы, ты не улучшаешь отношения, ты их зарываешь в могилу. Дальше он бы меня просто раздавил, и меня бы не вернули. Я уже была почти раздавлена. Кем я стала? Как я могла с радостью реагировать на ночные сообщения: «Я сейчас приеду, надень чулки»? Помню, как няня Рая в очередной раз, открыв Андрею ночью дверь и увидев, как он даже без «здрасьте» и тени стыда просто поднимается ко мне в спальню, с утра мне сказала: «Зачем ты это делаешь? Тебе не противно от себя самой? Мне за тебя стыдно, что ты позволяешь о себя вытирать ноги и пускаешь его в свою постель». Тогда я осознала, как глубоко меня затащило. Я не понимала, насколько все это грязно и отвратительно выглядит со стороны. Настолько, что даже моя мега-спокойная Рая не выдержала. Та самая Рая, которая год поддерживала меня во всем, переживала всю эту историю вместе со мной, кормила меня с ложки, когда я беременная впала в депрессию и отказалась от еды, терпела все мои слезы и причитания. Стоит сказать спасибо ей за правду. Это было холодным душем.

Через неделю после спектакля в школе и нашего разговора Андрей собрался улететь отдыхать в Майами со своей пассией, а мне надо было успеть за эти семь дней найти адвоката и подать в суд. Это были мои первые быстрые шаги в новую жизнь, жизнь без Андрея...

Справедливость по-британски

Благодаря своим друзьям я довольно быстро нашла адвоката и уже на следующий день после своего решения сидела у него в офисе. Сразу оговорюсь, я не хотела судиться с Андреем, в мои планы входило сесть за стол переговоров, но сделать это можно было в нашем случае только с участием третьих лиц. Меня Андрей не слушал и не слышал.

Мой адвокат Сара составила все документы и уже был назначен день, чтобы отнести их в суд и подать прошение арестовать счета Андрея, и тут я пошла на попятную. Мне снова надо было с ним поговорить, убедить его в том, что мы должны жить порознь, чтобы он не вмешивался в мою жизнь. Как обычно, он не стал меня слушать, так что вариантов у меня больше не оставалось.

И вот мне надо явиться на заседание. «Только оденься поскромнее, – сказала мне Сара. – И никаких джинсов и кроссовок». Меня это страшно удивило. Почему я должна думать, в чем мне пойти в суд? Суд – это последняя справедливая инстанция. «Неужели решение может зависеть от того, как человек выглядит?» – думала я. Оказалось, что в британском суде вообще многое возможно...

В назначенные день мы с Сарой пришли на заседание. Здание лондонского суда невероятно красивое и изнутри, и снаружи, но, честно говоря, лучше не сталкиваться со знанием этих подробностей никогда.

Суд – это такой минитеатр, где главная роль отведена тебе. Меня, наверное, только то и спасало от обморока, что не отпускало ощущение, что все происходящее нереально. Судья вышел по всем правилам, процедурам, представился, что-то написал, потом взял наше дело и сказал, что удаляется для ознакомления. На первый суд мой адвокат приехала с сумкой-почтальоном, мое заявление было примерно с эту книгу, которую вы читаете. Там было описано все произошедшее. Через пару месяцев Сара приходила на заседания с чемоданом на колесиках...

Судья вернулся через некоторое время, задал один или два вопроса и вынес решение арестовать счета. Что меня поразило больше всего: ни судье, ни адвокату было неважно, сколько денег я трачу, какой у меня дом, на какой машине я езжу. Для них было главным, что меня лишили личной свободы. Все, что я имею, – лишь зависимость от кого-то. Из моей истории было очевидно, что и я, и дети зависимы от настроения Андрея, что нас выкинут на улицу, как только я решу жить своей жизнью. В какой-

то момент Сара сказала: «Вы разошлись. И получилось так, что он имеет право на свободу и на жизнь, а тебе он этого права не дал. Потому что каждый твой шаг на пути к этой свободе отзывается криком: „Я закрою тебе кредитные карты“. Ты имеешь право не видаться с его мамой, не видаться с ним и жить так, как хочешь ты! Ты имеешь право на личную свободу».

Это тяжело понять здесь, в России. Во фразе «золотая клетка» скорее замечают слово «золотая», а не «клетка». Андрей тоже не мог этого понять. Позже он орал всем и каждому: «Какого черта она пошла в суд, если я за все платил, что ей еще надо?» То, КАК он за все платил и какой жизнью ради детей и их безопасности он заставлял жить меня, было неважно.

Мы много говорили с Сарой, и уже понимая менталитет русских женщин, она не раз и не два предупреждала меня: «Юля, ты сядь и подумай, потому что вы, русские женщины – очень странные. Сейчас ты живешь на такую сумму, а будешь жить на гораздо меньшую, но будешь делать то, что хочешь ты, никто не сможет у тебя отнять ее! Ты подумай сто раз и выбери сама. Далеко не все выбирают свободу, кто-то возвращается в золотую клетку». Я свое решение уже приняла. Мне нужна была свобода. И если для того, чтобы обеспечивать своих детей, Андрею нужна была встряска, я ее собиралась ему устроить. Я знала, этому человеку всегда будет мало, он в своем безумстве власти дойдет до абсурда. Сначала я плохая и меня нужно наказывать, потому что я не пускаю его друзей в дом, потом я буду не так стоять, потом я буду не так дышать... Он не остановится. Вот с таким посылом мы и пошли в суд.

Итак, постановление арестовать счета было вынесено, оставалось только разослать письма в банк. Сара как раз собиралась этим заняться, но я решила дать Андрею еще один шанс выслушать меня.

Я позвонила: «Пожалуйста, ты уедешь из Лондона, непонятно, где ты будешь играть, оставь нас с детьми в Лондоне и позволь жить своей жизнью». Это была моя последняя попытка. Я каталась кругами по центру города, где-то останавливалась на парковке, когда не могла говорить – слезы душили. Он закончил разговор тем, что у нас остался последний месяц в Лондоне. Дальше: или мы с детьми возвращаемся с ним и живем, как он скажет, или он заблокирует карты и мы будем жить на улице. Я попыталась снова объяснить ему, что он уже ушел и давно живет с другой. «У тебя еще три минуты, две... – сказал мне презрительно Андрей свою уже привычную за год фразу, – одна, все». Он бросил трубку, я, рыдая, позвонила Саре и дала отмашку на рассылку писем в банки.

Счета Андрея были арестованы. Пока туда-сюда пересылали письма,

он уже был в Майами и узнал об этом там постфактум. «Летите, летите, голуби, скоро воду из бассейна пить будете», – узнав об отпуске Андрея в Майами, приговаривала Вита. Она ходила со мной к адвокатам и в суд, и, узнав об аресте счетов, страшно обрадовалась, думая, что совсем скоро всему этому кошмару придет конец. Своим поведением Андрей достал за этот год моих подруг не меньше, чем меня. Они расхлебывали все его подлости, утешая меня. Однажды Галя сказала, что мы с Андреем, конечно, можем помириться – в жизни всякое бывает, но они с девочками его простить за все, что он со мной сделал, уже не смогут.

После решения об аресте счетов настало время запасаться провизией. Я, по совету адвоката, которая знала, что отложенных денег у меня нет, поехала за продуктами в гипермаркет. Ведь счета должны были арестовать не только для Андрея, но и для меня. Более того, в отличие от него, у меня запасов и счетов в России не было. Мне много раз советовали откладывать на черный день, но я, по наивности, таких советов мудрых товарищей не слушала, думая, что наша семья навсегда вместе.

В магазине, куда мы приехали с няней, на нас сбежалась посмотреть вся охрана. Я купила только предметов женской гигиены на три года вперед. Упаковок с куриным филе мы взяли, наверное, тележку. Мы привезли домой очень-очень-очень много еды. Продавщица на кассе, такая обаятельная барышня, подняв бровь, спросила меня:

– Are you having a big party?

– No, it is divorce, – ответила я.

После того, как счета Андрея арестовали, а ему пришли письма о том, что я подала на него в суд, он, наконец, понял, что я не шучу, и нашел себе адвоката. Это был наш старый знакомый – Миша. Андрей познакомился с ним еще в наш первый год в Лондоне, с тех пор мы, можно так сказать, дружили семьями. Мне всегда было очень интересно общаться с Мишей. Он образован, он знал Лондон, и с ним можно было говорить на любые темы. В семье он выполнял ту же функцию, что и я в своей – отвечал за быт, так что его опыт поначалу мне пригодился. Я помню, что мы с его женой Эвелиной поехали вместе в Париж. В 8 утра раздался звонок. Миша. «Юль, вставайте, потому что вам через полчаса желательно выйти на завтрак, примерно через час у вас машина, а в 10 вы должны быть на Эйфелевой башне, у вас экскурсия». Я чуть не упала в обморок. Подобным планированием и постоянным напоминанием даже с другого конца мира для Андрея обычно занималась я.

Миша знал и о том, что происходило последний год в нашей семье. Вместо того чтобы перейти сразу к мировому соглашению, Миша настроил

Андрея судиться. Думаю, он своих внуков и тех обеспечил таким решением. Тяжба в Лондоне – дорогое удовольствие.

Я подавала в суд вообще только для одного – чтобы арестовали счета Андрея. Это был призыв к диалогу – это все, что я от него хотела. Встряхнуть его, чтобы он, наконец, начал со мной говорить, пусть даже через адвокатов. Такое решение ему подсказало бы большинство юристов, тот же его друг Джо, который помог ему разрешить вопрос с Денисом Лехтером. Но Андрей пошел к Мише. Они решили доказать суду, что я заранее и задолго готовилась к подобному исходу и даже снимала деньги со счетов. Это была ложь. У меня не было сбережений. Мои счета все были потом предоставлены судье, да и снять особо много я не могла – везде стояли лимиты. У меня настолько не было своих денег, что в какой-то момент, пока нам с детьми не было назначено судом содержание, я жила только за счет друзей. Хоть продуктов мы и закупили, но расходы на семью никто не отменял, и спасибо им, они помогли продержаться в тот период.

В общем, переговоров Андрей не захотел, несмотря на то, что даже судья советовал сделать именно так – подписать мирное соглашение. Оставалось ввязываться в процесс.

В день слушания я приехала к Саре и увидела, что она фиолетового цвета.

- Мы проиграем процесс, – сказала она мне.
- Как это? Ты чего? Вчера же еще ты мне говорила, что все хорошо.
- Нам поменяли судью.

Оказалось, что тот человек, которого нам назначили, выбирал себе специально процессы с арестом счетов. В Англии прецедентное право, и он хотел создать те самые прецеденты в семейных делах, на основе которых можно вести дела в будущем, не блокируя счета. Но для того, чтобы узнать, что такое дело существует, нужно было ему об этом донести, что, скорее всего, адвокаты Андрея и сделали.

В общем, после долгого заседания судья постановил разблокировать часть счетов Андрея, еще часть оставил арестованными, с них нам автоматически перечислялось пособие на жизнь на время суда, и некоторая сумма была заблокирована на дом. Андрей должен был купить детям жилье, в котором они будут жить до совершеннолетия. Кроме того, судья вынес решение, что дети будут жить со мной, но на них Андрей даже не претендовал.

Поскольку решение, сколько нам с детьми нужно на жизнь, зависело от меня, то я запросила и получила такую сумму, что создала еще один прецедент. То есть теперь, если кто-то будет судиться, на процессе будет

озвучено: «По делу Аршавиной-Барановской в таком-то году было назначено такое содержание, мы требуем столько-то».

Что было странно: англичане очень традиционные люди, у них сожителство не приравнивается к браку, по закону мы с Андреем были только партнерами. При этом на всех заседаниях нас называли мужем и женой. Когда мы вышли со слушанья впервые, я спросила у своего адвоката: «Мне же это не слышалось?» Наверно, это тоже можно считать прецедентом.

Новая встреча и новый обман

После начала суда Андрей очень быстро согласился перейти в «Зенит». Мы с ним все время, пока шел суд не разговаривали. Только наши адвокаты. Это было странно. С одной стороны, я была свободна, с другой – такое было впервые за десять лет моей жизни, и конечно, внутри меня образовалась пустота. Вы не представляете, что я тогда чувствовала. Никогда не подавайте в суд на людей, которых вы любите, никогда. Я каждый день сжирала себя от ненависти к тому, что я совершила, для меня это было преступление – я подала в суд на человека, который столько лет был моим мужем... К моменту нашей встречи я доела себя до такой степени, что мне было уже неважно, как он вел себя последний год, все забылось. Я занималась самоистязанием от чувства вины.

В августе Андрей приехал повидать детей, и я подумала, что нам все-таки стоит сесть за стол переговоров, иначе адвокаты нас втянут в бесконечную разборку. Я все еще заботилась о нем. Будь по-другому, я бы просто жила в Лондоне за счет выплачиваемых мне судом средств. Ведь и школу, и дом, по решению судьи, оплачивал Андрей. Все козыри были у меня на руках. Это его счета были арестованы, это ему приходилось раз за разом платить адвокатов. И все же я сделала первый шаг. Опять.

Я приехала к нему в отель, вызвала его на ресепшн с просьбой поговорить спокойно и без посторонних людей, потому что шутки закончились и надо как-то все решить. «Номер 318. Поднимайся», – ответил он.

Конечно, я поднялась в номер – я все еще любила его и очень соскучилась. Мы не спали вообще. Мы не могли расстаться. Мы не могли наговориться. Мы не могли остановиться. Это был бесконечный диалог. Бесконечный, непрекращающийся диалог рук, губ, тела... Он говорил, как ему плохо. Говорил, что живет не своей жизнью. Говорил, что живет не так, как он привык, не так, как ему нравится, что ему приходится делать огромное количество вещей, которые он не хочет, и как его все раздражает.

В какой-то момент я увидела в его чемодане детские кроссовки. Мальчуковые. Я знала, что у его женщины ребенок старше на год, чем Артем.

– Что это?

– Ну, ты же понимаешь, кому эти кроссовки?

– Я понимаю, что это то, чего я не хочу понимать.

Мне стало плохо. Он стал плакать:

– Отдай эти кроссовки Артему, Юль.

– Поздно уже. Ты их вез не Артему.

Мы вышли утром из отеля.

– Куда ты поедешь? – спросила я.

– Я пойду оплачивать твоих адвокатов, – ответил он.

Мы разошлись в разные стороны.

Вечером он забрал детей, и мы все вместе снова вернулись в отель, и так прожили два дня до его отъезда. Мы спали в одной кровати вместе с детьми. Если хотели побыть вдвоем, то уходили в ванную, как раньше. И естественно, мы договорились о мировом соглашении, которое больше было выгодно ему, чем мне. Там было все, что он хотел видеть. Мои подруги и сегодня считают, что он пошел на это видимое примирение и играл со мной в любовь намеренно. Я же не могу, не хочу в это верить, иначе я растопчу себя как женщину. Вот только трудно не признать, что у него был трезвый ум в тот момент, в отличие от меня. Я же соглашалась на все, что угодно, даже вернуться в Питер, чтобы окончательно расставить точки над и, разрешить все проблемы, да еще и остаться в хороших отношениях.

Андрей улетел. Я точно знаю, что в тот момент он жил один, потому что мы каждый день говорили по скайпу по три-четыре часа. Мы снова и снова обсуждали мировое соглашение и будущее. Он будто приглашал меня на какой-то садисткий танец. Продавливал один пункт и смотрел, пошлю я его или нет. Второй. Третий. И снова смотрел. Я каждый раз шла на уступки. Мой адвокат сто раз повторила: «Что ты творишь? Что ты творишь?» Но меня было уже не остановить, видимо, мне надо было пройти еще этапы унижений, чтобы окончательно стать свободной. Пережить одно-то расставание сложно, он же уходил снова и снова. И каждый раз через ад.

При этом его счета в Лондоне были все еще арестованы. Так что по большому счету все зависело от меня. Подписываю мировое соглашение – у него все хорошо. Нет суд продолжается и закончится для него куда как большими тратами.

В тот момент у нас с детьми заканчивались визы. Их можно было продлить в Лондоне, но легче и быстрее было это сделать в России. Андрей сам предложил нам вернуться в Питер. Сказал, что подключит к этому вопросу «Зенит» и пойдет с нами в посольство. С его разрешением на выезд и ходатайством мы бы получили все документы на руки дней за пять.

Господи, как же можно было еще доверять ему? Ведь в Лондоне я была в безопасности, а когда прилетела с детьми в Питер, то попала на его территорию, где мы зависели от настроения Андрея. Мы приехали летом, с минимумом вещей, всего на неделю, и застряли на полтора месяца. Сразу после того, как мы подписали мировое соглашение, Андрей отказался идти в посольство, а без этого наши документы рассматривали невероятно долго. Мои лондонские друзья были в шоке. Они до сих пор не могут простить себе, что были на отдыхе, а я осталась без их помощи и снова попала под его влияние.

Подошло время, когда детям надо было идти в школу, но Андрей не выходил на связь и отказался идти со мной, когда нас вызвали в посольство. Мне ничего не оставалось делать, как ехать к нему.

Я знала только номер дома – приехала, припарковалась, начала искать. Иду и вижу с левой стороны пункт скорой помощи, куча народу – водители, санитары курят, о чем-то разговаривают. Рядом подземный паркинг. Открываются ворота, выезжает машина, за рулем Андрей. Так получалось, что он выехал и вынужден был остановиться, потому что я стояла напротив. Он уперся мне в ноги и вместо того, чтобы выйти и поговорить, судорожно заблокировал двери, чуть приоткрыл окно и начал орать: «Помогите. Я Андрей Аршавин, известный футболист, мне тут фанатка под колеса кидается». Честно говоря, я ошолбенела. Я в принципе не понимала, как на это можно реагировать. Прибежали два мужика, посмотрели на меня, мелкую, худую, на него, не знают, что делать. «Молодые люди, вы меня простите, пожалуйста, но я его жена, бывшая. Я просто пытаюсь с ним поговорить», – сказала я им. И до сих пор помню, как один постарше повернулся и сказал: «Андрей, ты так некрасиво себя ведешь, ужасно». Развернулся и ушел. Он остался сидеть в машине. Я редела и умоляла: «Открой окно. Давай поговорим. Эта виза нужна детям. Им нужно идти в школу. У них нет одежды. Им не в чем ходить. Уже холодно, у них только летние вещи. Пожалуйста». Я стояла на коленях и без конца редела. Он сидел в машине и кому-то звонил, не глядя на меня. Еще две недели назад он улыбался и говорил, что поможет и решит оставшиеся вопросы, и спал с нами в одной кровати. Что это? Иногда я думаю, что психическое расстройство... Иначе я просто не могу этого объяснить.

Унижение было не закончено, он недостаточно насладился. Приехала машина секьюрити. Оттуда вышли два жлоба. Они взяли меня и просто отнесли на пару метров, а Андрей с ехидной улыбкой проехал мимо. Люди у поста скорой помощи смотрели на это, открыв рты. Бог ему судья за все.

Кто-то скажет, что ситуация, когда я чуть не умерла в больнице, была куда страшнее, а его побег оттуда и нежелание никак принимать участие в решениях касательно меня – куда как отвратительнее. Нет. Там многое объяснялось страхом. Он все время спрашивал у врачей, в чем причина того, что случилось, пока моя подруга ему не сказала: «Причина сейчас сидит напротив меня». Андрей понял, до чего меня довел, и убежал. Но вопрос с этой охраной – не пустяк. Это подлость. Это была точка невозврата. На сей раз уже точно.

Я знала человека, который отвечал за его охрану, и спросила, почему он прислал туда ребят. Я же не слышала, что Андрей говорил по телефону. Мне было сказано, что они боялись за мою жизнь: «У нас другого выхода не было. Он бы тебя переехал». Не думаю, что это так. Ему нужно было меня унижить, и он это сделал. Самым извращенным способом, а на ребят зла я за это совершенно не держу.

После самой темной ночи все равно наступает рассвет

Соглашение подписано. Мы просто тупо, на авось, ждем с детьми визу в Питере. Пути назад нет. Слава богу, «Зенит» по старой памяти дал мне машину, за что я очень благодарна клубу, а из Лондона со счетов еще приходили деньги на детей. На жизнь кое-как хватало. Именно в этот момент Инна Жиркова позвала меня в Москву. Кто бы подумал, что с этого момента начнется путь к рассвету?

Они праздновали детский день рождения и с Юрой решили, узнав, что я в Питере и в такой ситуации, позвать меня. Поначалу я отказывалась – как, куда я поеду. «Нет, приезжай, – настаивала Инна. – Будешь жить у нас. Будет все нормально».

На детский праздник Жирковы собрали достаточно разношерстную компанию. Было много футбольных семей, были новые друзья Инны из шоу-бизнеса – незадолго до этого она вернулась с шоу «Остров» – это такой аналог «Последнего героя», – были и родственники. Детей развлекали аниматоры, а взрослые сидели за одним очень длинным столом и практически не общались друг с другом – ведь все были мало меж собой знакомы, а Инна была занята с детьми. Мне же после тягостного развода и общения с Андреем и адвокатами очень хотелось общения. Простого, человеческого трепа ни о чем, так что я говорила со всеми, смеялась, веселилась – развлекалась, как могла. В конце ко мне подошел Петро Шекшеев – человек, который позже станет моим директором. Он был восхищен тем, как легко я нашла общий язык со всеми. «Я много лет на ТВ работаю, – сказал он. – Но такого давно не видел. Мне кажется, у тебя дар общения с людьми, по тебе явно какое-нибудь ток-шоу плачет. Ты никогда не думала о работе на телевидении?»

Если честно – я не думала. Все последние годы я думала о карьере Андрея, но никак ни о своей. Хотя когда-то давно «баловалась» работой на радио и вела программу «Футболка» на питерском радио. По названию, наверняка, понятно, чему и кому она посвящалась. Впрочем, это было давно и недолго. Я задумалась над словами Петро. Мы решили, что я задержусь в Москве на несколько дней и мы сделаем несколько пробных записей.

В результате получилось, что я ехала в Москву на три дня, а осталась

на две недели. Все эти дни я жила у Жирковых на диванчике в гостиной, и каждый день мне по телефону устраивал истерики Андрей. Кажется, он начал понимать, что контроля над ситуацией у него больше нет. Я это тоже поняла: что бы он ни пытался со мной обсуждать – было поздно. Знаете, иногда так натягиваешь резиночку, потом снова, и снова, и раз – порвалась. Так и тут. Он меня все время проверял. Всю нашу жизнь. Он мог мне сказать что-то обидное и посмотреть на мою реакцию. Это я понимаю сейчас, спустя время. Ему все время нужны были какие-то доказательства его значимости. Тебя посильнее дернут и смотрят – что, осталась? Осталась, ага, значит, любит. А потом, спустя два часа, мокрые глаза – спасибо, как я могу без тебя жить. В последний год это все приобрело абсурдные и уродливые формы, пока мое терпение не лопнуло. Он доигрался. Я оценила, наконец, свободу. Если бы я переехала в Питер, как он того хотел – то, о чем мы говорили в школе, – то вот так прилететь в Москву к Жирковым я бы просто не могла. Мне бы никто не позволил этого сделать. Мои карточки были бы заблокированы еще на моменте покупки билетов. Теперь, после месяцев унижительного суда, я пожинала плоды своего решения, – оно было верным. Установилось равновесие. У Андрея была женщина, а я была вольна жить своей жизнью без его вмешательства в нее. И имела на это право.

Правда, даже после суда и мирового соглашения Москва и неподчинение Андрею вышли мне боком. Он нашел способ, как отомстить. В мировом соглашении не была указана аренда дома. Моя адвокат на ней настаивала, но я тогда поверила Андрею, который сказал, что и так не выкинет нас с детьми на улицу. Конечно, выкинул. В начале октября мне пришло письмо от хозяина дома, что оплаты нет. Я позвонила Андрею.

– С чего я должен платить за ваш дом? – спросил он. – Вот получите алименты, заплатишь.

– Андрей, ты же знаешь, что там даже не хватит на аренду.

– Меня это не волнует.

За дом заплатила моя подруга Юля. Я без визы даже не могла полететь в Лондон, чтобы решить вопрос с хозяином дома и забрать вещи, так что их бы просто выставили на улицу.

И все равно Москва мне помогла. Я выдохнула и поняла, что ничего страшного не происходит. Мы будем ждать визу. Мне ее как туристу все равно откроют, и тогда я слетаю за вещами. А детей пришла пора отдавать в школу здесь. И снова спасибо «Зениту» – в клубе помогли со школой для Артема, и хотя была уже середина октября, а мой ребенок

больше был англичанином, чем русским, директор пошла нам навстречу.

Видимо, и правда надо было отпустить ситуацию. В четверг я была у директора школы, а в пятницу нам прислали уведомление, что визы готовы. Но только для меня и двоих старших детей. Арсению визу не сделали, так что он не мог лететь с нами. Честно говоря, я думала – не остаться ли. Питер для меня был шикарным вариантом во всех смыслах: не такой дорогой город, как Лондон, помощь людей, которых я знаю, уже готовая договоренность со школой. Я приехала домой с этими визами, и первым встретить меня вышел Артем: «Мама, нам дали визу?» Я смотрела на него и понимала, что не могу его здесь оставить. Артем страшно хотел вернуться в Лондон, он боялся оставаться в России, он ждал документов так, что на него было больно смотреть.

В 9 утра я была в школе с извинениями и со словами благодарности: «Простите, знаю, что вы очень много для нас сделали, но все-таки полечу в Лондон, попробую. Посмотрим». Арсений остался с мамой и сестрой.

Когда мы прилетели в «Хитроу», Артем рыдал: «Мамочка, я не верил, что вернусь обратно домой. Мама, спасибо». Этот был комок, который он держал в себе 1,5 месяца, пока нам не давали визу. Мы ехали из аэропорта домой, он узнавал каждую вывеску, он говорил, как и где мы повернем, он читал каждую надпись, и я поняла, что сделала в тот момент все правильно. Детям надо было спокойно привыкнуть к отъезду, попрощаться внутри себя с городом и друзьями.

Мой адвокат предлагала судиться с миграционной службой Великобритании – никто не имеет права разбивать семью, но суд в Лондоне – минимум полгода. И мы договорились, что просто заново подадим заявку, это будет быстрее. Визу Арсению дали только в середине декабря. Все это время я жила на три города и в состоянии постоянного стресса. В Лондоне надо было быстро снять квартиру, съехать из когда-то родного дома. Я сделала практически невозможное – нашла квартиру всего за три дня, упаковала все вещи и часть перевезла в новое жилье, а часть раздала по друзьям. Некоторые коробки до сих пор обитают у них. Перевозить вещи приехали шесть грузчиков.

– Развод? – спросил один из них.

– У меня что, это на лбу написано?

– Ну а что это еще может быть, если женщина одна с детьми перетаскивает вещи из огромного особняка в маленькую квартиру?..

В общем, переехали. Дальше начались новые для меня будни. Когда я летала в Россию к младшему, старшие оставались с няней. Пока я была с ними, с Арсением по очереди сидели мама и сестра – он стал нашим

сыном полка. Плюс в этот момент у меня уже начались съемки в Москве. Конечно, я разрывалась между детьми. Оставить их одних психологически было очень сложно, физически же было непросто жить между городами, а съемки были для меня новым делом, что добавляло в жизнь адреналина.

Да, остаться в Питере, плыть по течению было бы куда более удобным вариантом...

К новому году Андрей уже долго не общался с детьми, так что я позвонила сама:

– Андрей, у тебя отпуск. Ты куда?

– Я улетаю.

– А дети? Ты не хочешь с ними повидаться.

– Нет, я лечу со своей девушкой отдыхать, ты же не хочешь, чтобы они общались.

– Почему же? Забирай детей, лети с ними. Я как раз хочу, чтобы вы общались.

Они поиздевались надо мной. Зная мою позицию, что детей делить нельзя, он сначала сказал, что берет всех троих, потом решил, что так неудобно и возьмет только двоих старших. Расчет, видимо, был на то, что я психану. Я этого не сделала. Они вчетвером улетели, а я осталась с Арсением.

Прийти в себя и зарядиться мне помог Бали. Там отдыхали мои друзья, и я решила устроить нам с Арсением каникулы. Это был первый шикарный Новый год за много-много лет, который я праздновала, как хотела. За два часа до Нового года помыла голову, никак ее не укладывая, надела платье, переделась в другое, плавала в бассейне, всю ночь болтала с друзьями. Они мне помогли. Я видела, что им интересно со мной, со мной весело, и постепенно моя вера в себя, мое забитое самоуважение возвращались. Я вернула себе себя. У меня было все хорошо. Паспорта с визами для всех троих детей были, после нового года мы все вместе полетим в Лондон.

Он вернулся из своего отпуска 5 января, я должна была прилететь с ребенком 6-го, а на 7-е у нас были куплены билеты в Лондон, потому что уже 8-го начиналась школа. Все распланировано до минуты. Но прилетев в Питер, Андрей узнал, что я сменила замки в квартире, где мы жили с детьми, и решил, что это выпад против него. Для меня такая позиция была более чем странной. Мы уже давно жили отдельно. Он был с другой женщиной, у него была другая семья. У меня же не было ключей от их квартиры, почему у него должны были быть ключи от нашей. Никаких объяснений он слушать не хотел и решил снова начать воевать. Единственный способ сделать мне больно – через детей. Андрей сказал,

что не отдаст их паспорта и я не смогу улететь с ними в Лондон. Я предприняла попытку поговорить, впрочем, понимая, что дело было не в квартире...

В момент разговора с ним я ехала в аэропорт. Теперь представьте картину: мы доезжаем до аэропорта, и я понимаю – лететь с Бали до России почти сутки. Я сяду в самолет и в этом замкнутом пространстве просто сойду с ума, потому что я больше не могу терпеть его произвол и истерики. Я знала, что будет в Питере. Я буду сидеть и ждать, когда он соизволит наиграться. И я решаю пойти ва-банк – все-таки Бали какой-то волшебный остров. Он дал мне смелость говорить с Андреем так, как я никогда до того себе не позволяла. Я позвонила ему и абсолютно спокойно сказала: «Знаешь, я остаюсь на Бали до тех пор, пока ты не вернешь моим детям паспорта», – и повесила трубку. Мы с ребенком вернулись в отель. Через несколько дней он привез няне паспорта. Она мне позвонила со словами, что держит их в руках, и в этот же день мы с Арсением вылетели в Питер, а оттуда сразу в Лондон. Дети снова пропустили школу – вся эта его возня каждый раз отражалась на них. Сколько я ни объясняла Андрею, он этого не слышал. Он делал хуже не мне, он раз за разом отыгрывался на детях. Я не знаю, когда он это поймет. Мне уже давным-давно все равно, но за эти поступки ему придется отвечать перед ними.

Он пакостил снова и снова. У наших друзей огромное поместье на горнолыжном курорте, и они меня позвали с детьми приехать к ним в гости. Вот только нужно было сделать детям визы, а для этого требовалось разрешение Андрея. Он отказал. Как можно портить отдых своим детям? Ведь это не у меня нет визы, а у них, и я обойдусь без этого курорта, а вот им туда хотелось.

Есть же две модели поведения. Условно можно ударить, а можно поцеловать, и все чаще я вокруг наблюдаю мужчин, которые не выросли из мальчиков, дергающих девочек за косички, хотя хорошим добрым отношением добились бы большего.

Опять в суд

В начале 2014-го года у меня появилась первая работа на телевидении. Меня утвердили соведущей ток-шоу «Холостяк. Чего хотят женщины?». И произошло это не благодаря знаменитой фамилии моего бывшего мужа. Я часто слышала мнение, что сделала себе имя за счет Андрея – так говорил он сам, его мама, многие знакомые. Но на самом деле от ярлыка «жена футболиста» мне приходилось отмываться. Никто не хотел брать в программу «жену футболиста». Петро с большим трудом удалось уговорить съемочную группу хотя бы согласиться на встречу и знакомство со мной.

Мы встретились с девчонками – продюсерами шоу, и, по их признанию позже, они утвердили меня через десять минут разговора. Тема передачи была действительно мне интересна – отношения – так что я легко раскрепостилась и говорила. В конце концов, я на протяжении года только и делала, что говорила об отношениях.

Тема-то передачи была знакомая, а вот мир телевидения – очень новым. Благодаря «Холостяку» и его съемочной группе я начала знакомиться со съемочным закулисным и его порядками. Шоу снималось блоками по несколько съемочных дней раз в месяц. Приходилось делить время между Лондоном, где дети, и Москвой, где работа, и все время летать туда-сюда. Хорошо, что в Лондоне был надежный тыл из моих подруг, которые приглядывали за детьми, и Ларисы – няни, которую я называю про себя Мэри Поппинс. Она всегда появляется в моей жизни, когда очень нужна, но на короткий период. В то время Рае пришлось вернуться в Россию, потому что рабочую визу я больше ей продлить не могла. Лариса появилась на пороге моей квартиры совершенно внезапно, как обычно. И осталась до тех пор, пока мы не уехали из Лондона и все в нашей с детьми жизни не встало на свои места.

Когда я приезжала в Москву, то жила у Жирковых. Гонорар начинающей телеведущей был не сказать, чтоб очень велик. А ведь надо было где-то жить, есть, содержать детей. При этом каждое возвращение в Лондон приносило новые счета. Я никогда раньше не думала, что при виде почтовых ящиков могут начать трястись руки. Ты только за все заплатишь, рассчитаешься, вдруг бабах – еще что-то сверху. Спасибо моим друзьям за помощь. Это было бесценно. И всегда в нужный момент. Сегодня я почти все вернула, но кое-что не смогу никогда, только какими-

то поступками и делами. Один из мужей моих подруг попросил однажды копию моего паспорта. Я спросила: «Зачем?» Он ответил: «Надо». Так и поговорили, а через три дня он дал мне карточку от своего счета. Сказал, что я могу ею пользоваться. Я этого не сделала ни разу, но само понимание того, что если что, у меня будут деньги, – дорогого стоит.

Почему мы снова остались без денег? Потому что таким неожиданным способом Андрей решил дать о себе знать. Он перестал платить по мировому соглашению. Видимо, ему было нужно, чтобы какие-никакие, но отношения между нами продолжались.

Мне снова пришлось идти в суд. Теперь уже российский. Кстати, по мировому соглашению я не имела права обращаться туда, если все условия выполнялись. Так что я умоляла Андрея не нарушать соглашение, перестать издеваться: «Андрей, у меня же будет основание пойти в суд, а я этого не хочу». Не знаю, о чем он думал. Я же снова мучилась, меня ела совесть, и я все оттягивала поход к адвокату. В итоге все-таки пришлось это сделать. Мое дело невозможно было не выиграть – оно об алиментах, и закон в России очень четко на этот счет прописан. Единственная сложность была в имени Андрея Аршавина, а судьи опасаются громких фамилий.

Я опять сделала, как он хотел, подписав и тут мировое соглашение. Поскольку он не платил уже какое-то время, я имела право подать на алименты задним числом, зафиксировав те суммы, которые он не выплачивал. У него еще были задолженности с момента моего обращения в английский суд – и там довольно много набежало. По большому счету мне не нужны были эти деньги, но нам с детьми надо было где-то жить, и я просила Андрея просто купить нам жилье. Я согласна была отказаться от всех финансовых претензий и имущественных, однако Андрей на это не пошел. А на тот момент мы в Лондоне снимали маленькую квартиру, и дети жили друг у друга на голове. Мы с адвокатами решили, что я куплю квартиру сама на выплаченные задолженности. Не знаю, что было в голове у адвоката Андрея. Как потом выяснилось, он никогда не занимался семейными делами и почему-то вселил Андрею в голову мысль, что они выиграют суд. Это было невозможно. По российскому законодательству отец выплачивает алименты детям – 50 % на троих и более. Этот суд возможно выиграть, только переписав закон. Есть лишь одна поправка в законе. Папа имеет право попросить разделить алименты на две части: одну перечислять на счет мамы, чтобы она могла обеспечивать детей, а вторую часть перечислять на счет детей, и тогда этими счетами руководят органы опеки. Все. Более

того, если отец не выплачивает алименты добровольно, тогда посылается исполнительный лист по месту работы и деньги выплачиваются непосредственно оттуда.

В течение суда Андрей игнорировал все заседания, ни с кем не общался, слал куда подальше моих адвокатов по телефону. Близилось финальное слушанье.

На очередное заседание я прилетела из Лондона. Была пятница, а в субботу я должна была вернуться и вести там большое мероприятие. По моим расчетам, я все успевала, но заседание затянулось. Адвокат Андрея понял, что ошибался, и начал оттягивать вынесение вердикта, сказав, что Аршавин выступит в суде в понедельник. Это опять рушит мою жизнь, срывает планы, но я вынуждена согласиться. Как же, Андрюшенька придет в суд. Может быть, мы, наконец-то, по-человечески поговорим.

В выходные мне позвонил его адвокат. Это был очень некрасивый поступок – он просто меня развел, используя запрещенный прием. Я думаю, что где-то для него в аду уже приготовлен чан – ведь все возвращается, всегда. Что случилось? В субботу мне позвонил этот человек и начал умолять подписать мировое соглашение, конечно, выгодное им. Не ради него, ради Андрея. Он просил не ждать приговора суда и простить Андрею все задолженности. Он умолял согласиться подписать бумаги, по которым детям отходила все та же старая квартира в Питере, и что Андрей согласен купить еще одну, где они будут жить по-человечески: «Ну, не важно, Юль, что квартира вам не подходит. Он купит новую, потому что он очень любит детей, он по ним скучает, – говорил он. – Ты сейчас сделай, как он хочет. Он так жаждет вернуться к детям и общаться с ними. У него рвется душа. Я смотреть на это не могу. Я последние полгода провожу с ним больше времени, чем кто-либо. Он не любит женщину, с которой живет. Он весь в мыслях с тобой, с детьми».

Я прорыдала всю ночь. Адвокат просто надавил на детей – на самое больное место, на то, что они к тому времени уже некоторое время не общались с отцом. Причем не потому, что я запрещала – он не хотел этого сам.

Андрей все-таки пришел. Он приехал за полчаса до начала заседания без разрешения на выезд для детей, что было ему сказано сделать судьей. Она его отослала за бумагами. Я ждала. Андрей поехал к соседнюю контору к нотариусу. Я продолжала сидеть и ждать. Наконец, он сделал эти разрешения, привез, и началось.

Мы провели в суде 11 часов. За это время он достал даже судью.

В конце слушания, вечером, она сказала: «Вы морочите голову всей стране. Как вам не стыдно?» Андрей промолчал. Я же была без сил.

Мировое соглашение было бы окончательной точкой, так что я встала перед выбором: согласиться на все условия Андрея и его адвоката сейчас и уже никогда больше не возвращаться к этому вопросу, либо суд продолжился бы еще много месяцев. И любое решение суда в мою пользу Андрей и его адвокат смогли бы апеллировать. Сначала в районном суде, потом городском, потом Верховном. Мы, наверно, до сих пор бы судились. Глядя на мой измученный вид, судья порекомендовала пойти на мировое соглашение и была абсолютно права. Андрей бы не успокоился, а в жизни наступает предел, когда ты готов что-то отдать – только бы больше не возвращаться к этому вопросу.

За эти 11 часов меня морально размазали, я подписала согласие на старую квартиру, на отказ от выплаты задолженностей, согласилась уже на все, лишь бы это закончилось.

Когда я вышла из зала, меня облепила пресса. Мне кажется, я впервые видела такое количество журналистов, жаждущих узнать подробности.

После суда я неделю просто лежала. Я опоздала из-за Андрея и его адвоката на съемки. Да и, честно говоря, мне было все равно. Тогда я думала, что никогда не смогу прийти в себя, но мы сильнее, чем о себе думаем. Тем более, что я победила, эмоционально поставив точку. Андрей уже ничего с этим не мог сделать. Он, конечно, попил мне кровь еще раз, когда отказался переписывать квартиру. Его адвокату понадобилось три месяца, чтобы убедить Андрея, что это наказуемое деяние – не следовать мировому соглашению, и оно чревато арестом имущества. За эти три месяца я не раз могла ему устроить проблемы, но я просто ждала, уже понимая, что это просто очередной раз, когда он пытался надавить на меня, не желая заканчивать видимость отношений. Когда, наконец, адвокат объяснил ему последствия, Андрей согласился передать квартиру. Мы подписали бумаги в разных помещениях не встречаясь.

Забавно, что приписанные к квартире паркинги Андрей оставил за собой. Он даже въехать на них не может. Чтобы вы понимали, это не многоэтажка. Это дом на несколько квартир, там некому продать паркинг. Он просто положил в гараж два бетонных блока, чтобы мы не могли въехать.

Думаете, история на этом закончилась? Поскольку я в Питере не жила, то моя сестра нашла людей, которые хотели снять квартиру. Но для государства она еще была имуществом Андрея, потому что бумаги только были отданы на переоформление. Что он сделал? Разрешил мне ее

сдавать при условии, что я буду отдавать ему половину денег. Это было уже на грани абсурда. Человек, чьи дети жили на протяжении нескольких месяцев на помощь моих друзей, требует отдавать половину денег за квартиру, которая ему не принадлежит.

Меня такие вещи уже не цепляли, лишь удивляли снова и снова. Я могла подождать. Да и в жизни все наладилось. У меня было уже несколько проектов на телевидении, а скоро я начала еще один.

Новая жизнь

Вся наша жизнь – спираль. Помню, как я написала сочинение, и наутро мне учительница поставила четыре, потому что посчитала, что я сама не смогла бы справиться так хорошо. А позже другая учительница по литературе кричала, ругала меня за то, что я трачу время на домоводство и прочую ерунду вместо того, чтобы писать. Теперь мне остается только признать ее правоту. Жизнь достаточно иронична. Я была домохозяйкой, а оказалось, что могу быть телеведущей. И наверно, то, что сейчас происходит, тоже было предопределено.

Но прежде чем начать новую жизнь, нужно было разобраться окончательно со старой. Нельзя начинать новое дело с таким количеством шушуканий за спиной. Обо мне, о нас с Андреем и о нашем разводе ходило очень много слухов. За два года прессе так и не удалось выяснить правду о том, что между нами происходило.

Когда все только начиналось, мне позвонил Андрей Малахов.

– Я на твоей стороне, – заверил меня он. – Если тебе когда-нибудь понадобится моя поддержка или мой эфир, ты можешь на меня рассчитывать.

– Андрей, я пока не готова никому рассказывать о том, что происходит.

– Хорошо, я буду ждать. Столько, сколько нужно.

Андрей, если я когда-нибудь на это решусь, то приду с этой историей только к тебе.

За эти два года мне и в самом деле поступали самые разные предложения и были обещаны самые разные суммы за то, чтобы я раскрыла хоть какие-нибудь подробности прессе. Но, во-первых, я с самого начала решила, что не буду торговать своей историей, во-вторых, действительно еще была не готова. В-третьих, никому не доверяла. Кроме Малахова.

Момент настал. Я поняла, что пора. Лучше я расскажу сама всю правду, чем буду и дальше слышать потоки лжи, слухов и полуправды.

Я очень благодарна Андрею Малахову за то, как деликатно он позволил мне рассказать мою историю. Он не потащил меня в студию – там бы я не смогла – он приехал в Лондон. Мы снимали у нас дома, в Гайд-парке, в Хампстеде. И по сути, вся передача была моим монологом. Я благодарна Андрею и его съемочной группе, что они дали мне выговориться и ни капли не переврали мои слова в монтаже.

Я очень волновалась перед съемками, все время спрашивала себя, правильно ли я поступаю. А что скажут дети, когда спустя много лет увидят эту передачу? Не подло ли это по отношению к Андрею? Представляете, после всех тех ужасов, что он натворил за предыдущие два года, я все еще волновалась о том, что он подумает.

Передача вышла в эфир и наделала много шума. Мне казалось, что ее смотрели все! По крайней мере, все считали нужным сказать, что смотрели ее. От близких до совершенно не знакомых людей, которые подходили на улице. На следующий день я проснулась со ста тысячами новых подписчиков в Инстаграме и десятками новых запросов на интервью. Но я не хотела, чтобы меня ассоциировали с вечно жалующейся на своего бывшего мужа женой, так что от разговоров отказывалась. Исключение составили Андрей Малахов с «Пусть говорят», Света Бондарчук – для журнала «Hello!» и вы – на страницах этой книги. Книга, кстати, была задумана тогда же – в начале 2014-го года. И я так же сильно переживаю, выпуская ее в свет.

Следующим же этапом моей телевизионной карьеры стала передача с очень символичным в тот момент для меня названием – «Перезагрузка». Я пришла на пробы, куда приехали и мои будущие соведущие Юра Столяров и Женя Седой. Мы должны были просто пообщаться в кадре. Я сразу обратила внимание, что они меня как-то подозрительно рассматривают. Потом оказалось, что мне снова аукнулся розовый костюм, в котором я прилетела в Лондон. Парни меня загуглили и фото в нем было первым, что им выдал поисковик. Забавно, что те, кто встретил меня по одежке, да еще и по розовому костюму, совсем скоро приняли меня как свою и наше общение с ними вышло за рамки съемочной площадки. А вот утвердили меня не быстро, так что я даже успела понервничать – мне очень хотелось попробовать себя в роли не эксперта, а уже полноценной ведущей.

Дальше было ток-шоу «Девчата» на канале «Россия». Я работала в «Девчатах» до самого их закрытия, перейдя из еженедельного формата в ежедневный, перестраиваясь на ходу. Получилось, что я пришла в одну программу, а работала совсем в другой.

На «Девчатах» я получила еще один бесценный опыт, который в дальнейшем мне пригодился. Отношения до команды «мотор» и после – очень разные. Часто после съемок я возвращалась домой эмоционально выжатая. Не все в команде «Девчат» считали, что я достойна быть с ними на одной площадке. Для меня это было тяжело и неожиданно, потому что в лицо мне об этом никто не говорил. К метаморфозам других людей надо

было привыкнуть. Зато появились хорошие подруги – Рита Митрофанова, всегда честная перед самой собой и другими, и наш продюсер Света Подчерняева, умная, целеустремленная и интересная. Именно Света пригласила меня в проект и помогала освоиться на площадке, поверив в еще совсем зеленую новоявленную телеведущую. Я ценю таких людей в моей жизни.

Удивительно. Я не боюсь проб. Мне проходить их легче, чем работать. Я иду на пробы не под гнетом. Я иду в никуда. Мне не страшно. Получится – значит, получится. Почти всегда получается. Но после того, как пробы проходят и меня утверждают на проект, врубается моя бешеная ответственность – я начинаю нервничать и переживать.

Вы себе не представляете, какое количество раз я слышала в своей жизни фразу: «А вы совсем не такая». «А какая я?» Откуда, кто знает, какая я? Образ складывается из фраз, вырванных из контекста, неудачных фотографий и, конечно, из стереотипов. Все же знают, что футболисты тупые, а их жены – глупые, да? Откуда это? С чего бы? Я уже говорила, что клеймо «жена футболиста» скорее мешало мне, чем протаптывало дорогу на телевидение. Еще с кастинга «Холостяка» я опровергала стереотипы, доказывала, что я – Юлия Барановская, а не экс-жена Андрея Аршавина. Встречали меня именно так, а провожали уже, зная, какая я, изменив свое мнение, а я с удовольствием наблюдала за этим.

К моменту кастинга в программу «Мужское/Женское» на Первом канале у меня уже был некоторый опыт на телевидении. Но для Первого канала и такого зубра телевидения, как Александр Гордон, я была начинающей, никому не известной девочкой. Знакомые меня пугали им – берегись, Гордон, уже не одну соведущую съел, и он очень непростой в общении.

Приехали на пробы. Гордон сидел молча с недовольным, отсутствующим видом. После пятиминутного молчания спрашивает у продюсера:

- Зачем я вообще сюда приехал?
- Вы с Юлей должны пробы сейчас пройти.
- А...

Тогда я абсолютно искренне к нему повернулась и сказала: «Я понимаю, что вы очень заняты. Вы простите, пожалуйста, что вам придется потратить полчаса своего времени».

Его лицо как-то потеплело. Он кивнул, и мне уже было совершенно не страшно идти на площадку. Пробы получились очень хорошими, мы до сих пор их иногда пересматриваем.

Было приятно и очень неожиданно, что меня утвердили сразу. Утвердить – утвердили, но студийные декорации еще не были построены, и до запуска шоу должен был пройти месяц. Все это время я провела как на иголках. Видимо, до конца я все-таки не осознала и не поверила, что я – Юлия Барановская – скоро начну работать на Первом канале! Мне казалось, что сейчас что-то произойдет, все это накроется, и мне скажут до свидания. Я себя недооценивала и задавалась вопросом, как быстро это закончится. И мне тут же сверху снова дали по носу за недоверие.

Новый сезон на телевидении начинается осенью. Канал готовил масштабную презентацию своих новых программ и новых ведущих. Весь день в прямом эфире из разных точек Москвы мы все представляли свои проекты.

Нам с Сашей Гордоном выпало анонсировать свою программу в 10 утра, с крыши гостиницы «Ритц», с видом на Кремль. Погода прекрасная, точка для съемок – лучше не придумаешь.

Ритц, к слову, мой самый любимый отель в Москве. Тем более было приятно, что моя продюсер предложила мне переночевать в отеле перед эфиром, чтобы не ехать с утра через всю Москву. Но черт меня дернул поехать перед этим в гости к подруге. Нет бы спать пораньше легла! Мы посидели, я уже собиралась домой, как вдруг спотыкаюсь и со всего размаха врезаюсь лицом в стеклянную дверь. Губа разбита, передний зуб сломан. На часах полпервого ночи. А наутро у меня самый важный эфир в моей новой телевизионной жизни! При этом у меня губа, как у боксера после матча и передний зуб отколот. Губы еще можно как-то гримом замазать, а вот отсутствие зуба, тем более переднего, перед камерой не спрячешь. И тут я по-настоящему испугалась, осознав, что моя карьера грозит закончиться, не начавшись.

Я ехала в машине и буквально рыдала в трубку Петро, что если не найду стоматолога, то приклею жвачку на время эфира и все равно пойду, потому что я поняла, чего могу лишиться. Не знаю, как им образом, но Петро удалось в ночь с субботы на воскресенье отыскать в Москве стоматолога, который готов был прийти ко мне на помощь. В 6 утра я сидела у него в кресле и восстанавливала зуб.

Уверена, что это было ответом на мою неуверенность. Вместо того чтобы принимать от жизни с благодарностью подарок, валяться в своем любимом отеле, нежиться в кровати и морально готовится к прямому эфиру, я устроила себе встряску.

Стоит ли говорить, что прямой эфир прошел отлично и очень

спокойно, по крайней мере внешне все выглядело именно так, хоть я и не чувствовала губу.

Все к лучшему

Иногда у меня появляется фантомная боль. Например, в декабре, когда мы каждый год проводили отпуск вместе, у меня возникает странное желание написать Андрею. Хорошо, что рядом есть люди, которые могут сказать: «Напиши, конечно, он размажет тебя опять». И это желание уходит. Я больше не люблю его, я не хочу быть с ним, это что-то на уровне инстинкта. Однако старые привычки постепенно забываются и появляются новые – слишком много случилось за последние годы между нами. Я любила его, мы были вместе, у нас было хорошее и плохое, но эти годы были абсолютно счастливыми. Память о них он разрушил полностью. Я до сих пор покрываюсь мурашками, когда думаю, что бы было, не подай я в суд. Когда у тебя трое детей, остаться на улице – животный страх, а мы бы целиком и полностью зависели только от настроения Андрея.

Я не хотела признаваться самой себе, но сейчас могу сказать честно: Андрей по-другому не мог от меня уйти. Он каким был, таким и остался. Это я была в мире иллюзий. Он даже маме не мог купить билет лучше на самолет, что уж говорить обо мне.

Возьми он ответственность за свой поступок, я бы жила с чувством потери. А он ушел так, что я скорее приобрела. Я построила свою жизнь без него. И она мне нравится. Меня не интересует, как Андрей живет, с кем. Я не хочу ничего об этом знать. Мне нравится та свобода, которую я приобрела. Я отвечаю сама за себя, и мне больше не надо переживать за репутацию другого человека! Постоянно думать, как скажется на нем то, что ты говоришь и делаешь, – очень тяжело, это же невероятная ответственность. Сегодня я свободна в своих поступках и желаниях и, как выяснилось, это здорово!

Только в одном точка для меня не поставлена. Он меня до сих пор дергает своим отношением к детям. Наступают их дни рождения. И мы все вместе ждем – не позвонит ли папа. Новый год – то же самое. Им все еще сложно понять, особенно Артему, почему из их жизни исчез близкий человек – живой, здоровый, вот он недалеко, а к ним больше не приезжает, не звонит. Они сами решили, что для них папа болен. Янка и Арсений считают, что папа – Кай, что у него ледяной осколок в сердце, а Артем уже взрослый, он говорит, что у папы в жизни сложный период.

Мне бы хотелось, чтобы они общались. Не ради меня, ради детей. Он нужен им. Пока еще нужен.

Кстати, сегодня дети живут со мной в России. Конечно, Артем и Яна любили Лондон, считали город своим домом. Но постепенно они привыкли к мысли, что оттуда придется уехать. Сегодня моим детям важно, что мама рядом, и они легко подстроились под жизнь в Москве. А я счастлива приходить после тяжелых поздних съемок в квартиру, где спят мои дети.

Артем ходит в Британскую школу. Там та же система обучения, что в Лондоне. Он все еще пишет и читает по-английски лучше, чем по-русски. Он очень артистичный и талантливый. Ему страшно нравятся «Непоседы», и уже можно сказать с уверенностью, он вряд ли станет футболистом, а об Арсении говорить еще рано.

Самое главное, что случилось со мной лично, – это то, что я заглянула внутрь себя. Люди не меняются, я точно знаю, но они могут себя узнать. Некоторые плывут по течению – бывают такие баловни судьбы, – не зная горя, не проверяя себя на прочность, но без душевных потрясений, без их осмысления человек не растет. Это тоже своего рода указатель верного пути, ведь сильные потрясения заставляют остановиться, подумать, сделать выводы. Если это неправильный вывод, как, допустим, в моей ситуации, когда я год топталась на месте, то будет трясти дальше. Это твоя подсказка – ее просто надо понять и принять. Я больше чем уверена, что любые сложности в жизни нужно принимать как бесценный опыт – это багаж, который тебя формирует как личность. Он дает тебе глубину – мыслей, поступков, а это в свою очередь двигает тебя дальше. Мне кажется, я выросла как личность. Я поняла свои сильные и слабые стороны – не до конца еще, целая жизнь впереди. Но одно теперь точно знаю – я ударостойкая. Я стала терпимее к ситуациям, но больше не буду терпеть людей в проявлении их эгоизма и прихотей. Пусть кто-то уйдет из моей жизни, зато останутся люди, которые уважают меня и мои потребности. Ведь всем нельзя угодить, от этого тебя не будут больше любить, лишь больше использовать. И вот это состояние, в котором я сейчас нахожусь, – мои мысли, мое мироощущение, – мне нравятся гораздо больше, чем раньше. Мне сейчас с собой намного интереснее, чем десять или пять лет назад, и это, в свою очередь отразилось на моем общении с людьми, на моем поведении.

Я никогда не была так счастлива, как сейчас. Но, повторюсь, и с Андреем я тоже была счастлива. И именно поэтому сегодня я счастлива больше – мне есть с чем сравнить, я была там и я теперь здесь, в этой конкретной точке жизни. На тот момент мне казалось, что ничего лучше быть не может. Как выяснилось – может. Я каждую секунду дышу свободой, которая мне теперь дана, которую я завоевала, я не знала, что она

возможна. Это свобода моей личности, это свобода моего права выбора, что делать, как спать, куда ходить, куда ехать, когда готовить, когда не готовить, когда валяться, когда куда-то бежать. И в партнеры, я точно теперь это знаю, я выберу только того человека, который будет уважать мои желания, мои потребности, мои интересы, который будет уважать мою работу, который будет уважать то, что эта работа занимает большую часть моего времени.

Если он скажет – уходи с работы, то значит, что ко мне лично как к Юле Барановской, как к человеку, у него нет никакого уважения. Как можно уважать человека и не уважать то, чем он занимается, то, что ему нравится? Для меня это то же самое, что сказать: «Отпили себе ногу, с одной ногой ты будешь мне нужнее». Я точно знаю, что сегодня отношения со мной возможны только, если мужчина будет моим единомышленником. Иначе ни к чему хорошему не приведет.

Да, семейные отношения таковы, что ты все равно в чем-то идешь на компромисс. Я и шла. И мне тогда это нравилось – то, что я была подчинена графику Андрея, его интересам, его вкусам. Сегодня я могу позволить себе поехать туда, куда Андрей никогда бы не поехал. Если мне интересна компания, могу просидеть там хоть до утра. Раньше время пребывания где бы то ни было, как и вообще наши выходы, зависели только от настроения Андрея. Сегодня я сама себе хозяйка и уже не понимаю, как соглашалась на что-то другое – знаю, что готова вкладываться только в себя.

А что касается одиночества. Одиночество – это внутреннее состояние. Мне не скучно с самой собой, я самодостаточна. И конечно, у меня есть мое главное увлечение – моя работа. Я точно знаю, что моя карьера была бы невозможна, останься мы с Андреем вместе. Его профессия требовала огромных душевных затрат, прежде всего моих. Разорваться на работу, вот так искренне от души, как я это делаю, а я люблю каждого своего героя, и еще при этом оставаться опорой для Андрея... Мне бы просто не хватило запаса сил и энергии.

Телевидение питает меня. Это невероятный драйв. У меня нет усталости. Кто бы меня ни доводил, ни устраивал истерику, когда я выхожу на площадку, то становлюсь самой собой. Мне нравится это состояние, и я не очень люблю выходные. Я живу в таком бешеном ритме, что не понимаю, как и куда их потратить. Съемки-съемки-мероприятия-съемки. Я будто вернулась во времена своей юности, когда постоянно работала и была от этого счастлива.

Теперь еще прибавился и Либридерм. С основателями марки мы

познакомились на «Перезагрузке». Как-то сели у меня в гримерке и слово за слово – разговорились. Помню, прошло полтора часа, и они мне вдруг говорят, что я должна создать свой видео-блог. «Зачем?» – «Тебя так интересно слушать».

Меня. Юлию Барановскую. Телеведущую. Это было приятно.

Я горжусь своим сотрудничеством с Libre Derm и своей принципиальностью. Я уже говорила, что несу ответственность перед своей аудиторией, поэтому прежде чем подписать контракт, я проверила все. Главное, что движет мной в любом проекте, – мне не должно быть стыдно за то, что я делаю. Я никого не обманываю. И конечно, я не буду отрицать, что это невероятно круто – видеть свое лицо практически в каждом журнале.

Я, наконец, сегодня пришла к цели, к которой шла так долго. Я сама управляю своей жизнью, и меня в ней все устраивает! Я получаю от нее удовольствие. Конечно, я скучаю по Лондону, по друзьям, но и в Москве мне комфортно, как это ни парадоксально для девушки из Петербурга. При этом у меня нет сильной привязки к месту. Завтра скажут переехать в Австралию – перееду в Австралию – я с радостью принимаю то новое, что мне дается. Я наконец этому научилась.

Я живу здесь, сегодня и сейчас. Будет завтра, и я буду с удовольствием жить в нем. Я подозреваю, что эти «завтра» могут быть не всегда такими, какими мне бы хотелось их видеть. Будут и тяжелые дни, и легкие. Но каждый из этих дней, даже самый тяжелый, я теперь буду воспринимать не как удар судьбы, а как очередной опыт. Все, что происходит в жизни, происходит к лучшему, а если лучшее не произошло, значит, просто надо еще подождать. Я точно знаю.

Вполне возможно, что это «завтра» будет историей для второй книги... А ее жанр, счастливая она будет, романтическая ли – покажет только время.

Вклейка

Свадьба папы и мамы. Ленинград

Бабушка по маминей линии Юлия Васильевна и дедушка Владимир Александрович на свадьбе родителей

Родители на отдыхе в Туапсе

Мне семь лет. С сестрой Ксенией на даче в Сосново

Я и Ксения на даче в Сосново

Три сестры: Ксения, я и Саша

14 лет. Крым

С одноклассницами

Дубай, 2004 год. Первый совместный отдых

Окончание сезона в «Зените». Гостиница «Астория», 2004 год

День рождения Артема

Фотосессия на «Авроре»

Роддом. Первые сутки жизни Артема

Андрей с Артемом. Первые дни дома после выписки

Самая первая фотосессия Артема. Ему тут полгода

Я, Андрей и Артем. Первые часы дома

Мы с Артемом и мамой, Татьяной Владимировной, на отдыхе в Греции

Андрей и Артем. Второй день рождения Артема. Санкт-Петербург

День рождения Яны в Лондоне. Артему тут 7 лет

Я, Яна и Андрей – наконец-то едем домой после трех месяцев, проведенных в больнице

Регистрация Яны во Дворце малютки в Санкт-Петербурге

Мы с Андреем, Артемом, Яной. Первая совместная фотосессия для Роды.ру

Первый день рождения Яны. На следующий день мы улетели к Андрею в Лондон

Провожаем папу в сборную. Арсений в животе

Арсению 1 час от роду. Лондон, 2012

Крестины Арсения. Фотограф: Екатерина Мухина

Галина – крестная Арсения. Фотограф: Екатерина Мухина

Вита – крестная Яны. Фотограф: Екатерина Мухина

Крестины Яны. На фото: Андрей, Яна, няня Рая и крестная мама Яны – Вита. Фотограф: Екатерина Мухина

Всех троих детей мы крестили одновременно. В Лондоне, в сентябре 2012 года. Фотограф: Екатерина Мухина

Фотограф: Екатерина Мухина

Лондон, декабрь 2012 года. Фотограф: Екатерина Мухина

Рождество 2014 года в Лондоне. Фотограф: Екатерина Никитина

Я вместе с Галиной Агаповой и Стивеном Вебстером (Stephen Webster)

На дне рождения с Михаилом Арабовым, 2011 год

Мои друзья: Вадим и Ольга Зотовы, Ольга Капустинская, 2011 год

На съемках рекламы для Librederm®. Backstage

Бали, 2014 год. Фотограф: Владимир Васильчиков

Всей семьей на Бали, 2016 год. Фотограф: Марина Демина

На фотосессии у Сергея Берменьева, 2015 год